Министерство просвещения РСФСР

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Русский язык в школе и вузе

Том XXI Вып. 3

Ульяновск
1968

Министерство просвещения РСФСР

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Русский язык в школе и вузе

Том XXI Вып. 3

Ульяновск
1968

М. Д. МИШАЕВА

О ХАРАКТЕРЕ ЭКСПРЕССИВНОЙ ОКРАШЕННОСТИ ФРАЗ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЛЕКСИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ И СТРУКТУРНО-ЛЕКСИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Характер и степень экспрессивной окрашенности синтаксических конструкций в значительной мере зависят от их лексического наполнения, хотя, разумеется, и собственно синтаксические особенности играют определенную роль.

На подчиненное значение синтаксиса в процессе развития и выявления экспрессивных отношений неоднократно указывает в своих работах Ш. Балли[1].

Взаимодействие этих двух факторов — лексического и синтаксического в экспрессивном плане обнаруживается лишь в связной речи. Все экспрессивные возможности лексики, потенциально присущие ей, реализуются, облекаются в плоть и кровь в условиях контекста[2].

Учет данного момента особенно необходим при рассмотрении публицистических произведений и в первую очередь публицистики В. И. Ленина, буквально насыщенной экспрессией.

А. В. Луначарский, подчеркивая трудность определения понятия «стиль» вообще и ленинского многогранного стиля в особенности, в качестве основных отличительных черт последнего отмечает четкость, ясность идеологической позиции и страстность изложения, стремление убедить в своей правоте.

---

[1] См., н-р, Французская стилистика, изд-во ИЛ., 1961, стр. 290.

[2] На необходимость обращения к контексту, а нередко и к т. н. большому контексту указывает акад. В. В. Виноградов в своей книге «О языке художественной литературы». Госиздат, М., 1959.

«Ему нужно было убедить... При этом, убеждая, Ленин борется. Он имеет врага, который говорит противоположное, меньшевика, либерала или эсера (могли быть разные враги), либо воображает себе врага, который мог бы выставить против него другую аргументацию. Поэтому любимая его манера убеждать, чтобы одновременно разубеждать противника, который выдвигает противоположные вещи. В этом сильная сторона, привлекательность ленинского стиля»[1].

Об этой замечательной особенности ленинской речи пишут в своих воспоминаниях многие старые коммунисты: М. М. Эссен, Е. Д. Стасова и др.

И сам В. И. Ленин считал важнейшими достоинствами речи, будь то устная или письменная, ясность и простоту. В его работах имеется множество высказываний, попутных реплик о необходимости соблюдения этого основного условия: писать «коротко, резко, ясно и дельно»,[2] «ясно, отчетливо, без уверток»,[3] «чрезвычайно ясно, кратко и точно, по-марксистски».[4]

Итак, для В. И. Ленина ясный взгляд на вещи — это марксистский взгляд. Вооруженные знанием законов общественного развития, марксисты могли и должны, по мнению В. И. Ленина, выступать с открытым забралом, не бояться правды. А подлинная правда всегда проста, не нуждается в прикрасах: «Народу надо говорить правду. Только тогда у него раскроются глаза, и он научится бороться против неправды».[5]

Но роль стороннего наблюдателя, пассивного фиксатора событий не для марксиста-борца. Отсюда полемическая страстность речи Ленина, его широкое обращение к арсеналу всех средств и приемов ораторского искусства, публицистического стиля. Любопытно, что в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (1899 г.) Ленин, возражая К. Каутскому, отстаивает необходимость овладения для агитатора техникой публичного слова, применения им самых разнообразных средств воздействия на читателя и слушателя в

---

[1] А. В. Луначарский. Ленин как редактор, кн.: «Ленин — журналист и редактор». Госполитиздат, М., 1960, стр. 334.

[2] В. И. Ленин. Письмо Г. В. Плеханову от 7 июля 1901 г., Соч., т. 34, стр. 53.

Примечание. Все ленинские цитаты приводятся по 4-му изданию.

[3] В. И. Ленин. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. Соч., т. 19, стр. 96.

[4] «Детская болезнь» левизны в коммунизме», т. 31, стр. 90.

[5] В. И. Ленин. Печальный документ. Соч., т. 24, стр. 310.

том числе и экспрессивных. Он неоднократно подчеркивал преимущество «ясной и захватывающей» формы перед сухим, бесстрастным изложением материала.

Основной задачей настоящей статьи и является рассмотрение некоторых типичных для В. И. Ленина приемов использования лексики, экспрессивность которой определенным образом проявляется лишь в контексте, стилистически окрашивая всю структуру в целом.[1]

В качестве теоретической основы исследования выступают следующие положения:[2]

1. Системность экспрессивных речевых средств и их соотносительность и взаимодействие между собою и т. н. логическими («нейтральными») средствами, как источник проявления экспрессивности как таковой. «Экспрессия — это особое языковое явление, заключающееся в подчеркивании, выделении того или иного отрезка речи на нейтральном фоне».[3]

2. Различные пропорции совмещения номинативного (логического) и экспрессивного моментов, вырастания последнего на базе первого вплоть до его полного подавления. Акад. В. В. Виноградов прямо отмечает, что «своеобразия экспрессивно-синонимических значений многих слов определяются характером и видами их соотношений с номинативными значениями опорных, исходных слов синонимического ряда».[4] Отсюда обоснование принципа выделения логической или экспрессивной доминанты и операции по подысканию т. н. слова — идентификатора: «Идентифицировать экспрессивный факт — это значит приравнять его к единице мысли, определить путем подстановки простого, неэмоционального слова (слова — идентификатора), соответствующего представлению или понятию».[5] И еще: «Эмоциональную сторону выразитель-

---

[1] Контекст в данной статье обычно ограничивается рамками предложения.

[2] В основу их положен подход к явлению экспрессии, намечающийся в работах Ш. Балли, В. В. Виноградова, Р. Г. Пиотровского и др.

[3] А. С. Попов. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке. Сб.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». Изд-во «Наука», АН СССР. М., 1964, стр. 256.

[4] Основные типы лексических значений слова. ВЯ, 1953, № 5, стр. 15.

[5] Ш. Балли. Французская стилистика. М., изд-во ИЛ, 1961, стр. 34.

ного факта можно обнаружить только по контрасту с его логическим содержанием».[1]

3. Многоплановость, разнообразие наполнения и применения единой экспрессивной категории или способа: «...то или иное экспрессивное средство никогда не служит для выражения только одной определенной категории экспрессивных фактов».[2]

4. Различие в интерпретации положительного и отрицательного начал в объективном (логическом) и субъективном (экспрессивно-стилистическом) плане.

Поясним это положение.

В сознании человека существуют понятия положительного и отрицательного. Для их выражения в каждом языке существуют общепринятые, как бы нейтральные, независимые от обстановки средства языкового выражения. Эти формы связаны с логической оценкой явления. В субъективном же плане те же формы могут приобретать весьма различные экспрессивные оттенки, употребляться в совсем другом, даже противоположном значении или с иных оценочных позиций. Ш. Балли для подобных понятий положительного и отрицательного предлагает особые наименования — мелиоративное и уничижительное.[3]

Предметом настоящей статьи и является рассмотрение таких речевых средств в публицистике Ленина, подлинная положительная или отрицательная характеристика которых выявляется лишь в контексте, носит глубоко личный экспрессивный характер, т. е. выражает позицию автора.

Рассмотрим некоторые из отмеченных приемов.

I. Использование положительных лексических средств для обрисовки отрицательного или чуждого для автора явления и наоборот

К данному приему намеренного несоответствия формы и содержания В. И. Ленин прибегает, когда хочет отдать должное, известную дань уважения противнику. Экспрессивная лексика, употребляемая в таких случаях, нередко заимствована из официальной возвышенной терминологии и сохраняет свой торжественный характер. Например: «Коалиционное

[1] Там же, стр. 186.
[2] Там же, стр. 345.
[3] См. цит. работу, стр. 208.

министерство ничего не изменило. Тайные договоры царя остаются **святыней** для него» (Ничего не изменишь, т. 24, стр. 349).

Ленин сознательно здесь не употребляет кавычек, многоточия и других знаков, которые бы свидетельствовали о скрытой иронии, отрицании, ибо их нет. Он преследует иную цель: показать, что и у противника иногда следует поучиться, показать, что сравнение не в нашу пользу, а, следовательно, есть недостатки, трудности, которые необходимо преодолеть: «Совет объединенного дворянства, предписавший ее (реформу. — М. М.) Столыпину, поступал как истинный представитель реакционеров — не краснобаев, а **людей дела»** (Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы, т. 18, стр. 127).

И, напротив, Ленин пользуется лексикой с отрицательным экспрессивным зарядом, выражая в сущности положительные эмоции, например, любовь к Родине, боль за ее позор и т. д.: «Япония в 1863 году была нулем по сравнению с Россией, а в 1905 Россию **вздула»** (Доклад на 7-й Апрельской конференции РСДРП(б), т. 24, стр. 231).

II. Подбор экспрессивных средств в соответствии с содержанием и позицией автора

Марксизму как философскому и политическому течению приходилось пробивать дорогу в жестокой борьбе с врагами всех мастей. Поэтому негативный план, резко отрицательная оценка в работах Ленина встречается очень часто. А это обусловило и выбор средств по принципу Н. Г. Чернышевского: называть вещь своим именем.

Примеры отрицательно окрашенной экспрессивной лексики в произведениях Ленина многочисленны, представлены самыми различными частями речи и в самых различных структурах. «Эта **вакханалия** ведет к гибели всю страну». (Надо разоблачать капиталистов, т. 24, стр. 483).

«И поэтому понятно, что вопрос о том, который из этих двух **хищников** (Николай II или Вильгельм. — М. М.) первый вытащил нож, не имеет никакого для нас значения». (Война и революция, т. 24, стр. 370).

«Вы лжете, чтобы **замять** погромами, клеветой, насилием, грязью возможность разъяснения правды» (Союз лжи, т. 24, стр. 95).

«**Горькая** истина — истина насчет непримиримости капитализма с отказом от аннексий — разоблачена еще и еще раз» (О вреде фраз, т. 24, стр. 506).

Ряд экспрессивно окрашенных прилагательных является излюбленными у Ленина: они повторяются в целом ряде работ, а иногда и два—три раза в одной и той же работе. Например: вопиющий, безобразный, позорный, нелепый и др. В отмеченном кругу нередки двойные прилагательные: безнадежно-глупый, печально-знаменитый, неслыханно-высокий и т. п.

«Подчеркнутые нами слова — **явная, вопиющая** неправда». (Печальный документ, т. 24, стр. 309).

Определенная экспрессивная окрашенность одного слова, стержневого, на которое падает акцент, нередко придает соответствующую тональность высказыванию в целом, невольно влечет за собой подбор сходных экспрессивных средств. Например: «В один **кровавый комок спутано** все человечество и выхода из него **поодиночке** быть не может». (Доклад на 7-й Апрельской конференции РСДРП(б), т. 24, стр. 208).

Указанная экспрессивная тональность усиливается, если слово, несущее экспрессивный заряд, повторяется:

«За открытую партию (народным социалистам. — М. М.) частью погрозили **кутузкой,** частью подержали кое-кого в **кутузке,** и в итоге они остались и без открытой и без всякой связи с массами, и без открытой и без всякой партии» (Радикальный буржуа о русских рабочих, т. 20, стр. 148).

III. Прием заключения слов или словосочетаний в кавычки как средство экспрессии

Отметим основные случаи.

1. Вкрапление в собственное высказывание фразеологии и терминологии противника. Кавычки здесь нужны В. И. Ленину не столько из графических соображений, сколько для подчеркивания фальши тех или иных заявлений, обнажения истины:

«Князек захлебывается от успехов коопераций, травосеяния, от **«подъема благосостояния»,** не говоря ни единого словечка ни о дороговизне жизни, ни о массовом разорении крестьян...». (Сиятельный либеральный помещик о «новой земской России», т. 20, стр. 86).

Скрытая ирония ленинского высказывания дополнительно подчеркивается благодаря использованию разговорной лексики: захлебывается, князек.

«Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались **«уничтожением социализма»** (Либеральный профессор о равенстве, т. 20, стр. 129).

Кавычки здесь весьма красноречивы: лучше всяких слов они свидетельствуют о несерьезности и нереальности такого занятия, как уничтожение социализма.

2. Заключаются в кавычки слова и термины, употребляемые условно или в обыденном значении. В последнем случае нередко вскрывается их подлинный, научный смысл:

«Часть зажиточных крестьян **«выходит в люди»,** т. е. становится мелкой буржуазией и обрабатывает землю наемным трудом». (Последний клапан, т. 18, стр. 225).

«Доводы» черносотенцев, конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им **«распускаться».** (Нужен ли обязательный государственный язык? т. 20, стр. 55).

Нередко экспрессивно окрашенная лексика выступает в конструкциях, в частности, в прямой речи, представляющей стилизацию под непринужденную разговорную речь. В таких случаях «кавычный» прием сосредоточивает внимание на предмете сатирического обстрела. Например: «Массовый представитель оборончества смотрит на дело попросту, по-обывательски: «Я не хочу аннексий, на меня **«прет»** немец, значит, я защищаю правое дело, а вовсе не какие-то империалистические интересы». (Задачи пролетариата в нашей революции, т. 24, стр. 45).

3. В кавычки заключаются два или нескольков слов, расположенных дистантно. Причины, основания заключения каждого из слов могут быть различны: семантические (слову придается иной смысл, обычно отрицательный), стилистические (подчеркивается нарочитое несоответствие данного слова с соседними или содержанием в целом) и т. д. Например: «Англия **«процветала»,** «Ирландия **вымирала».** (Английские либералы и Ирландия, т. 20, стр. 130).

«Позиция либералов (сравнительно с черносотенцами. — М. М.) гораздо **«культурнее»** и **«тоньше».** (Нужен ли обязательный государственный язык?, т. 20, стр. 55).

«Не подлежит ни малейшему сомнению, что долго продолжаться такой **«переплет»** не в состоянии. Двух властей в государстве быть не может». (Задачи пролетариата в нашей революции, т. 24, стр. 41).

4. Экспрессивная окрашенность, тональность конструкций

создается и с помощью таких типичных для Ленина приемов, как синонимическое нагнетание, переходящее в градацию и прием повтора.[1] Здесь остановимся лишь на одном моменте — сочетаемости этих приемов, что позволяет создать двойной стилистический эффект: придать высказыванию взволнованный характер и заострить внимание на каждом слове (это своеобразный прием лексической чеканки). Например:

«Это **довод** рутины, **довод** спячки, **довод** косности». (Задачи пролетариата в нашей революции, т. 24, стр. 65).

«Это поистине возмутительное, **насквозь** лживое и **насквозь** либеральное рассуждение!» (Экономическая и политическая стачка, т. 18, стр. 70).

В качестве стержневого слова в синонимических рядах атрибутивного характера особенно часто выступает слово «добренький» (как антипод к слову «добрый»). Несколько реже — «сладенький»: «Это тоже, к сожалению, совсем пустое, совсем бессодержательное **добренькое** слово». (Защита империализма, прикрытая добренькими фразами, т. 20, стр. 307). Отдельные примеры: «Невинные **добренькие** пожелания мелких буржуа» (т. 24, стр. 46), «**сладенькие** мелкобуржуазные фразы» (т. 24, стр. 51) и т. д.

Приемы градации и повтора активно используются Лениным при формулировке основных положений, выводов и т. д. Показательно, что В. И. Ленин, высоко ценя лаконизм формулировок, сознательно увеличивает их объем за счет введения подобных перечней. Но все это компенсируется благодаря чеканной завершенности структур. Приведем лишь один вид таких формулировок, начинающихся словом «вот» (реже его подменяет местоимение «это»). Данное слово экспрессивно окрашено, оно вносит в высказывание тональность живой речи, знаменует как бы непосредственный приступ к делу (ср. с древнерусским «се» в зачине грамот). Разновидности таких формулировок:

1. Предельно краткое заключение, вторая, предикативная часть которого начинается словом «вот»: «Классовая борьба — **вот** краеугольный принцип, основа взглядов этого на-

---

[1] О данных приемах см. в нашей ст. «Из наблюдений над употреблением образно-экспрессивных средств в произведениях В. И. Ленина». Сб.: «Язык и стиль русских писателей (XIX—XX вв.)», Куйбышев, 1963.

правления» (Съезд итальянских социалистов, т. 18, стр. 150).[1]

«Шумят капиталисты и пресса капиталистов, **вот** кто «шумит во всю», стараясь перекричать, не дать выслушать правды, залить все потоком брани и выкриков, помешать деловому разъяснению». (Союз лжи, т. 24, стр. 93).

Итоговых структур со словом «вот» может быть более одной. В таком случае наблюдается столь характерное для стиля Ленина семантически ступенчатое, а синтаксически однотипное построение: «Армия и народ должны слиться — **вот** победа свободы. Все должны владеть оружием. Чтобы удержать свободу, необходимо поголовное вооружение народа — **вот** в чем суть коммуны». (Доклад на общегородской Петроградской конференции РСДРП(б), т. 24, стр. 119).

2. Обратное расположение: после вывода (постулата), начинающегося со слова «вот», следует дополнительное разъяснение, обычно облеченное в эмоционально-оценочную форму и представляющее самостоятельное предложение. Каждая из структур может быть как повествовательной, так и восклицательной.

«**Вот** куда мы пришли с этим благожелательным контролем! От имени России продолжают говорить люди, разжигающие войну». (Война и Временное правительство, т. 24, стр. 89).

«**Вот** — суть программы «нового» правительства. Наступление, наступление, наступление!» (Фактическое перемирие, т. 24, стр. 340).

3. Однотипное построение двух или более выводов, начинающихся словом «вот» (или — «это») и оформленных как однородные компоненты в рамках одного предложения и самостоятельные простые предложения:

«**Вот** в чем суть дела, **вот** где гвоздь вопроса». (О характере и значении нашей полемики с либералами, т. 18, стр. 107).

«**Вот** образец политического разложения народничества». **Вот** образец российской беспартийности и беззаботности насчет партийности». (Народничество и ликвидаторство как элементы распада в рабочем движении, т. 20, стр. 42).

---

[1] Подобные построения А. М. Пешковский предположительно относил к т. н. «именительному представления» (см. «Русский синтаксис в научном освещении», изд. 7-е. Уч-з, 1956, стр. 406), а А. С. Попов называет их «именительными темы» (см. стр. 27 ранее цит. работы).

«**Это** не демократический взгляд. **Это** взгляд Наполеонов». (Печальное отступление от демократии, т. 24, стр. 351).

Выше уже отмечалось, что некоторые итоговые конструкции строятся Лениным по принципу т. н. «именительного представления» или «именительного темы», по терминологии А. С. Попова. Этот же автор отмечает публицистическую закрепленность[1] и яркую экспрессивность подобных структур.[2]

Большая часть подобных структур у Ленина выступает в виде реприз (знаки же весьма различны: точка, запятая, тире и др.). Например:

«**Воры, публичные мужчины, продажные писатели, продажные газеты. Это** — наша «большая пресса». (Капитализм и печать, т. 20, стр. 146).

Здесь сочетание приемов: «кавычного», синонимичного и экспрессивного перечня плюс сегментированная структура. «**Всенародная милиция, это** значит управление бедными не только через богатых, не через их полицию, а самим народом, с преобладанием бедных». (Позабыли главное, т. 24, стр. 319). Здесь особенно ярко сказывается заимствование подобной модели из разговорного языка.

«**Классовая борьба — вот** краеугольный принцип, основа взглядов этого направления». (Съезд итальянских социалистов, т. 18, стр. 150).

«Человеческое достоинство, — **этого** в мире капиталистов искать нечего». (Два мира, т. 24, стр. 12).

Примеры антиципации (обратного расположения темы и высказывания) встречаются реже.

«**Вот** — суть программы «нового» правительства. Наступление, наступление, наступление!» (т. 24, Фактическое перемирие, стр. 340).

1. Итак, лексические выражения экспрессивного характера придают определенный экспрессивный настрой (чаще отрицательный) высказыванию, определенному речевому отрезку в целом.

---

[1] См. стр. 286, цит. работы.
[2] Там же, стр. 275.

2. Собственно синтаксические экспрессивные приемы (например, прием градации, именительный представления) увеличивают степень своей экспрессивности в условиях экспрессивного лексического наполнения.

3. Совмещение, переплетение лексической и синтаксической экспрессивности — характерная и яркая стилистическая особенность публицистики В. И. Ленина.

А. Ф. КУЛАГИН

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА-ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С КОНТЕКСТОМ

Наряду с типовыми, наиболее распространенными коммуникативными единицами, которые принято называть просто предложениями, двусоставными и односоставными, — в своей речи мы нередко употребляем так называемые слова-предложения, или, как их еще иногда называют, эквиваленты предложений, эквиваленты высказываний, нечленимые предложения и т. п. Точность наименования данных синтаксических единиц, несомненно, имеет важное значение. Но нас сейчас интересует пока лишь вопрос, нашедший отражение в названии статьи. А термин, принятый нами, понимается как условный.

Изучаться слова-предложения стали сравнительно недавно, история этого вопроса более чем скромная. Кроме работ общего характера, в которых дается краткая характеристика некоторых признаков и свойств этих предложений,[1] можно назвать еще монографическое исследование И. О. Степанян[2]

---

[1] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, изд-во АН СССР, 1954, стр. 79—88;

Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич, Современный русский язык, изд-во «Высшая школа», М., 1966, стр. 367—370;

Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык. Синтаксис, Учпедгиз, 1958, стр. 130—133;

«Современный русский язык», ч. 2, под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, изд-во Московского университета, 1964, стр. 438—441 и др.

[2] И. О. Степанян, Структурно-неоформленные (синтаксически нерасчлененные) предложения в современном русском языке, образованные из междометий, частиц и модальных слов. Канд. диссертация, М., (МГУ), 1956.

и небольшую группу статей по частным вопросам темы.[1]

В словах-предложениях не выделяется ни один из известных членов предложения. Не членятся они и по смыслу. Компрессия выражаемых ими мыслей, эмоций, волеизъявлений настолько сильна, что одно небольшое слово (иногда с добавлением частицы) как бы заменяет целое высказывание (или даже несколько высказываний), состоящее из ряда слов. Так, например, слово-предложение «Нет» при ответе на вопрос «Приходилось ли вам бывать в Большом театре, когда роль Ленского исполнял Козловский?», по существу, заменяет следующее высказывание: «Мне никогда не приходилось бывать в Большом театре, когда роль Ленского исполнял Козловский».[2]

В силу этого смысловое содержание слов-предложений носит настолько обобщающий характер, что языковое выражение может быть одно и то же, а конкретное содержание высказывания, в зависимости от контекста или ситуации, — весьма разнообразно. В этом отношении слова-предложения напоминают местоимения, с той лишь разницей, что местоимения являются эквивалентами имен, лексических единиц, а слова-предложения — эквивалентами синтаксических рече-

---

[1] В. С. Федосеева, Функционально-синтаксическое использование слова ДА и его эквивалентов, ж. «Русский язык в школе», 1950, № 1; И. О. Степанян, Синтаксически нерасчлененные предложения в современном русском языке, выражающие волеизъявления, «Научные труды Ереванского ун-та», т. 57, серия филол. наук, вып. 4, ч. 2, 1956; И. О. Степанян, Синтаксически нерасчлененные предложения, выражающие эмоции, ж. «Русский язык в школе», 1957, № 4; Ф. Аронова, О словах-предложениях как об одном из типов односоставных предложений, «Научные записки Харьковского пед. института», т. 20, 1957; В. В. Бабайцева, Эмоционально-оценочные предложения в современном русском языке, ж. «Русский язык в школе», 1958, № 2; М. П. Жоголева, К вопросу о словах-предложениях в современном русском языке, «Уч. записки Ульяновского пед. института», т. XV, вып. 1, 1959; В. Ф. Киприянов, Нечленимые предложения в русском языке как особый структурный тип простого предложения, ж. «Русский язык в школе», 1961, № 5.

[2] Ср. у Б. П. Ардентова: «Ранее мы называли такое речение (т. е. слово-предложение, по нашей терминологии. — А. К.) эквивалентом предложения, но содержание такого речения иногда может быть выражено двумя и более связанными между собой предложениями, — сравн. у Ломоносова: «Семпроний, увидев Тиция, молвил: БА, вместо сего: «Я удивлен, что тебя здесь вижу» («Российская грамматика», § 42). Поэтому термин: эквивалент высказывания здесь более подходящий. («Мысль и язык», изд-во «Картя Молдовеняскэ», Кишинев, 1965, стр. 42).

вых единиц, т. е. простого предложения, сложного предложения и даже комплекса предложений. Ср.:

1) ОН — человек, ребенок, старик, ученик, слесарь, дельфин, сазан, жук, дом, инструмент, камень, цветок, арбуз, сон и т. д.;

ТАКОЙ — хороший, плохой, большой, маленький, высокий, низкий, интересный, удовлетворительный, каменный, деревянный, железный, прямой, кривой, водный, растительный и т. д.

2) ЛАДНО? — «Ты ходи в школу. **Ладно?»** (Проскурин, Горькие травы); «Приходи как-нибудь в другой раз, если захочешь. **Ладно?»** (Там же); «Иди, иди, как родному, рады будем. Живи сколько хочешь. Женись, все как положено. **Ладно?»** (Там же); «Знаешь чего?.. Ты меня Ваней зови. **Ладно?»** (Афиногенов, Мать своих детей).

В силу этого же обобщающего характера семантики того или иного слова-предложения конкретное его содержание определяется только контекстом, иногда довольно широким. Поэтому изолированно от других высказываний в речи оно не употребляется и является одним из компонентов комплекса предложений («сложного синтаксического единства»).

Слова-предложения чаще всего состоят из отдельных слов, выполняющих функцию относительно самостоятельной синтаксической единицы и произносимых с соответствующей интонацией. Выражаются они обычно словами «да» и «нет», модальными словами, наречиями и междометиями. Но нередко, кроме основного слова, в них могут входить и другие слова — отрицательные, вопросительные, усилительные или ограничительные частицы, а также вводные слова и обращения. Например: **Не так ли? Не так ли, Иван Иванович? Нет, скажешь? Да, конечно. Точно так. Едва ли. А что? Ну как?**

Ср.: Хорошо пройтись по воздуху после такого сидения. **Не правда ли?»** (Солоухин, Мать-мачеха); «Ты не пришла сегодня из-за футболиста, — говорю я. — **Ведь правда?»** (Трифонов, Утоление жажды); «— Игорь изобретение сделал, — сказала Надя. — **Да, Игорь?»** (Нагибин, Подледный лов).

Употребляются слова-предложения преимущественно в разговорной, чаще диалогической речи.

По общему характеру выражаемого ими содержания слова-предложения обычно делят на три основные группы: 1) модально-ответные и вопросительные слова-предложения (с подразделением на подгруппы: утвердительные, отрицатель-

ные и вопросительные), 2) эмоционально-оценочные слова-предложения и 3) побудительные слова-предложения.[1]

Синтаксические функции слов-предложений и выражаемое ими общее значение более или менее подробно описаны в названных выше работах. Что касается их квалификации как частей сложного предложения или как компонентов комплекса предложений, то этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. В настоящей статье и делается эта попытка применительно к вопросительным словам-предложениям.

Круг лексических средств, используемых в вопросительных словах-предложениях, так же как и вообще в этом типе предложений, невелик. И в этом опять проявляется их сходство с местоимениями. В вопросительных словах-предложениях могут использоваться как слова, употребляемые и в других видах слов-предложений, но далеко не все, так и слова специальные, употребляющиеся только в вопросительной функции.

«К вопросительным словам-предложениям, — пишет М. П. Жоголева, — относятся слова-предложения всех четырех типов (т. е. отрицательных, утвердительных, эмоционально-оценочных и побудительных, по ее классификации. — А. К.), которые мы описали выше, но несущие на себе дополнительное значение вопроса, выраженное посредством вопросительной интонации».[2] Однако это высказывание нуждается в уточнении. Дело в том, что многие слова, употребляющиеся в других видах слов-предложений, как показывают наблюдения, не могут функционировать в роли вопросительных слов-предложений. Ср., например, слова, употребляющиеся в побудительных словах-предложениях: **караул, прочь, вон, марш, шабаш** и др. Если в определенной ситуации, например, при переспросе, иногда они и употребляются с вопросительной интонацией, то в этом случае являются не словами-предложениями, а неполными предложениями. Ср.:

1) — Идите прочь от меня!

Прочь?

2) — Вон отсюда!

— **Вон,** говоришь? (Из записей живой разговорной речи.)

---

[1] См., например: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, изд-во АН СССР, 1954, стр. 81—87.

[2] М. П. Жоголева, К вопросу о словах-предложениях в современном русском языке, «Уч. записки Ульяновского пед. ин-та», т. 15, вып. I, 1959, стр. 77.

Трудно представить, чтобы и такие эмоционально-оценочные слова могли стать вопросительными словами-предложениями: **ах, ух, ой, ох, тьфу, ай-ай-ай, увы, господи, боже мой, батюшки, матушки, вот тебе раз.**

Чаще в вопросительной функции используются слова, употребляющиеся в утвердительных и отрицательных словах-предложениях. Например: Да. — **Да?**; Нет. — **Нет?**; Правда. — **Правда?**; Так. — **Так?**; Верно. — **Верно?**; Правильно.— **Правильно?**; Ладно. — **Ладно?**; Идет. — **Идет?**; Хорошо. — **Хорошо?**; В самом деле. — **В самом деле?**; Ей-богу. — **Ей-богу?** И некоторые другие. Но опять-таки не все. Ср.: **да нет же, никак нет, вот еще, никогда, конечно, ни-ни-ни, так точно, кажется, разумеется, стало быть, еще бы, как же** и др.

Только на вопросительной функции специализировались следующие слова: **неужели, разве, как, каково.** Только в вопросительном значении употребляются и такие слова в сочетании с отрицательными и вопросительными частицами: **не правда ли, не так разве, не так ли.**

Перечисленные здесь и несколько выше слова функционируют в роли вопросительных слов-предложений, как правило, лишь при постпозитивном их употреблении по отношению к соотносительным с ними высказываниям. В других позициях они обычно являются не словами-предложениями, а просто модальными словами или междометиями.

Ср.: «Учитель и ученый — прекрасное сочетание. **Не правда ли?»** («Учительская газета» от 22 марта 1966). (Здесь «Не правда ли?» — «слово»-предложение.).

«В гостиницах некоторых городов заведен такой порядок. Если, скажем, человеку захотелось отдохнуть или, наоборот, поработать, чтобы никто не мешал, он вывешивает снаружи на дверях своего номера специальную табличку, на которой написано: «Прошу не беспокоить». И он может быть совершенно спокоен, к нему никто не будет стучаться—ни горничная, ни полотер, ни дежурная по этажу, ни комиссия по ежедневной инвентаризации унитазов.

«**Не правда ли,** хорошо придумано?» («Правда» от 23 марта 1966). (Здесь «Не правда ли» — в функции модального слова).

Нередко вопросительные слова-предложения функционируют в речи того или иного лица как одиночные. Бывает это обычно в диалогах. Хотя в смысловом отношении они и зависимы от контекста по законам взаимосвязи реплик диа-

лога, тем не менее квалификация их как относительно самостоятельных предложений не вызывает сомнения. В этом нас убеждают, в частности, следующие факты: во-первых, такие слова-предложения имеют самостоятельный интонационный рисунок и произносятся после законченного по смыслу и интонации высказывания;[1] во-вторых, данные слова-предложения и предшествующие им высказывания принадлежат разным лицам и соответствуют разным коммуникативным заданиям. Например:

1) «Баба. А мимо я иду... шум, слышу... думала, пожар...
Тетерев. **Ну?**» (Горький, Мещане);

2) «Доктор. Да, да! Не пугайтесь! Через два, три дня она встанет на ноги...».
Бессеменов. **Правда ли?**» (Там же).

3) «Нина. Я говорю о большой любви. Настоящей.
Леонид. **Что?**» (Афиногенов, Машенька).

Значительно сложнее решается вопрос о квалификации того или иного вопросительного слова-предложения, которое вместе с предшествующим ему высказыванием принадлежит одному лицу. Например:

«Ладно, Поляков, будем считать инцидент исчерпанным. **Идет?**» (Проскурин, Горькие травы); «Соня. Да, мама, я обещала Маратику сводить его в цирк. Ты пойдешь с ним в ближайший выходной на утренник. А за это он будет каждый день обедать. **Да?**» (Афиногенов, Мать своих детей); «Маша. Мне так нравится жить, когда меня любят. Всем, наверно, нравится, **правда?**» (Афиногенов, Машенька); «Когда Павлик вернулся из столовой, Хохлаков сказал ему с широкой улыбкой: «Вам хотелось работы, юноша, **не так ли?**» (Нагибин, Павлик); «Я странная, **правда, да?**» (Солоухин, Мать-мачеха).

Нередко в печати наблюдается разнобой в пунктуационном оформлении подобных отрывков речи, что свидетельствует о колебании в решении вопроса о том, является слово-предложение и предшествующее ему высказывание относи-

---

[1] Ср.: «Законченность интонации определяет предложение как коммуникативную единицу, в силу этого в одном предложении не может быть двух законченных интонаций...» (Г. В. Валимова, О сочетаемости повествовательных, вопросительных и побудительных предложений в соотносительных конструкциях сложносочиненных и бессоюзных предложений, «Доклады восьмой научно-теоретической конференции (Серия филол. наук)», Ростовское книжное изд-во, 1965, стр. 53).

тельно самостоятельными предложениями или они совместно образуют одно сложное предложение и, следовательно, в этом случае функционируют как его части. Ср. примеры:

1) «Ты ходи в школу. **Ладно?»** (Проскурин, Горькие травы);

«Береги себя, **ладно?»** (Там же).

2) «А ведь когда-нибудь люди будут управлять дождями. **Правда?»** (Там же);

«...Фантаст над пропастью по проволоке пройдет, не свалится, а другому мост надо с перилами, каменный. Бывает и наоборот, **правда?»** (Там же).

3) «Но одно дело клянчить, другое — бороться за правду. **Так?»** (Афиногенов, Мать своих детей);

«За ее память можно бы и горькой, Дмитрий Романович, **так, что ли?»** (Проскурин, Горькие травы).

4) «— А какая из ершей уха вкусная, **да, Игорь?** — тихо сказала Надя.» (Нагибин, Подледный лов);

«— Игорь изобретение сделал... — сказала Надя. — **Да, Игорь?»** (Там же).

Выше уже упоминалось, что слова-предложения по смыслу неразрывно связаны с контекстом. Несмотря на эту их особенность, они в смысловом, синтаксическом и интонационном отношении являются относительно самостоятельными единицами,[1] так же как и у синтаксически расчлененных — односоставных и двусоставных — предложений; самостоятельность обычно неполная, а только лишь относительная.[2]

---

[1] Ср.: «...Синтаксическая нерасчлененность, отсутствие обычного состава предложения не мешает им быть законченными высказываниями, т. е. выражать относительно законченную мысль (при учете их контекстуальности)». (И. Степанян, Синтаксически нерасчлененные предложения, выражающие эмоции, РЯШ, 1967, № 4, с. 50).

[2] Ср.: «Отдельное суждение, как правило, содержательно, но не закончено, не исчерпывает развития мысли. В изолированном суждении «Книга, которая лежит сейчас передо мной, неинтересная» неясно, о каком периоде времени идет речь («сейчас»), кто имеется в виду в качестве лица, перед которым лежит книга. Смысл суждения раскрывается полностью в группе тесно связанных между собой суждений — в контексте. В действительности мы мыслим не отдельными суждениями, но связываем их между собой, сопоставляем, различаем. Суждения в мышлении-речи не просто сосуществуют друг с другом, но находятся в тесном взаимодействии, взаимосвязи, единстве. Одно суждение вытекает из другого, дополняет, развивает другое, давая начало третьему и т. д.» (Г. Я. Солганик, О способах объединения самостоятельных предложений в прозаические строфы (сложные синтаксические целые) на материале современной публицистики. Автореферат канд. диссертации, М., 1965, стр. 5).

Вопросительные слова-предложения не могут объединяться с предшествующими высказываниями известными в русском языке средствами грамматической связи и не выражают тех отношений, которые наблюдаются между частями сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных сложных предложений. Они, как правило, являются выразителями вопроса, направленного на побуждение собеседника согласиться с высказанной до этого мыслью или требующего подтверждения справедливости, достоверности содержания основного высказывания. Например:

«— Ну-с, Тетушка, — сказал хозяин, — сначала мы с вами споем, а потом попляшем. **Хорошо?»** (Чехов, Каштанка).

«Д ж е р е н. Завтра будет хороший день. И вечером здесь будет еще веселей. **Правда, Иван Тимофеевич?»** (Афиногенов, Накануне).

В данных примерах между основными высказываниями и вопросительными словами-предложениями не выражены ни соединительные, ни противительные, ни разделительные, ни какие-либо подчинительные отношения. Нельзя их и соединить в одно сложное предложение ни посредством интонации, ни при помощи формально-грамматических средств связи — союзов, союзных слов, соотношений видо-временных глагольных форм и т. д.

Возможность объединения вопросительных слов-предложений с другими предикативными единицами в составе сложного предложения еще более осложняется, когда они (а это бывает очень часто) соотносительны по смыслу с предложениями иной целенаправленности, т. е. с предложениями повествовательными или побудительными. Например:

«Ганна Ильинична о чем-то подумала и продолжала:

— А Круглов, между прочим, кое в чем прав. Спокойно мы стали жить, играючи. **Не так разве?»** (Воеводин, Научи меня жить).

«С е с т р а. И если он вас узнает, скажите ему, что он скоро поправится. **Хорошо?»** (Афиногенов, Мать своих детей).

«Подумай как следует. **Ладно?»** (Из записей живой разговорной речи).

«— И все это вы... вы сами?

— Да уж сама, — улыбнулась Варвара. — **А что?»** (Первомайский, Дикий мед).

«— А вы и тогда и сейчас, все время в этой бригаде? — спросил Синцов.

— **Ну да, а как же?»** (Симонов, Живые и мертвые).[1]

Что касается соотнесенности вопросительных слов-предложений с вопросительными же односоставными или двусоставными предложениями, то хотя функциональная их близость друг к другу не вызывает сомнений, тем не менее каждое из них является относительно самостоятельным предложением. Предшествующая вопросительному слову-предложению предикативная единица произносится с законченной интонацией вопроса, а само слово-предложение, следовательно, начинается и произносится тоже как самостоятельное предложение, а не как часть сложного предложения. Ср.:

1) а. «И вы были там?»

б. **«И вы были там? Да?»**

2) а. «Ты уже отнес книгу?»

б. **«Ты уже отнес книгу? Правда?»** (Из записей живой разговорной речи).

Правда, разделительная пауза между вопросительными словами-предложениями и предшествующими им высказываниями иногда бывает небольшой, и это может наводить на мысль о почти слитном их произношении. Но краткость паузы может зависеть от темпа произношения, а также от того, что сами предложения невелики по объему («Ты уже отнес книгу? Правда?»). Слово-предложение никогда не бывает большого размера. Но даже при этом условии между ним и значительным по объему предшествующим предложением и пауза может быть более значительной. Например:

«Вы принесете мне завтра после работы ту книгу, которую мы однажды читали с вами вместе, когда учились на вечернем отделении химико-технологического института? **Да?»**[2]

Необходимость квалификации слов-предложений как относительно самостоятельных предложений, а не как частей

---

[1] Между прочим, последняя реплика примера из романа К. Симонова состоит из двух слов-предложений — одного повествовательно-утвердительного и другого — вопросительного.

[2] Еще А. М. Пешковский в свое время указал, что границы между относительно самостоятельными предложениями в живой речи легче всего определять не по паузам (потому что разделительные паузы не всегда легко отличить от пауз внутри сложного предложения и от несинтаксических пауз), а по предшествующим им и связанным с ними интонациям. («Русский синтаксис в научном освещении», Учпедгиз, 1956, стр. 458).

сложного предложения вызывается не только теоретическими соображениями, но и практическими целями. В частности, это важно иметь в виду в письменной практике, при пунктуационном оформлении текста. Постановка запятой между основным высказыванием и вопросительным словом-предложением затрудняет понимание текста и приводит зачастую к неправильному его воспроизведению вслух. Например:

«— Только не будем задерживаться, **ладно?** — сказал Атанияз.» (Трифонов, Утоление жажды).

«— Это, конечно, не прокурорские функции, — оговорился секретарь, — но ведь, в сущности, наши с вами функции на этой земле едины, — **верно?»** (Лучинин, Будни прокурора).

«Она (Надин) попросила князя Трубецкого:

— Вы нам сегодня сыграете, **хорошо?»** (Сизова, Из пламя и света).

«Кулик. Снова год тебя не увидим, **верно?»** (Синельников, Отцы).

Читателю неясно, как в данных примерах понимать и произносить вслух предложения, стоящие перед вопросительными словами-предложениями, — как повествовательные или как вопросительные.

В заключение вкратце остановимся на предложениях, в некотором отношении примыкающих к словам-предложениям. Круг их очень невелик, но степень распространенности в речи весьма значительная. Это предложения типа: **Ясно? Не ясно ли? Понятно? Понимаешь? Понял? Понимаете ли? Слышишь? Слышите? Договорились? и** т. п.

В работах, посвященных словам-предложениям, они не относятся к этому типу предложений. Объясняется это, очевидно, тем, что такие однословные предложения выражаются обычно глагольными формами или словами категории состояния и в некотором отношении соотносятся с синтаксической категорией сказуемого, а также тем, что теоретически и даже в отдельных случаях практически могут быть распространены второстепенными членами, а иногда и подлежащими. Ср.: **Ясно вам? Вы понимаете?** Например:

«(Лузгин). Ваше милосердие ни черта не стоит. Таких, как этот Кузнецов, мы расстреливали без суда — **ясно вам,** ясно?» (Трифонов, Утоление жажды).

«— Вы это бросьте, — сердито сказал Малинин, — бросьте эти намеки, **понятно вам?»** (Симонов, Живые и мертвые).

Однако в практике речевого общения такие конструкции

распространяются очень редко, а иногда распространения совсем не допускают. Ср. искусственный характер конструкции: «Договорились мы с вами об этом?» (т. е. о том, что было ранее сказано) по сравнению с однословным «Договорились?».

Например: «Завтра ступай в школу. А я как-нибудь приду к тебе в гости. **Договорились?**» (Проскурин, Горькие травы).

Предложение «Договорились?» в данном примере и в других подобных случаях синонимично словам-предложениям «Хорошо?», «Ладно?». Ср. трансформацию последнего примера: «Завтра ступай в школу. А я как-нибудь приду к тебе в гости. **Хорошо?**».

Когда в конце высказывания произносят небольшую фразу «Слышишь?», то имеют в виду не действие, связанное с восприятием на слух ранее сказанного, а употребляют ее «для подчеркивания сказанного, настоятельного указания на что-либо. — Помни же, Александр, что у тебя есть дядя и друг — слышишь? (И. Гончаров, Обыкновенная история»).[1]

Примерно такую же функцию выполняют предложения данного типа. Например:

«...Но одно условие: пойдешь в школу рабочей молодежи. И чтоб всякие там синусы-косинусы на зубок. **Ясно?**» (Воеводин, Научи меня жить).

«Петр. Я в жизни ни у кого не клянчил... ни пятака, ни милости. **Поняла?**» (Афиногенов, Мать своих детей).

«Туманский. Виктор, поручаю тебе заботу о Маше. Покажи ей Москву, своди в театры, будь ей хорошим другом. **Понял?**» (Афиногенов, Машенька).

«Я, конечно, не сравниваю с запуском спутника, пусть наше дело гораздо скромнее, но оно наше, наше, **понимаешь?**» (Трифонов, Утоление жажды).

«Я люблю женщину, взаимно люблю, **понимаете?**» (Шишков, Угрюм-река).

Таким образом, анализируемые предикативные единицы очень близки по своей функции к вопросительным словам-предложениям. Однако, ввиду того, что они пока еще не потеряли связи с глагольными формами и категорией сказуемого и в некоторой степени допускают распространение различными членами предложения, — поставить их в один ряд со словами-предложениями вряд ли возможно. Скорее всего это

---

[1] «Словарь русского языка» (4-томный), изд-во АН СССР, т. IV, стр. 204.

предложения переходного характера, занимающие промежуточное положение между словами-предложениями и неполными двусоставными и односоставными предложениями.

Тем не менее все то, что выше говорилось относительно квалификации вопросительных слов-предложений как относительно самостоятельных предложений, в полной мере относится и к ним. И поэтому считаем, в частности, что на письме перед ними должна ставиться не запятая (или тире, как в примере из «Словаря русского языка»), а точка или ее эквиваленты. Так на практике часто это и наблюдается. Но не всегда. Ср.:

1) «...И чтоб всякие там синусы-косинусы на зубок. **Ясно?**» (Воеводин. Научи меня жить);

«Вот что, Мария. Есть недалеко от Владивостока остров Жемчужный. И живет там старик-пантовар... Специальность такая: пантовар. Панты варит, **ясно?**» (Георгиевская, Жемчужный остров).

2) «Т а и с и я. Не болтай! **Слышишь?**» (Афиногенов, Мать своих детей);

«Заберу ребят и уеду, **слышишь?**» (Б. Полевой, На диком бреге).

3) «Запомни, можешь жить у меня столько, сколько тебе понадобится. **Понял?**» (Степанов, Семья Звонаревых);

«Я не могу, не имею права оставить вас в таком состоянии, **понимаете?**» (Там же);

«— Ведь мы тебя до забоя не допустим, **понял?** — сказал Богаэддин. — Из кабины выкинем, **понял?**» (Трифонов, Утоление жажды).

А. Ф. КУЛАГИН.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Тема о синтаксических условиях употребления императивных предложений разрабатывается нами в связи с попыткой установления объективных критериев определения границ самостоятельных предложений в связной речи и условий сочетаемости в составе сложного предложения различных по своей функциональной направленности предикативных единиц.

Структура функциональных типов предложений современного русского литературного языка описана в языковедческой литературе сравнительно подробно. Что касается вопроса об условиях их функционирования в речи, в том числе и о синтаксических условиях употребления императивных предложений, то вполне удовлетворительного ответа на него пока нет. Автор настоящей статьи, не претендуя на полное решение проблемы, делает скромную попытку наметить основные вехи для дальнейшего, более углубленного ее исследования.

Но прежде всего следует оговориться, что включается в понятие «императивное предложение». В данном случае это очень важно, потому что синтаксические условия функционирования в речи императивных предложений и других разновидностей побудительных предложений не тождественны.

Все предложения в зависимости от целевой направленности высказываний традиционно принято делить на три основные группы: повествовательные предложения, вопросительные предложения и побудительные предложения. Под побудительными предложениями обычно понимаются такие, в которых выражается волеизъявление говорящего, адресованное

к соучастнику речевого общения, побуждение совершить то или иное действие.[1] При этом нередко указывается, что оттенки побуждения могут быть весьма различными, основные из которых следующие: приказ, повеление, совет, просьба, мольба и т. д. В действительности градация оттенков значений побуждения настолько велика, многоступенчата и сложна, что границы между побудительными и обычными повествовательными предложениями иногда почти стираются. «О побудительной роли речи можно говорить в очень широком смысле, и едва ли будет парадоксом утверждать, что всякая речь может побуждать к действию».[2] Вследствие этого в отдельных случаях бывает весьма затруднительно прямо, без оговорки квалифицировать некоторые предложения как побудительные или как повествовательные.

Р. В. Пазухин в одной из своих работ указывает на то, что, кроме прямого побуждения, может быть скрытое, косвенное побуждение. «...Согласно существующему мнению побудительным следует считать всякое высказывание, которое способно воздействовать на поведение слушателя».[3] По его наблюдениям, даже такая, например, фраза, как «Пришел Иванов», может содержать скрытую побудительность. Для одного это может быть нейтральное сообщение, а другой, не желающий встречи с Ивановым или, наоборот, ждущий ее, может воспринять такое высказывание как побуждение к действию. «Теоретически, — пишет Р. В. Пазухин, — любая фраза и сообщение, взятые в определенной, благоприятной ситуации и по отношению к определенному, подготовленному течением событий собеседнику, могут представлять косвенно-побудительное высказывание».[4]

Даже эксплицитно-побудительные высказывания могут выражать различные оттенки побудительности. Поэтому в определенном аспекте императивные предложения необходимо отграничивать от других разновидностей побудительных предложений.

Императив часто отождествляется с повелительным на-

---

[1] См., например: «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, изд-во АН СССР, 1954, стр. 364.

[2] А. В. Бельский, Побудительная речь, «Уч. записки 1-го МГПИИЯ», т. VI, изд-во Московского ун-та, 1953, стр. 81.

[3] Р. Р. Пазухин, Целенаправленность высказывания, «Уч. записки ЛГУ», № 301, вып. 60, 1961, стр. 166.

[4] Там же, стр. 169.

клонением глагола.[1] С другой стороны, некоторые ученые (например, А. В. Исаченко) императивом считают только формы типа «скажите», «напишите», а повелительное наклонение рассматривают шире и считают, что оно может быть выражено различными формами глагола и даже другими частями речи: **Идите! Едем! Молчать! Не подсказывать! Пошел! Скорей! Тронулись! Вон! Тише! Стоп! Сюда!**[2]

Хотя термин «императив» в значении «повелительное наклонение» является широко распространенным, императивное предложение не следует понимать как предложение, в котором сказуемое выражено формой повелительного наклонения глагола, потому что эта форма может употребляться и в неимперативном значении. Так, Д. Н. Шмелев указывает на то, что внеимперативное ее употребление в современном русском литературном языке может обозначать: 1) долженствование, пожелание, «заклинание»; 2) действие, на которое указывается как на причину нежелательных для его субъекта последствий; 3) вынужденное (или необходимое) действие или возможность действия; 4) «потенциальное» действие и действие, которое характеризует «безвыходность» положения; 5) трудность, невозможность или бесполезность совершения действия; 6) условие; 7) уступку; 8) неожиданно совершившееся действие».[3]

Под императивными мы понимаем такие предложения, которые наиболее точно отражают смысловое содержание этого слова. Императивный — значит «требующий обязательного исполнения, повелительный».[4] Таким образом, императивные предложения — иначе повелительные предложения.[5]

---

[1] См., например: «Словарь современного русского литературного языка», т. 5, изд-во АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 306; О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, изд-во «Советская энциклопедия», М., 1966, стр. 173; А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, изд-во «Просвещение», Л., 1967, стр. 126.

[2] А. В. Исаченко, К вопросу об императиве в русском языке, ж. «Русский язык в школе». 1957, № 6, стр. 7—14.

[3] Д. Н. Шмелев, Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке, ж. «Русский язык в школе», 1961, № 5, стр. 50—55.

[4] «Словарь современного русского литературного языка», изд-во АН СССР, 1956, т. 5, стр. 306.

[5] См. у А. А. Реформатского примеры на императивные предложения: **Прекратите разговор! Молчать! Пошел вон!** («Введение в языкознание», Учпедгиз, 1960, стр. 277).

Отдельные ученые отождествляют побудительные и повелительные предложения.[1] Мы считаем, что понятие «побудительное предложение» более широкое по сравнению с понятием «повелительное (императивное) предложение», поскольку, как уже говорилось выше, побудительное предложение выражает самые разнообразные волеизъявления, вплоть до совета и просьбы, а императивное предложение — только повеление, приказание, категорическое требование. Иначе говоря, любое императивное предложение является побудительным, но не всякое побудительное можно отнести к числу императивных.

Императивное предложение отграничивается от других разновидностей побудительного предложения на основе целого комплекса признаков. Для выражения волеизъявлений язык выработал особые грамматические формы. Однако между ними и отдельными видами побуждений нет строгого соответствия. А это значит, что одной и той же грамматической формой можно выразить различные побуждения, и, наоборот, одна и та же разновидность побуждения может быть оформлена по-разному. Так, например, форма 2-го лица повелительного наклонения глагола способна, при определенных условиях, выразить требование, приказ, команду, просьбу, предложение, совет, поучение, призыв, запрещение, предостережение и некоторые другие оттенки волеизъявления,[2] а категорическое требование выполнить какое-нибудь действие может быть оформлено 2 лицом повелительного наклонения (**Иди! Идите!**), формой повелительного наклонения совместного действия (**Пройдемте!**), неопределенной формой глагола (**Встать! Молчать!**), формой прошедшего времени глагола (**Пошел!**), именами существительными, наречиями и частицами (**Огонь! Огня! Вперед! Вон!**). Дифференциация видов побуждения в живой речи определяется прежде всего интонацией. Но и это средство не универсально. Характер побуждения, в том числе и повеление, выражается обычно совокупностью грамматических, лексических и интонационных

---

[1] Ср., например, у А. Н. Гвоздева: «Побудительные, иначе повелительные, предложения выражают волеизъявления говорящего, его обращенные к участникам речевого общения побуждения совершить те или другие действия». («Современный русский литературный язык», ч. II. Учпедгиз, 1961, стр. 50.

[2] А. В. Немешайлова, Повелительное наклонение в современном русском языке, Автореферат канд. диссертации, Пенза, 1961, стр. 15.

средств.[1] Это обстоятельство позволяет с большей или меньшей точностью отличить одну разновидность побудительных предложений от других. А это, в свою очередь, важно для выяснения синтаксических условий употребления их в речи.

Под синтаксическими условиями употребления предложений, в частности императивных предложений, здесь мы имеем в виду условия, определяющие возможность их функционирования или только как самостоятельных предложений, обособленных в связной речи от смежных с ними предложений и интонационно и, очень часто, функционально, или в соединении с другими предикативными единицами, вместе с которыми они образуют то или иное сложное предложение. При этом рассматривается, в каких типах сложных предложений и при каких условиях они могут употребляться и могут ли в сочетании с другими предикативными единицами образовывать сложные предложения только монофункциональные или еще и с разнофункциональными частями.

На основе наблюдений над фактами живой речи и анализа многочисленных примеров из литературных источников можно сделать вывод, что императивные предложения чаще всего употребляются как самостоятельные простые предложения, причем даже нередко в тех случаях, когда налицо имеются однотипные по цели высказывания смежные с ними предложения. Например: **Сюда! Быстрей!**; **Стойте! Не ходите!** Это объясняется, на наш взгляд, следующими причинами.

1) Сфера употребления императивных предложений в основном ограничивается живой разговорной речью или лозунгами-призывами. А для таких видов речи вообще более свойственны конструкции из простых предложений. Сложные же предложения встречаются в ней значительно реже. Например:

Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка. — **Погодите! Как** музыке идти? Ведь вы не так сидите. (Крылов, Квартет); **Заводи! Поехали!** Заснул ты, что ли? (Казакевич, Весна на Одере); **Не подходите ко мне!** Я ненавижу вас! (Из записей живой разговорной речи); И в а н. **Сиди крепче! Залег, так продолжай.** (Одному из командиров). **Маскировщиков представить к награде.** (Афиногенов, Накануне); И в а н. Славно! (Одному из командиров). **Начать обход! Залезть к ним в тыл по меньше мере до Овчинова! Захватить шоссе и держать до прибытия танков! И связь, связь, связь!** (Там же);

[1] А. В. Б е л ь с к и й, Названная выше работа, стр. 120.

Свободу патриотам Эллады! (Из газет); **«Шайбу! Шайбу!»** (Из газет).

2) Часто императивные предложения произносятся резко, отрывисто, на повышенных тонах, в результате чего речь членится на короткие, интонационно обособленные друг от друга фразы. Например:

Сюда! За мной! Скорей! Скорей! Свечей побольше, фонарей! (Грибоедов, Горе от ума); **Скорей! Пошел, пошел, Андрюшка!** (Пушкин, Евгений Онегин); **Бросьте! Прекратите!** Вы в своем уме ли?.. (Маяковский, Сергею Есенину); — **В ружье, братва!** Банда! — крикнул Павел... (Н. Островский, Как закалялась сталь); **Стой!** Кто идет? (Степанов, Семья Звонаревых); — **Стой!** Кто такие? — лейтенант рывком открыл дверь кабины. (К. Симонов, Живые и мертвые); По рядам и колоннам из края в край прокатилась команда: **«К торжественному маршу! По-ротно! Первый батальон прямо!.. Остальные напр-р-р-аво! Ша-гом... арш!** (В. Соколов, Вторжение); Не однажды Семушкин проходил вдоль строя, запарился, а голос полковника все подстегивал: **«Отставить! Повторить!»** (Там же); **Назад! Не сметь!** (Из записей живой разговорной речи).

3) Одной из важных причин употребления императивных конструкций в качестве относительно самостоятельных предложений является и то, что нередко в связной речи смежные с ними предложения оказываются не совместимыми с ними или по смысловому содержанию, или по структуре, или по функционально-коммуникативной направленности. Например:

(Андриан) — ...Разве так с колхозным богатством делается?!

— **Сядь**, — повторила Щепеткова. — Так и делается. (В. Фоменко, Память земли); — **Брось!** — категорично отрезала Шура, появляясь с чайником. — Подумаешь, принц датский. Все ему не так. (Там же); (Брагин) — **Отстань!** Что они пели? (В. Федоров, Вечный огонь); **Да говори!** Чего тянешь?.. (Там же); **Ты помалкивай, Воронин.** Без адвокатов обойдемся. (Степанов, Семья Звонаревых); **Опомнитесь!** Что вы делаете? (Там же); —Выезжаю к вам. **Ожидайте,** — сказал Климович. (К. Симонов, Живые и мертвые); Где моя дочка? **Сознавайся**. (Бабаевский, Сыновний бунт); **Ой, Уленька, дай скорее руку!** Меня в трясину тянет. (Марков, Соль земли); **Сеня, не закуривай, не закуривай!** Сейчас обедать будешь. (Трифонов, Утоление жажды); **Потише ты!** Патрули!

Снова на «губу» захотел?.. (В. Федоров, Вечный огонь); — **Заходите!..** Сейчас обсудим ваши безобразия, — повернулся он (Захаров) к Бережному. (К. Симонов, Солдатами не рождаются); **Садитесь!** Чего стоите?! (Из записей живой разговорной речи).

4) Ввиду того, что смежные в связной речи императивные конструкции чаще всего имеют одного и того же адресата высказывания, они обычно употребляются или как относительно самостоятельные предложения или «сливаются» в одно простое предложение с однородными сказуемыми, а сложного предложения при этом, как правило, не образуют. Например: **Спрячь револьвер и никому никогда об этом не рассказывай. Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной.** (Н. Островский, Как закалялась сталь); Саша! **Разыщи Ивана. Скажи, что батька кличет...** (Бабаевский, Сыновний бунт). (Может быть и так: **«Разыщи Ивана и скажи, что батька кличет...»); Вот что, Иван, поезжай в Куркуль и все выясни. Поговори и с женой и самим Подставкиным.** (Там же); Эй, боец! **Давайте сюда! Помогите вытащить! А ну быстрей!** (К. Симонов, Живые и мертвые); **— Брось дурака валять!** — сказал Синцов. — **Поезжай** — и **все!** (Там же); **Открой дверь! Включи свет!** (Из записей живой разговорной речи). (Может быть и так: **«Открой дверь и включи свет!»).**

На эту особенность указывает и Г. В. Валимова, правда, применительно ко всем разновидностям побудительного предложения. «Обычно, — пишет она, — не употребляются сложносочиненные побудительные предложения с одним и тем же подлежащим в обеих частях». И далее: «С одним и тем же подлежащим можно употребить и побудительное предложение: **Ты не считай себя виноватой, и ты забудь об этом.** Однако такое построение предложения не является характерным, ибо побудительные предложения употребляются без подлежащего, если оно не вызывается какими-либо стилистическими или грамматическими мотивировками. На нехарактерность таких предложений указывает и присоединительный тип синтаксических отношений».[1]

---

[1] Г. В. Валимова. О сочетаемости повествовательных, вопросительных и побудительных предложений в составе сложносочиненного предложения, «Труды первой научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русского языка педагогических институтов», М., 1961, стр. 20.

Если же побуждение относится к разным лицам, что тоже, впрочем, бывает редко, то, как увидим ниже, сложное предложение может образовываться из двух смежных и объединенных по смыслу императивных предложений.

Таким образом, наиболее типичным является употребление в речи императивных предложений в качестве относительно самостоятельных простых предложений.

В состав сложных, в частности сложносочиненных, предложений императивные конструкции входят значительно реже. Это объясняется в основном теми же причинами, на которые указывалось, когда говорилось об употреблении императивных предложений как относительно самостоятельных конструкций. Но применительно к сложносочиненным предложениям укажем еще на некоторые обстоятельства.

Если императивные высказывания обращены к разным лицам, то сложное предложение из них образуется сравнительно легко. Однако в количественном отношении таких сложных предложений немного, потому что, как уже отмечалось, при побуждении высказывание чаще всего адресуется одному лицу (**Иди!**) или нескольким лицам в совокупности (**Идите!**), а не разным лицам раздельно (**Ты иди, и ты иди!**). Примеры:

Ты читай, и ты читай! Ты, Марк, обязательно захвати палатку, а ты, Виктор, смотри не забудь взять рюкзак!; Или ты, Игорь, предупреди товарищей о завтрашнем походе, или ты, Лена, скажи им об этом! (Из записей живой разговорной речи).

Но может быть и раздельное употребление аналогичных императивных конструкций, особенно при наличии присоединительных отношений между ними. Например:

— **Уйди, Тимур! И ты иди.** — Она (Настасья Семеновна) дернула за тонкое плечо Раиску, оттолкнула обоих. (В. Фоменко, Память земли); — **Идите, идите,** — послышался голос Гуцких. — **И вы, Чередовая, тоже**... (В. Чивилихин, Сибирка).

Когда же в смежном положении оказываются императивное предложение и предложение другой модальности, с другой целенаправленностью, то, даже близкие в смысловом отношении, они не объединяются в сложносочиненное предложение, а функционируют при этом как относительно самостоятельные предложения, образуя так называемое «сложное синтаксическое единство» (комплекс предложений). Например:

— Набросай, Ваня, чертежик!

— **Нет, не буду. И не проси.** (Бабаевский, Сыновний бунт);

— **Тащи его! А я сзади поползу.** (К. Симонов, Живые и мертвые);

— **Я вашему соседу Давыдову хоть синяки на спине набью, а толкну его вперед. Но вы за его отставание не прячьтесь.** (Там же);

— Уходи отсюда!

— **Я уйду. Но ты запомни!** (Из записей живой разговорной речи).

Если в одной из частей сложносочиненного предложения сказуемое оказывается выраженным так называемым императивом (формой повелительного наклонения глагола), а в другой части сказуемое является носителем иной модальности, то в таких случаях значение императивности или заметно ослабевает или совсем стирается. Например:

— **Расскажите мне все**, и вам станет легче. (Чаковский, Свет далекой звезды); **Вы здесь поспорьте,** а мы пройдемся. (Степанов, Семья Звонаревых); Нечего мне ждать! **Жди не жди,** а верного слова от тебя ни черта не дождешься! (Шолохов, Поднятая целина); **Убей на месте**, а не пойду, — Разметнов со злобой кинул в сторону окурок, вскочил со скамьи. (Там же); (Матвей): —**Скажи спасибо вон шоферу,** а то я вытряс бы из тебя твоих немцев! (Федин, Костер). Ср.: **Ладно вон шофер помешал,** а то я вытряс бы из тебя твоих немцев.

Сложноподчиненные императивные предложения встречаются в практике речевого общения чаще, чем сложносочиненные предложения. Но характерной особенностью их является то, что они образуются не из двух или более императивных конструкций. Императивными в целом делает их главная часть. Придаточные части императивных сложноподчиненных предложений формально ничем не отличаются от придаточных частей, употребляющихся в повествовательных и вопросительных сложноподчиненных предложениях. На эту особенность сложноподчиненных предложений указал в свое время А. Н. Гвоздев, правда, применительно к побудительным предложениям с косвенным вопросом.[1] Но это положение может быть распространено и на другие разновидности

---

[1] А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. II, Учпедгиз, 1961, стр. 50.

сложноподчиненных предложений с побудительной главной частью.

Принадлежность сложноподчиненного предложения к тому или иному функциональному типу предложений зависит от целевой направленности главного предложения. Так, целиком императивным является сложноподчиненное предложение, в котором главная часть выражает повеление, приказ и т. п. А придаточная часть прямо и непосредственно не выражает повеления, но как конструкция, зависимая от главной части и поясняющая ее, она несет значение повеления на правах составной части единого целого. В этом случае она функционально и интонационно как бы ассимилируется с главной частью. Например:

Доложите, что я к Давыдову уехал. (К. Симонов, Живые и мертвые); **Скажи, что батько кличет.** (Бабаевский, Сыновний бунт); **Спуститесь и заявите через переводчика, что начальник штаба армии прибыл принять их капитуляцию.** (К. Симонов, Солдатами не рождаются); **Ну, а расскажи, как ты склепку делаешь!** — пряча усмешку, спрашивает остряк. (В. Соколов, Вторжение); **Делай, коли тебе говорят!** (Из записей живой разговорной речи).

Придаточная часть сама по себе никогда не выражает значения императивности. И глагол-сказуемое в ней, за редкими исключениями, не выражается формой повелительного наклонения. А если и выражается (например, в уступительных и условных придаточных предложениях)[1], то при этом употребляется с неимперативным значением. Например:

Да отсюда, **хоть три года скачи,** ни до какого государства не доедешь. (Гоголь, Ревизор); **Хоть убей,** следа не видно. (Пушкин); **А попроси у нее взаймы,** она станет плакать. (Чехов, Чайка).

Поскольку основной сферой употребления императивных предложений является разговорная речь, в которой бессоюзное соединение частей сложного предложения встречается чаще, чем союзное, то и императивные предложения в составе бессоюзных сложных предложений употребляются несколько чаще, чем в союзных.

Характер употребления императивных конструкций в бессоюзных сложных предложениях зависит от того, какие синтаксические отношения выражаются между их частями. Если

---

[1] В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 599.

выражаются сочинительные отношения, то наблюдаются в основном те же закономерности, которые установлены нами применительно к сложносочиненным союзным предложениям. А это, в частности, значит, что императивные сложные предложения с бессоюзием встречаются значительно реже, чем в бессоюзных сложных предложениях с подчинительными отношениями между их частями. Например: **Раззудись, рука, размахнись, плечо, ты пахни в лицо, ветер с полудня!** (Кольцов, Косарь).

Если в бессоюзном сложном предложении выражаются подчинительные отношения между частями, то наблюдаются закономерности, установленные в сложноподчиненных союзных предложениях. Например:

— **Сказал отдайте—отдайте,**—повторил Хорышев. (К. Симонов, Живые и мертвые); **Не хотите думать о себе — подумайте о Наташеньке.** (Синельников, Отцы).

«Особую группу бессоюзных сложных предложений... образуют такие, у которых между обеими частями отсутствует связующее звено (сочетания «и увидел, что», «и услышал, что», «и почувствовал, что» и т. п.), например: **Он оглянулся: перед ним стоял Василий** (Т.). **Он подумал, понюхал: пахнет медом** (Ч.). Переходный характер этих предложений обусловлен тем, что второе предложение, относительно независимое, содержит вместе с тем оттенок объектного значения при сказуемом первого предложения».[1]

Такими же могут быть и сложные бессоюзные предложения с императивной частью, стоящей на первом месте. В этом случае синтаксические отношения между компонентами бессоюзных сложных предложений с «отсутствующим связующим звеном» несколько похожи на отношения между частями таких сложноподчиненных предложений, в которых глагол-сказуемое главной части выражает повеление, приказ.

Например:

Посмотри протокол допросов: арестованный ничего не говорил. (Сапарин, Однорогая жирафа). Ср.: **Посмотри протокол допросов и убедишься, что арестованный ничего не говорил.**

В заключение отметим, что между императивными предложениями и другими разновидностями побудительных пред-

---

[1] Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич, Современный русский язык, изд-во «Высшая школа», М., 1964, стр. 468.

ложений в отношении синтаксических условий употребления их в речи имеется не только сходство, но и различие. Некоторые побудительные предложения настолько сближаются с повествовательными, что при этом возможны различные переходные случаи, в результате чего такие косвенно-побудительные предложения могут быть соединены и с повествовательными. Например:

Дуньте на догорающую свечу, и она погаснет. (Здесь первой предикативной единицей выражается не прямое побуждение, а косвенное, с оттенком обусловленности последующего действия); **Ты почитай, а я послушаю.** (Здесь в первой предикативной единице тоже не повеление, а просьба-пожелание; такие конструкции легко соединяются с повествовательными, особенно при выражении сопоставительных отношений).

Что касается императивных предложений, в которых выражено прямое побуждение-повеление, требующее обязательного его выполнения, то они или вообще употребляются только как самостоятельные (**Отойдите!** Не видно за вами), или в составе сложносочиненных предложений объединяются с однотипными предикативными единицами **(Ты стихи продекламируй, и ты что-нибудь прочитай наизусть!)**, или, употребляясь в качестве главной части сложноподчиненного предложения, все это предложение делают императивным **(Обязательно узнайте, как у него идут дела!)**, а с повествовательными и вопросительными конструкциями в составе сложного предложения не соединяются.

О. В. ШАВКУНОВА

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ ОСНОВОЙ

В своей статье «О некоторых вопросах структуры предложения»[1] П. А. Лекант, характеризуя элементы структуры предложения, в том числе синтаксические связи и отношения, так определяет их специфику:

«В синтаксических отношениях путем грамматической абстракции отражены реальные отношения, которые существуют между предметами, признаками, процессами действительности. Синтаксические отношения между членами опираются на лексическое в слове, тогда как соотнесенность форм слов составляет существо синтаксических связей. Поэтому необходимо различать синтаксические отношения и связи».[2]

Однако, — отмечает далее автор, — «синтаксические отношения не могут рассматриваться в отрыве от синтаксических связей, существующих между словами — членами словосочетания и предложения».[3]

Разграничение синтаксических связей и синтаксических отношений, с одной стороны, и учет их взаимосвязи, с другой, особенно важны при анализе предложений, основанных на фразеологических единицах, или включающих в свой состав фразеологические единицы, ибо в таких предложениях наблюдаются чрезвычайно сложные переплетения лексического и грамматического; традиционного, устойчивого, воспроизводимого и вновь создаваемого в предложении.

Изучение структуры предложений, основанных на фра-

[1] Ученые записки МОПИ, т. 148, вып. 10, М., 1964.
[2] Указанная статья, стр. 97—98.
[3] Там же, стр. 101.

зеологических единицах, убеждает в том, что синтаксические отношения и связи в них находятся в диалектическом единстве и взаимодействии, их специфика во многом определяется конкретными условиями этого взаимодействия, проявляющимися в предложении.

По мере угасания лексических значений отдельных слов, входящих во фразеологическую единицу, по мере кристаллизации единого для всей фразеологической единицы смысла, синтаксические отношения между компонентами фразеологических единиц ощущаются все меньше, они тоже угасают. Однако благодаря тому, что включение фразеологической единицы в контекст базируется на грамматических связях, соответствующих прежней семантической и синтаксической раздельности компонентов фразеологизма, не происходит полного их (отношений) омертвения и утраты, и при определенных контекстуальных условиях они могут восстанавливаться, в том же или несколько обновленном виде. Такое восстановление синтаксических отношений во фразеологических единицах предикативного характера может быть двоякого рода — **полным или частичным.**

Восстановление живых синтаксических отношений во фразеологических единицах является **полным,** когда контекст способствует синтаксической раздельности **всех** компонентов фразеологизма, и, следовательно, между **всеми** компонентами просматриваются, ощущаются функционально действующие синтаксические отношения и связи.

Восстановление будет **частичным,** если под влиянием контекста, взаимоотношений между всеми элементами предложения, синтаксические отношения и связи выступают реальными, живыми только между **некоторыми** компонентами фразеологизма.

Поясним на примерах:

В предложениях **«Искры сыплются из глаз Сережки,** но он не возражает» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина) и ...«у него в ушах раздался трезвон в семь колоколов с перезвоном, на языке и горько и кисло стало, **а из глаз искры посыпались градом...»** (В. Даль. Сказка о похождениях черта-послушника...) — выделение в качестве самостоятельного члена предложения одного из компонентов (в первом предложении компонента **«из глаз»,** во втором — компонен-

та «**посыпались**»), влечет за собой с необходимостью расчленение в синтаксическом плане и оставшейся части фразеологизма. Иначе обстоит дело с предложениями вроде «**Но неужели весь этот сыр-бор горит лишь из-за туалетов и косметики?** (Б. Гурков. Бунт отверженных. Комс. правда, 31/VII-64 г.): «Одна из девушек увидела часы в его руках и немедленно донесла об этом тетушке. **Сыр-бор и загорелся»** (И. Тургенев. Часы) и т. п. В данных предложениях синтаксические отношения интенсифицируются только между элементами фразеологизма **сыр-бор** (нечленимое подлежащее) и **загорелся** (сказуемое),[2] что же касается первой части фразеологической единицы, то она выступает нерасчлененной, синтаксические отношения между элементами **сыр** и **бор** не восстанавливаются.

Восстановление синтаксических отношений во фразеологизмах (и полное и частичное) опирается на изменения семантического характера, свойственные фразеологическим единицам в процессе их функционирования в речи. К такого рода изменениям мы можем причислить следующие:

1. **Прояснение прямого, номинативного значения компонентов:** «Время шло, а не стояло, и **воды уже немало убежало в сине море,** — и случись в том царстве горе...» (С. А. Басов-Верхоянцев. Конек-скакунок).

2. **Прояснение номинативного значения одного из компонентов**. Это свойственно тем фразеологическим единицам, в составе которых имеется компонент, не обладающий переносным значением. При выделении такого компонента, в силу его контекстуальных связей со свободными членами, в самостоятельный член предложения и происходит прояснение прямого значения этого компонента. Например: «Победа! — сказал ему Чарский, — ваше **дело** в шляпе. Княгиня дает вам свою залу; вчера на рауте я успел завербовать половину Петер-

---

[1] Такое выделение происходит вследствие того, что в предложении имеется слово, которое и в смысловом и в грамматическом отношении оказывается связанным именно с данным компонентом, а не со всей фразеологической единицей (из глаз **Сережки,** посыпались **градом**).

[2] В первом примере благодаря наличию в предложении определений «весь», «этот», во втором — благодаря наличию в предложении выделительного союза «и».

бурга; печатайте билеты и объявления» (А. С. Пушкин. Египетские ночи).[1]

Следовательно, второй вид трансформации значения состоит в том, что один из компонентов проясняет свое основное номинативное значение, а переносное значение фразеологизма сосредоточивается в оставшейся части фразеологической единицы.

3. Расчленение переносного значения фразеологической единицы на переносные значения отдельных ее частей: «Плодомасов взглянул на спокойное лицо девушки, из-за которой **загорелся** весь этот **сыр-бор»** (Н. С. Лесков. Старые годы в селе Плодомасове). Этот путь изменения значений характерен для фразеологических единиц, у которых с переносной семантикой выступают или все компоненты[2] или тесно спаянные группы компонентов (т. е. все компоненты или группы одинаково участвуют в формировании общего значения фразеологической единицы).

В данном случае каждая часть фразеологизма, выполняющая самостоятельную синтаксическую функцию, выступает со своим собственным переносным значением.

Разумеется, такой переносный смысл отдельных компонентов (или частей фразеологической единицы) не формируется из ничего, он в потенции существует в самом фразеологизме, а в результате наличия контекстуальных условий, способствующих семантическому и синтаксическому расчленению устойчивой единицы, получает лишь более четкое свое выражение. На наличие у некоторых компонентов фразеологических единиц собственного переносного значения, которое формируется у слов именно в составе фразеологической единицы, указывает О. С. Ахманова. Она пишет: «Параллельно с образованием фразеологических единиц у входящих в их состав слов возникают новые значения, сперва «потенциальные», как бы «поглощенные» суммарным значением сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, выделиться, приобрести способность отдельного воспроизведения».[3]

---

[1] Как видим, по своему семантическому типу фразеологическая единица, допускающая такую трансформацию значения, может быть не только фразеологическим единством, но и сращением.

[2] Если не наблюдается во фразеологической единице изменений первого вида, т. е. прояснения номинативных значений компонентов.

[3] Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии, Учпедгиз, М., 1957, стр. 170.

В нашем примере под компонентом **«сыр-бор»** может подразумеваться более или менее широкий круг значений (суматоха, шум и т. п.), лежащих в одной понятийной плоскости, точно так же, как и под компонентом **«загорелся»** (синонимы к нему: затеялся, поднялся, начался и т. п.).

В качестве синтаксических условий употребления фразеологических единиц в контексте, способствующих проявлению смысловых потенций фразеологизма и, как следствие этого, восстановление синтаксических отношений между компонентами, можно выделить следующие (основные) условия:

1) **Употребление** в контексте слов, которые грамматически и по смыслу связаны лишь с одним из компонентов, а не со всей фразеологической единицей. Примеров такого рода можно встретить много, некоторые из них и приводились выше.

2) **Наличие в предложении** свободных членов, выступающих как однородные по отношению к одному из компонентов фразеологизма («Вы бы порадовались, — сказал бухгалтер. — Все-таки жив Курилка, **не спился** и **не подох** под забором» — Ю. Герман. Дорогой мой человек).

3) **Повторение одного из компонентов** в целях его логического подчеркивания, акцентирования («Охота была вам слушать такого бездельника, шалыгана непутевого..., **плакали,** сударь, ваши денежки, **плакали»**—Мельников-Печерский. На горах).

4) **Включение в предложение** (между компонентами фразеологизма) выделительных союзов и частиц (пример уже приводился).

5) **Отчетливая пауза** (отмечаемая на письме знаком тире) между компонентами («Гляди, чего может достигнуть русский человек! — говорили в рабочих семьях. — **Ума—палата,** руки золотые».—Е. Федоров. Каменный пояс).

В контексте могут сосуществовать и несколько перечисленных нами условий, например:

От ней **весь** сыр-бор потом **и** загорелся (А. Писемский. Старая барыня) — определение **весь** к компоненту «сыр-бор» и выделительный союз «и».

Дело с **отпуском — табак** (А. Твардовский. Василий Теркин) — несогласованное определение к компоненту **«дело»** и пауза между компонентами.

Итак, способность фразеологических единиц восстанавливать в некоторых контекстах синтаксические отношения между компонентами определяется смысловыми потенциями фра-

зеологических единиц, которые могут реализоваться в речи, в определенных синтаксических условиях употребления этих единиц.

От чего же зависит возможность **полного** или **частичного** восстановления синтаксических отношений во фразеологизме?

В какой-то степени она может определяться контекстуальными условиями употребления фразеологической единицы, тем, какие имеются в предложении свободные члены, вступающие во взаимодействие с компонентами фразеологизма, к одному компоненту они относятся или к разным. Например: Каширин был готов скакать от радости. Вот, оказывается, за чем вызывал его фельдфебель. В ларек хочет послать его. А он-то, чудак, думал... **Какая** гора свалилась с **его** плеч». (Н. Брыкин. На восточном фронте перемены). Свободные члены (определения) относятся к **разным** компонентам фразеологизма и способствуют полному его расчленению.

Однако **прежде всего возможность частичного или полного восстановления** синтаксических отношений зависит от смысловой организации фразеологической единицы, причем не столько от ее (фразеологической единицы) типа, т. е. от мотивированности или немотивированности ее значения, сколько от того, на чем основана эта мотивированность или немотивированность значения фразеологизма.

Дело в том, что, по наблюдениям некоторых исследователей[1], даже среди фразеологических сращений имеется лишь незначительное количество абсолютно неделимых, неразложимых по значению соединений и гораздо больше имеется фразеологических единиц, в которых в большей или меньшей степени осознается, проступает значение одного компонента (при двухкомпонентном составе фразеологизма), хотя вся фразеологическая единица в целом остается семантически неразложимой. Иначе говоря, немотивированность, неразложимость общего значения всей фразеологической единицы может быть обусловлена немотивированностью лишь одного из компонентов фразеологизма (или нескольких компонентов). Например: дело **табак,** дело в **шляпе,** с лица **не воду пить** и т. п. (выделены компоненты с немотивированным значением).

Полное восстановление синтаксических отношений харак-

---

[1] См., например, Анисимова З. Н. К вопросу о соотношении общего значения фразеологической единицы со значением ее компонентов. Ученые записки 1 МГПИ, т. IX, 1956.

терно в первую очередь для фразеологических единиц, у которых все компоненты одинаково участвуют в формировании общего переносного значения фразеологизма (например, **гора с плеч свалилась, первый блин комом, искры из глаз посыпались**; причем иногда этот переносный смысл еще осознается на фоне первоначальных номинативных значений компонентов, как это имеет место у фразеологизма **искры из глаз посыпались**).

Полное восстановление синтаксических отношений (если для этого имеются предпосылки в контексте) свойственно также всем фразеологическим единицам **двухкомпонентного** состава, даже при иной их смысловой организации, чем в приведенных выше примерах: Дело, братец, твое неприятно. **Совсем табак твое дело.** (В. Г. Короленко. Соколинец).

Частичное восстановление синтаксических отношений — при наличии необходимых контекстуальных условий — наблюдается во фразеологических единицах, имеющих более чем два компонента, если в составе таких единиц есть компоненты, не обладающие переносным значением, сохраняющие в той или иной степени свой первоначальный смысл. Такие компоненты сравнительно легко вступают во взаимодействие со свободными членами предложения и синтаксически отчленяются от остальной части фразеологизма. Оставшаяся часть фразеологической единицы сохраняет синтаксическую целостность, неразложимость и сосредоточивает на себе переносный смысл всего фразеологизма. В виде иллюстрации можно привести фразеологизмы: (кому-либо) **с лица** не воду пить; (у кого-либо) **хлопот** полон рот; кошки **на душе (сердце)** скребут и т. п.

1. Положим, что она рябовата и немного косит, ну, да доктору с **женина лица** не воду пить. (Мамин-Сибиряк. Хлеб).

2. У нее был полон рот **самых необходимых хлопот.** (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

Частичное восстановление синтаксических отношений наблюдается во фразеологизмах и в том случае, если в состав фразеологической единицы входит **тесно спаянная группа компонентов** (такая группа находится как бы на пути превращения ее в один компонент, как это имеет место во фразеологизме **сыр-бор** загорелся).

Восстановление синтаксических отношений во фразеологических единицах может быть не только **неполным, частичным,** но может и **не совсем точно** соответствовать тем отношениям,

которые этимологически были свойственны фразеологизму. Это присуще, в частности, и фразеологической единице **хлопот полон рот.** Например, в предложениях **«У начальства других забот полон рот...»** (В. Перунская. Полина) или «Курская полиция не может принять меня, высланного в Курск, любезно — **у нее своих хлопот полон рот»** (М. Горький. Проходимец) — компонент **забот** (хлопот) выступает дополнением к главному члену односоставного безличного предложения (нечленимая часть фразеологизма **полон рот** функционирует как синоним предикативного слова «много»). В то же время этимологически этот компонент является дополнением при сказуемом двусоставного предложения (сравн. первоначальный вариант устойчивой единицы: **хлопот полон рот, а перекусить нечего).**

Мы уже отмечали, что угасание синтаксических отношений во фразеологизмах обуславливается угасанием первоначальных лексических значений отдельных компонентов.

Процесс угасания лексических значений компонентов не проходит бесследно не только для синтаксических отношений внутри самого фразеологизма, но и для связей всего фразеологизма **с его обычным** контекстуальным окружением; следствием этого процесса может быть изменение отношений фразеологизма с контекстом.

Проявляться такое изменение может двояко:

1) У фразеологизма формируются вторичные внешние фразеологические связи. Эти связи отличаются от первичных фразеологических связей тем, что включение такого фразеологизма в контекст (в предложение) обусловливается не лексико-грамматической природой отдельных компонентов фразеологизма (как это имеет место при функционировании его с первичными связями), но обобщенно-переносным значением фразеологической единицы, а в силу этого и конструктивными возможностями синонимичных ей в смысловом отношении свободных лексических средств языка.

Сравним: **Теперь стенографистками хоть пруд пруди** (И. Бабель. Мама, Римма и Алла).

У меня **гостей — хоть пруд пруди** (А. Чехов, Н. А. Лейкину, 4 июля 1897 г.).

В первом предложении фразеологизм — нечленимая основа обобщенно-личного предложения, во втором — главный член односоставного безличного предложения (выступает в значении, синонимическом предикативу «много», и в соответ-

ствии с его грамматическими свойствами сочетается с родительным падежом имени, в то время как первичные связи требовали сочетания фразеологизма с дополнением, выраженным формой творительного падежа).[1]

2) Преобразование может состоять в том, что внешне связи между фразеологизмом и другими, более или менее обязательными, элементами предложения, которое строится на его основе, остаются неизменными, не происходит никакой замены грамматических форм, однако само существо синтаксической связи перерождается. Так, например, фразеологическая единица (чья-либо) **«песенка спета»** при употреблении в речи может сочетаться с притяжательным местоимением, которое **согласуется** с компонентом фразеологической единицы в роде, числе и падеже: Залешин. — **Вы не переменились, пожалуй, еще лучше. Ренева. — Может быть, но и моя песенка тоже спета.** (А. Островский. Светит, да не греет); **По-моему,** — продолжал, не слушая, собеседник, — **песня твоя спета: толстовство побоку и будешь делать то, что жена велит.** (С. Скиталец. Дом Черновых).

Однако на деле такое согласование является чисто внешним. Ведь связь согласования подразумевает **изменение** зависимого слова (его уподобление) в свойственных ему категориях вслед за изменением формы господствующего слова. Суть данного вида связи именно в этом следовании, уподоблении — книга моя, книгу мою, книгой моей и т. п.

В приведенных примерах местоимение связано не со свободным элементом предложения, а с компонентом фразеологической единицы, который имеет фиксированную грамматическую форму и не способен ее изменять.

Следовательно, при таких взаимодействиях в предложении на первый план выступают не отношения уподобления, а необходимость распространения фразеологизма одним из элементов предложения[2] в определенной форме, т. е., иначе говоря, связь согласования по существу своему напоминает **сильное управление.**

---

[1] Подробнее данный вопрос изложен в статье «Изменения структурно-функциональных свойств незамкнутых фразеологизмов в связи с особенностями их использования в речи» (Русский язык в школе и вузе. Ученые записки УГПИ, т. XVII, вып. VII, Ульяновск, 1963).

[2] **Обусловленным членом** (см. нашу статью «Некоторые особенности структуры предложений с фразеологизированной основой». (Русский язык в школе и вузе. Ученые записки УГПИ, т. XVII, вып. VII, Ульяновск, 1963 г.).

Внешне имеется связь с определенным компонентом, на деле осуществляется связь со всей фразеологической единицей в целом, причем связь столь же необходимая, как и при сильном управлении

Все рассмотренные нами явления создают сложные и порой трудно определимые взаимоотношения между фразеологической единицей и остальным составом построенного на ее основе предложения, требуют пристального внимания к тонким граням семантических и грамматических взаимодействий при квалификации грамматического состава фразеологизированных в своей основе предложений.

А. В. ТУРАСОВА

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЛКОВАНИЯХ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

В системе научных представлений понятие «субъект» занимает важное место. Известно его философское, логическое, психологическое значение. Традиционным является использование термина «субъект» в языкознании — морфологии и синтаксисе.

Лингвистическое содержание этого термина также неодинаково. Поэтому, как правило, слово «субъект» в языковедческих работах употребляется с различными определениями: «логический (психологический)», «синтаксический (грамматический)», реальный «субъект», «субъект предложения», «действия» и т. п.[1] Пояснительные слова, более широкий контекст делают обычно то или иное значение интересующего нас понятия очевидным. Главным недостатком следует признать отсутствие глубоких, четких обоснований того или иного понимания категорий субъекта в языкознании. В значительной мере это объясняется тем, что речь идет о самых основах лингвистической науки, — о соотношении языка, мышления и объективной реальности, о взаимосвязи между отдельными разделами языкознания (лексикологией и грамматикой, морфологией и синтаксисом). В связи с этим требует уточнения понятие синтаксической структуры предложения, ее уровней, соотнесенность «личных — безличных», «односоставных — двусоставных» предложений.

---

[1] См. например, Н. В. Гуров, Выражение субъектно-объектных отношений в языке хинди, Ученые записки ЛГУ, Серия востоковедческих наук, вып. 9, 1960, где говорится о «грамматическом «субъекте» (т. е. подлежащем), «реальном субъекте (производителе действия, носителе данного признака»), «субъекте речи (говорящем), «субъекте побуждения к действию» (стр. 135, 142, 147).

В трудах по логике просто «субъект».

Служит ли (и в каком конкретно ее значении) категория субъекта отражением языковой действительности? Целесообразно ли существование лингвистического термина «субъект» именно как термина? Ответить категорически на оба эти вопроса нелегко. Задача статьи заключается лишь в том, чтобы рассмотреть некоторые имеющиеся в современной языковедческой науке точки зрения на категорию субъекта, сделав попытку определить, что в них представляет, на наш взгляд, интерес, что вызывает возражения.

Можно установить три основных подхода к истолкованию сущности субъекта как синтаксической категории:

1) в плане соотношения со структурой суждения.

2) в плане отражения конкретным смысловым содержанием предложения объективной действительности,

3) с точки зрения формально-грамматической.

Попытки осмысления понятий синтаксического субъекта и предиката как средств выражения соответствующих элементов суждения закономерны.

В качестве исходного это положение развивается в работах В. Г. Колшанского и В. З. Панфилова.[1]

Для В. Г. Колшанского язык — «только форма проявления мышления».[2] Они соотносятся как план содержания и план выражения, поэтому «структура суждения в принципе едина со структурой предложения».[3] Языковое выражение логического субъекта и предиката В. Г. Колшанский считает первоочередным членением синтаксической структуры предложения. Она должна быть единой, исключающей различные уровни, составы в одном и том же высказывании, поскольку нет «чистой языковой формы, не участвующей в выражении структуры мысли».[4]

Для подтверждения «принципиального изоморфизма плана содержания и плана выражения» В. Г. Колшанский вводит понятие синтаксических субъекта и предиката, — «синтаксических членов предложения» — считая их по существу «ло-

---

[1] В. Г. Колшанский, Логика и структура языка, «Высшая школа», М., 1965; В. З. Панфилов, Грамматика и логика, изд. АН СССР, М.—Л., 1963.

[2] Назв. работа, стр. 16.

[3] Назв. работа, стр. 94.

[4] Цитир. работа, стр. 159. Однако на деле он различает два синтаксических уровня.

гико-синтаксическими», в отличие от «морфологических членов», — «лексико-грамматического уровня».[1]

Таким образом, с одной стороны, синтаксический субъект и предикат (синтаксическое членение предложения), с другой — морфологические члены, отражающие связь слов в предложении, включая подлежащее и сказуемое.

«Члены предложения» в привычном их понимании («синтаксические элементы» структуры предложения, по терминологии В. Г. Колшанского) оказываются на логико-синтаксическом уровне. Структура предложения, с точки зрения В. Г. Колшанского, включает в себя также «лексические элементы» т. е. слова, их морфологические связи. В. Г. Колшанский против того, чтобы традиционная морфологизация подлежащего перерастала, как это наблюдается в современной грамматической науке, в синтаксическую его интерпретацию (напр., в конструкциях типа: «Яблок — мало; Работы — пустяк»).

Логический субъект (т. е. тем самым синтаксический субъект) выражается обычно подлежащим, но совпадают они не всегда. В этой функции выступает также, по мнению В. Г. Колшанского, косвенный падеж имени (Меня тошнит; Градом побило), флексия (Морозит; Зима), придаточное предложение и т. п. (Примеров автор анализируемой работы не приводит).

Следовательно, синтаксический субъект, с точки зрения В. Г. Колшанского, — форма логического субъекта. Своего собственного, синтаксического, содержания эта категория не имеет (соответственно синтаксический предикат). Кроме того, В. Г. Колшанский лишает синтаксической характеристики, даже в таком ее истолковании, многие другие структурные типы предложений (не соотносительные непосредственно с логическим суждением в традиционном его понимании, выражающие только чувства, волеизъявления и т. д.).

В начале своей работы В. Г. Колшанский указывает на то, что «среди множества аспектов анализа языка логический занимает не последнее место».[2] Но в дальнейшем этот анализ становится у него первостепенным по своей важности, всецело определяющим синтаксическую структуру предложения. Трудно согласиться с выделением «лексических» ее элементов, «морфологических членов». Очевидно, нужно считать аксиомой утверждение, что в синтаксисе должны рассматри-

[1] Там же, стр. 164.

[2] Логика и структура языка, М., 1964, стр. 4.

ваться только синтаксические элементы и их взаимодействие. Известная связь синтаксических категорий с лексическими и морфологическими не дает никаких оснований для их смешения.

Не оправдано стремление В. Г. Колшанского к «монизму» синтаксической структуры предложения (как бы она ни трактовалась). Мысль о наличии в языке нескольких синтаксических уровней заслуживает, на наш взгляд, самого серьезного внимания.

Нельзя не одобрить разграничение В. Г. Колшанским логического субъекта, «логико-синтаксического» субъекта и подлежащего.[1]

Нужно согласиться и с тем, что подлежащее и сказуемое при существующей чисто грамматической их характеристике имеются далеко не во всех предложениях.

При этом остаются без ответа вопросы: каково чисто синтаксическое определение члена предложения, если существует его «логико-синтаксическое» содержание? Как называть члены предложений, где нет подлежащего и сказуемого в «морфологическом» их истолковании, например, в приводимых В. Г. Колшанским примерах: «Яблок — мало», «Работы — пустяк»?

Интересно истолкование В. Г. Колшанским некоторых безличных и номинативных предложений, хотя и в порядке неразвернутой иллюстрации основной мысли о соотношении «логико-синтаксического» и «лексико-грамматического» уровней языка.[2] Известно, что по своему смысловому и синтаксическому содержанию безличные предложения качественно различны. Отсюда различение «логической» и «грамматической» безличности. Но под «логической» безличностью едва ли имеется в виду соотношение того или иного безличного предложения со структурой суждения. Здесь обращает на себя внимание наличие или отсутствие действующего лица (предмета) независимо от формы его выражения, т. е. смысловые, — в широком значении этого слова, — основания. Отсутствие подлежащего, — абсолютно независимой формы, —

[1] Многие лингвисты (напр., А. А. Шахматов, И. И. Мещанинов, Е. М. Галкина-Федорук) считают, что главные члены предложения всегда выражают логический субъект и предикат. См. об этом также в работе Б. П. Ардентова «Мысль и язык», Кишинев, 1965, стр. 45, 75.

[2] См. приведенные выше примеры подобных предложений (Меня тошнит; Градом побило; Морозит; Зима).

является чисто грамматическим признаком безличности. Однако этот принцип разграничения личных и безличных предложений проводится в грамматике непоследовательно. Многие предложения считаются личными и при отсутствии подлежащего, выраженного им. падежом имени, — таковы определенно-личные, обобщенно-личные, неопределенно-личные предложения. Во всех этих конструкциях совершенно определенную синтаксическую роль играет глагольная флексия. Имеет ли какое-либо синтаксическое значение окончание собственно безличного глагола в безличном предложении и им. падежа существительного в номинативном предложении? Здесь непосредственно сталкиваются смысловой и чисто формальный критерии классификации. В связи с этим требует уточнения и деление предложений на двусоставные и односоставные. Это деление основано лишь на том, какими морфологическими средствами выражаются понятия действующего лица и самого действия. Ср.: Я читаю — Читаю; Кто-то подъехал — Подъехали; В лес дров никто не возит — В лес дров не возят; Наступила зима—Зима; Идет дождь—Дождь и т. п.

К тому же не всегда подлежащее — отдельное слово — вообще возможно: Морозит; В голове трещит.[1]

В. З. Панфилов, как и В. Г. Колшанский, основывается на том, что формы мышления должны определенным образом выражаться в языке.[2] В. З. Панфилов различает «логико-грамматический» и «синтаксический» его уровни. Первый уровень — это актуальное членение предложения. Элементы подобного членения он и называет логико-грамматическим субъектом и предикатом. Подлежащее и сказуемое В. З. Панфилов включает в синтаксический уровень предложения, не отождествляя их с элементами логико-грамматической структуры.

Он выступает против логицизма в истолковании подлежащего и сказуемого, за формальное, в том числе и по морфологическим признакам, их определение. Поэтому подлежащее и сказуемое, с точки зрения В. З. Панфилова, имеются не во всех предложениях (может быть лишь логико-грамматический субъект и предикат); нет их, например, в предложениях тождества, при выражении главных членов формой инфинитива,

---

[1] См. М. Ивич, Оппозиция: «односоставное предложение» — «двусоставное предложение», Научные доклады высшей школы, Филологические науки, 1965, № 4, откуда нами заимствуются и последние два примера.

[2] Грамматика и логика, изд. АН СССР, М.—Л., 1963 г.

предикативного наречия; тем не менее синтаксический анализ такого рода предложений В. З. Панфиловым не исключается. Так, в предложении «Красивый юнкер — Грушницкий» он предлагает выделить определение «красивый», определяемое «юнкер» и т. п.[1] Однако установление таким способом синтаксического состава предложения бездоказательно, тем более, что совершенно неясно, как в этом случае характеризовать слово «Грушницкий».

В. З. Панфилов предлагает также различать понятия: субъекта действия (который указывает на реального исполнителя (носителя действия) его объекта, грамматического субъекта и грамматического объекта. Категории эти определены В. З. Панфиловым неясно: «...подлежащее и грамматический субъект, равно как дополнение и грамматический объект, указывают всегда на одно и то же понятие, однако грамматический субъект и грамматический объект могут получить отдельное от подлежащего и дополнения выражение в форме глаголов, в том числе и в тех случаях, когда подлежащее и дополнение как члены предложения отсутствуют и когда, следовательно, можно говорить лишь о соотношении субъекта и объекта действия с грамматическим субъектом и объектом».[2]

Итак, «грамматический субъект» соотносителен с «субъектом действия» и не всегда выражается подлежащим. Разграничение понятий «грамматический субъект» и «подлежащее» представляется нам плодотворным и перспективным.[3] Однако синтаксическое их содержание в анализируемой работе В. З. Панфилова оказывается одинаковым: они всегда указывают на субъект действия. Каково же различие между понятиями «грамматический субъект» и «субъект действия»?

Имеется ли «грамматический субъект» в предложениях с другим смысловым содержанием (т. е. когда речь идет не о действии, а, например, признаке определенного лица или предмета)?

---

[1] В. З. Панфилов, Грамматика и логика, изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 60.

[2] Указ. работа, стр. 66—67.

[3] Разграничение субъекта и объекта как функционально-смысловых понятий, с одной стороны, подлежащего и дополнения — строго грамматических, с другой, составляет также пафос статьи В. Н. Сидорова и И. С. Ильинской «К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке», Известия АН СССР, Отд. языка и литературы, 1949, т. 8, вып. 4.

Нет достаточной четкости и в понятии «субъекта действия».

Это понятие прямо соотносительно с известными явлениями объективной реальности.[1] Подобное истолкование лингвистического субъекта также имеет под собой почву, однако неясно, с какой степенью обобщенности употребляется здесь слово «действие». Так, субъектно-объектные отношения выражаются и тогда, когда глагол обозначает «конкретное физическое действие», и тогда, когда он имеет значение «восприятия», «внутреннего состояния», «чувствования»: рубить, шить, испытывать (тревогу) и т. д.[2]

Если существует и широко используется понятие субъекта действия, то естественно предположить наличие субъекта бытия, признака.[3]

Специального рассмотрения, в частности, заслуживает выражение отношений между предметами (в широком смысле слова) в предложениях, со значением наличия (принадлежности) как разновидности отвлеченного значения бытия. Понятие объекта имеет здесь свою специфику, но нельзя не признать известного параллелизма между указанными предложениями и конструкциями со значением действия, активными и пассивными оборотами.

Ср. Я имею книгу — У меня имеется (есть) книга.

Субъект бытия указывает здесь на лицо, которому принадлежит (у которого имеется в наличии) какой-либо предмет. В первом случае субъект выражается подлежащим, во втором — дополнением. (Соответственно — объект: в первом случае — дополнение, во втором — подлежащее). Различие стилистического значения этих предложений не играет роли.

---

[1] Неудачна поэтому замена термина «субъект действия» на «субъект предложения» в определении категории залога учебным пособием «Современный русский язык», ч. II (Морфология, Синтаксис), под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук, изд. МГУ, 1964: «Значение залога можно определить как выражение отношения действия, обозначенного глаголом, к субъекту предложения» (стр. 158).

[2] См., например, Грамматика русского языка, Синтаксис, ч. I, изд. АН СССР, М., 1960, стр. 113—114.

[3] О субъекте бытия говорится, например, в работе М. И. Пигина «Конструкция речи с глагольным сказуемым, выраженным глаголом «быть» в знаменательной форме в истории русского языка», «Ученые записки» Петрозаводского гос. ун-та, Исторические и филологические науки, т. 6, вып. I, 1956.

В упоминавшейся уже статье В. Н. Сидорова и И. С. Ильинской субъектно-объектные отношения иллюстрируются и таким примером: У меня нет книги.

В такой же мере оно характерно и для соответствующих конструкций со значением действия (Я читаю книгу — Книга читается мной).

Важные выводы о содержании и формальных признаках предложения можно было бы сделать, используя семантико-синтаксическую категорию субъекта, при анализе конструкций, где говорится о состоянии (лица, живого существа, природы, окружающей среды).

Например, высказывание «Холодно» по своей синтаксической структуре осознается нами по-разному в зависимости от того, обозначает ли оно физическое состояние человека или состояние природы. Различным будет и логическое содержание высказывания в двух этих случаях:

Холодно = Я мерзну: субъект суждения — указание на лицо, предикат — его состояние. Синтаксический субъект совпадает здесь с логическим.

Холодно = Холод: субъектом суждения является, с нашей точки зрения, общее значение наличия, а предикатом—конкретный названный признак, служащий синтаксическим субъектом.

Определение подлежащего как синтаксического субъекта нежелательно во многих отношениях.[1] Даже с чисто формальной точки зрения такое терминологическое дублирование неоправдано. К тому же иногда подобное отождествление подлежащего и синтаксического субъекта приводит к совпадению грамматических и логических понятий.

Известно несколько определений подлежащего как главного члена предложения. Наиболее четкой и последовательной является «морфологизация» подлежащего, отсюда — наличие его (= синтаксического субъекта) не во всех структурных типах предложений. «Чисто синтаксическое» истолкование подлежащего носит пока слишком общий характер. В этом плане подлежащее определяется, как предмет речи (и

[1] См., в частности, А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. 2, Синтаксис, изд. 2, Учпедгиз, М., 1961, стр. 601.

даже мысли),[1] предмет высказывания, просто предмет (чей признак раскрывается сказуемым).[2]

Каково же синтаксическое содержание понятия «предмет» в отличие от логического и морфологического?

Общие выводы

1. Интересующая нас лингвистическая категория в рассмотренных работах носит на себе следы влияния логики.

2. При использовании смысловых критериев (соотносительность с формами мышления и предметами объективной реальности) достижением современного языкознания следует признать стремление разграничить языковые и внеязыковые факторы, подчеркнуть известную независимость лингвистических категорий.

3. Стремление это является пока еще в значительной мере декларативным. При определении синтаксической структуры предложения главной признается именно соотносительность языка с мышлением и предметами материального мира. Отсюда трудность решения проблемы (в частности, вопроса о членах предложения).

4. Любой научный термин в принципе целесообразен при точном, исчерпывающем определении его значения. О языковедческом термине «субъект» этого сказать нельзя. Трудно к тому же при использовании одного и того же слова различными науками, логикой и языкознанием, например, указать на их неразрывную связь и в то же время специфику. Едва ли удобны словосочетания: «логическое подлежащее», «логическое сказуемое», «синтаксический субъект» — «синтаксический предикат», «логико-синтаксический (грамматический) субъект и предикат». Желательно было бы поэтому, по нашему мнению, заменить термины «субъект», «предикат» в языковедческом их понимании другими, исключающими смешение грамматических и логических категорий как по форме, так и по существу.

---

[1] См. Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич, Современный русский язык, изд. 2, М., 1964, стр. 281; Современный русский язык, ч. 2 (Морфология, Синтаксис) под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук, изд. МГУ, 1964, стр. 257, 312); А. Н. Гвоздев, Современный русский лит. язык, ч. 2 (Синтаксис), изд. 2, М., 1961, стр. 56.

[2] См. Грамматика русского языка, т. II, Синтаксис, ч. I, изд. АН СССР, М., 1960, стр. 368.

А. А. БЕЛЯКОВ.

ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ МЕЖДОМЕТНЫХ ГЛАГОЛОВ, ВЫСТУПАЮЩИХ В ФУНКЦИИ СКАЗУЕМОГО

Вопрос о синтаксическом употреблении междометных глаголов в современном русском языке до сих пор является наиболее трудным и спорным.

В нашем отечественном языкознании наметились две линии в отношении определения синтаксической роли междометных глаголов: это линия И. И. Срезневского, Н. П. Некрасова, Ф. И. Буслаева и линия А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева и некоторых других лингвистов.

И. И. Срезневский видел в междометных глаголах формы, которые «могут быть употребляемы вместо неопределенного наклонения, вместо всех форм изъявительного наклонения, как имена существительные».[1]

Проф. Н. П. Некрасов вносит уточнение в смысл сказанного И. И. Срезневским. Он считает, что «во всех этих формах: «толк», «хвать» и т. п. не изъявляется ни числа, ни лица, ни времени. По смыслу речи ими можно выражать и прошедшее, и настоящее, и будущее время. Кроме того, все они могут относиться ко всем лицам и числам».[2]

Ф. И. Буслаев пишет о междометных глаголах еще определеннее: «Краткие неизменяемые формы, например: бац, глядь, хвать, составляя сказуемое в предложении и выражая залог, действительный или средний, вовсе не означают вре-

---

[1] И. И. Срезневский. Глагольные частицы, СПБ, 1853, стр. 4—5.

[2] Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, СПБ, 1865, стр. 92.

мени, а показывают только мгновенность действия, в каком бы время не совершалось оно, в настоящее, прошедшее или будущее».[1]

Акад. А. А. Шахматов не считал глаголы типа «толк», «шасть» лишенными категории времени, но признавал за ними лишь одно время и один вид: «...глагольное междометие неизменно вызывает в нас представление о прошедшем времени и притом совершенного вида...».[2]

Проф. А. М. Пешковский выразил ту же мысль: «...слова эти никогда не обозначают ни одновременных с речью, ни будущих фактов (если мы даже употребили бы их в картине будущего...»).[3]

Акад. В. В. Виноградов стоит на той же точке зрения, что А. А. Шахматов и А. М. Пешковский, но в отличие от них он приходит к мысли о том, что «междометные формы глагола могут — при известных синтаксических условиях — синонимически замещать глагольные формы настоящего и будущего времени, так как они очень легко приспосабливаются к синтаксическому контексту».[4]

Всех этих ученых объединяет общая мысль — это признание за междометными глаголами их основной синтаксической функции — выражать сказуемое в предложении. Правда, академик В. В. Виноградов выделил формы «хлоп», «стук» и т. п., обозначающие шум, звучание. Они, по его мнению, «могут употребляться вне всякого отношения к формам сказуемости (например: «трах! — раздался звон разбитого стекла», «хлоп! — выскочила пробка из бутылки с шампанским...».[5]

В данной статье мы сосредоточим внимание лишь на вопросе о видо-временных формах междометных глаголов, выступающих в функции сказуемого.

Утвердившаяся в XX веке точка зрения о том, что междометные глаголы, выступая в функции сказуемого, выражают

---

[1] Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, ч. II, М., 1863, стр. 124.

[2] А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Учпедгиз, Л., 1941, стр. 472.

[3] А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, Учпедгиз, М., 1956, стр. 199.

[4] В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М.—Л., 1947, стр. 556.

[5] В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М.—Л., 1947, стр. 556.

прошедшее время совершенного вида, была подвергнута серьезному пересмотру со стороны С. А. Григорьева и Р. Д. Швеца, которые подготовили и защитили кандидатские диссертации по теме междометных глаголов.[1]

Следуя положениям И. И. Срезневского, Н. П. Некрасова и Ф. И. Буслаева, а также замечанию В. В. Виноградова о том, что междометные глаголы могут — при известных синтаксических условиях — синонимически замещать глагольные формы настоящего и будущего времени, Р. Д. Швец пришел к выводу о том, что «простое сказуемое в современном русском языке может быть выражено... глагольно-междометной формой, обозначающей мгновенное действие в прошлом, настоящем или будущем».[2] Р. Д. Швец считает также, что междометные глаголы могут употребляться не только в значении совершенного вида, но и несовершенного (например: ёк да ёк, щёлк да щёлк, хлоп да хлоп и т. п.).

С. А. Григорьев же утверждает, что:

1) междометные глагольные формы без повторения корня имеют значение совершенного вида и, соответственно, прошедшего времени...;

2) междометные глагольные формы с повторением корня имеют значение несовершенного вида и настоящего времени...».[3]

Впрочем, на той же странице своего автореферата С. А. Григорьев несколько отступает от своего заключения, заявляя, что «иногда междометные глагольные формы без повторения корня могут употребляться и в значении будущего времени..., а междометные глагольные формы с повторением корня могут употребляться не в прямом временном значении (т. е. в значении настоящего времени — примечание С. А. Григорьева), а для обозначения прошедшего либо будущего действия...».

В своих взглядах на видо-временные значения междометных глаголов мы придерживаемся мыслей А. А. Шахматова и А. М. Пешковского и утверждаем, что междометные гла-

---

[1] С. А. Григорьев, Междометные глагольные формы в витебских говорах белорусского языка, АКД, М., 1953. Р. Д. Швец, Грамматическая характеристика глагольно-междометных форм в современном русском и украинском языках, АКД, Л., 1954.

[2] Р. Д. Швец, Особый случай выражения сказуемого в современном русском языке, Одесса, 1957, стр. 27—28.

[3] С. А. Григорьев, Междометные глагольные формы в витебских говорах белорусского языка, АКД, М., 1953, стр. 10.

голы без повторения корня не могут обозначать никакого иного времени, кроме прошедшего, и притом только совершенного вида, а междометные глаголы сдвоенной формы лишь в условиях контекста могут синонимически замещать настоящее время. Однако при этом они не выражают мгновенного действия.

Любое мгновенное действие нам представляется как прошедшее действие уже только потому, что оно мгновенное. В силу той же мгновенности мы не можем представить такое действие без указания на его предел, а потому категорические утверждения С. А. Григорьева и Р. Д. Швеца о способности междометного глагола обозначать мгновенное действие в настоящем времени нам кажутся ошибочными.

Переходим к своим наблюдениям.

I. Междометный глагол как особая форма прошедшего времени совершенного вида

На протяжении многих лет ученые-лингвисты пытались найти в междометной глагольной форме морфологические показатели, чтобы доказать, что эта неизменяемая форма — суть форма прошедшего времени и притом совершенного вида. Однако лишь проф. А. М. Пешковскому и проф. А. Н. Гвоздеву удалось доказать наличие этих морфологических показателей.

А. М. Пешковский считал, что формы прыг, бац, хвать, толк, стук и т. п. «следует признать даже форменными, несмотря на их корневое звучание. Дело в том, что их крайняя усеченность имеет ясное и, что очень редко в языке, непосредственно символическое значение: она обозначает усеченность самого действия и, в части случаев, звука, сопровождающего это действие (а слова эти могут образовываться, конечно, только от действенных глагольных корней, а не от корней, обозначающих состояние). А раз отсутствие аффикса имеет значение, то мы должны признать нулевой аффикс или нулевую форму. Спрашивается: в какую же категорию отнести эту форму? Нам думается, что это должна быть видовая категория, так как дело идет о «распределении» действия во времени». И мы назвали бы эту категорию ультрамгновенным видом русского глагола».[1]

---

[1] А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, Учпедгиз, М., 1956, стр. 198—199.

А. Н. Гвоздев дополнил эту мысль А. М. Пешковского тем, что указал на способ производства таких слов, как щелк, звяк, прыг. Он пишет: «Однократные и мгновенные действия обозначают такие образования, как щелк, звяк, прыг, хлоп, бултых и т. п., употребляемые в экспрессивной речи. Некоторые авторы рассматривают подобные образования как междометия, но вслед за Шахматовым, больше оснований видеть в них особую глагольную форму. Так, они выступают сказуемым, имеют значение прошедшего времени совершенного вида: **морфологически они представляют собой образования от глагольных основ путем отбрасывания суффиксов: щелкНУЛ** — щелки и др., даже такие, как ах, ох, имеют соответствующие глаголы ахнуть, охнуть».[1]

Подчеркнем, что А. Н. Гвоздев, проследив путь образования усеченных форм, тем самым указал на синонимичную связь суффикса однократного глагола — ну — с нулевым суффиксом междометного глагола. Более того, А. Н. Гвоздев указал не только на видовое, но и на временное значение нулевого аффикса. Нулевой аффикс, по мысли А. Н. Гвоздева, имеет значение и видового аффикса — ну —, и временного аффикса — л (см. подчеркнутое нами — А. Б.).

Следовательно, А. Н. Гвоздев не сомневался в наличии у междометных глаголов значения прошедшего времени и совершенного вида и всю разницу между ними и теми глаголами, от которых они образованы, видел лишь в том, что усеченные формы обладают яркой экспрессией: «Вслед за Шахматовым их следует рассматривать как форму прошедшего времени, характеризующуюся экспрессией и типичную для разговорной речи».[2]

Кстати, нулевой аффикс в формах междометных глаголов отмечал и Л. В. Щерба: «...нет никаких оснований во фразе, а она трах его по физиономии! отказывать трах в глагольности: это не что иное, как особая, очень эмоциональная форма глагола трахнуть с отрицательной (нулевой) суффиксальной морфемой».[3]

Таким образом, мнение А. А. Шахматова о том, что «глагольное междометие неизменно вызывает в нас представление

---

[1] А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. I, Учпедгиз, М., 1961, стр. 339.

[2] А. Н. Гвоздев, там же, стр. 426.

[3] А. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, Учпедгиз, М., 1957, стр. 78.

о прошедшем времени и притом совершенного вида» получило плодотворное развитие, и мы, присоединяясь к точке зрения А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и А. Н. Гвоздева, попытаемся подтвердить ее анализом конкретного языкового материала

Вопреки Ф. И. Буслаеву, И. И. Срезневскому и Н. П. Некрасову, мы утверждаем, что междометные глаголы обладают категорией времени, это время — прошедшее и притом совершенного вида. Например: «Вскочил он с пеною у рта и ну терзать, трясти кота. Трепать, катать, валять, мотать. Чуть **отпустил** — и снова **хвать!»** (С. Маршак, Сочинения, т. 3); **«А мы разделись и бултых!** Поплыли по течению» (С. Маршак, Сочинения, т. 1); **«Засверкал** глазами волк, а другой зубами — **щелк!»** (С. Маршак, Сочинения, т. 1); **«Припал** (кот — А. Б.) к земле и в тот же миг на муху **прыг!»** (С. Маршак, Сочинения, т. 3).

Во всех этих примерах междометные глаголы, выступая в функции сказуемого, выражают прошедшее время и обозначают мгновенное действие совершенного вида. Вслед за А. Н. Гвоздевым, формы хвать, бултых, щелк, прыг мы рассматриваем как образования от глаголов совершенного вида со значением однократности: хвать — хватнул, бултых — бултыхнулся, щелк — щелкнул, прыг — прыгнул. Поскольку нулевой аффикс в междометных глаголах имеет значение опущенных аффиксов-ну- и -л, постольку оба глагола синонимичны. Следовательно, междометные глаголы в рассматриваемых конструкциях могут быть синонимически замещены глаголами с суффиксами -ну- и -л.

Кроме того, значение прошедшего времени и совершенного вида может быть подтверждено наличием однородных членов предложения — сказуемых, выраженных глаголами прошедшего времени совершенного вида: **отпустил и — хвать, разделись и — бултых, засверкал и — щелк, припал—и прыг.** В таких конструкциях, как правило, наблюдается соответствие времен глаголов-сказуемых.

Аналогично следует рассматривать примеры, в которых междометные глаголы, выражая сказуемое, не находятся в цепи однородности с глаголами прошедшего времени, имеющими морфологические показатели вида и времени, (т. е. аффиксы -ну-, -и-, -л- и др.) Например:

«Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько медведя **толк** ногой...» (И. Крылов, Сочинения, т. 1).

«Ан тут тихонько **шасть** к Брамину в келью надзиратель...» (И. Крылов, Сочинения, т. 1).

«И — **бух** осел, и с филином, в овраг» (Там же).

«Вдруг волк к ним в двери **толк**...» (Там же).

«А волк вдруг **скок** к нему тут на полати...» (Там же).

Ни в одном из перечисленных примеров нет иных глаголов, которые являлись бы однородными членами по отношению к сказуемым-междометным глаголам. Однако последние также выражают прошедшее время совершенного вида, так как в их усеченных формах имеются нулевые аффиксы, представляющие формы на -ну- и -л-. Следовательно, и в этих случаях междометные глаголы могут быть синонимически замещены только глаголами прошедшего времени совершенного вида: толк — толкнула, шасть — шастнул, бух — бухнулся, скок — скакнул. Иные же глаголы, например, толкает, бухается, толкается, вскакивает не являются исходной формой для образования междометных глаголов. В их основе нет тех морфологических показателей, которые могли бы выразить мгновенное действие, поэтому формы настоящего времени не являются синонимами к вышеприведенным междометным глаголам. Отсюда можно сделать вывод о том, что междометные глаголы самостоятельно выражают прошедшее время совершенного вида и, следовательно, это их категории.

II. Грамматические категории междометных глаголов в цепи однородных членов предложения

Выступая в функции сказуемого, междометный глагол может оказаться в цепи однородности с другим сказуемым, выраженным глаголом настоящего или будущего времени. Он может находиться либо в препозиции, либо в постпозиции по отношению к такому глаголу.

Надо заметить, что мы не обнаружили примеров, в которых междометный глагол оказался бы в препозиции по отношению к глаголу будущего времени, но отмечаем и препозицию, и постпозицию по отношению к глаголу настоящего времени.

Глаголы настоящего времени в какой-то степени влияют на междометные глаголы, основной функцией которых является выражение мгновенного действия совершенного вида. Это влияние особенно заметно в тех случаях, когда междометный глагол оказывается в постпозиции. На наш взгляд, это порождает неправильное представление о том, что междо-

метным глаголом выражается настоящее время, и что наблюдается соответствие времен обоих глаголов-сказуемых. Такое представление свойственно Р. Д. Швецу.[1] Однако точка зрения Р. Д. Швеца не приобрела широкого признания, на что, между прочим, указывает и сам он: «К сожалению, точка зрения А. М. Пешковского до сих пор лишает возможности закрепить за междометно-глагольными формами, явно выражающими будущее или настоящее время, право называться не «сказуемым в значении прошедшего времени», а сказуемыми в значении будущего либо настоящего времени».[2]

Действительно, два года спустя, Е. Н. Прокопович, изучая синтаксическое употребление междометных глаголов в функции сказуемого, приходит к мысли о том, что они могут употребляться и «в одном ряду с глагольными формами настоящего и будущего (простого) времени и синонимическая замена одних другими имеет место обычно в таком контексте, где глагольные формы настоящего и будущего (простого) времени употребляются в плане прошлого, в значении формы прошедшего времени».[3]

Мы также не можем согласиться с мыслью Р. Д. Швеца и утверждаем, что и в цепи однородных членов междометные глаголы без повторения корня всегда выражают прошедшее время совершенного вида. Обратимся к примерам:

А. Междометный глагол в препозиции: «Сноха Михеева, молодая тогда еще Ксюшка, **хвать** его за руку и **говорит**...» (С. Крутилин, Липяги); «Ваня тут же, словно сноп, на шелковый коврик **хлоп и**, забывши обо всем, **засыпает** крепким сном» (Басов-Верхоянцев, Конек-скакунок); **«Глядь — лежит** на земле дыня большая-пребольшая» (Итальянские сказки в переводе ряда авторов); «Тут истина, умильный на басню обративши взор, к ней в сани — **прыг... летят** и следу нет!» (В. Жуковский, Истина и басня).

К указанным междометным глаголам возможно подобрать различные заменители (хвать — схватила, хватнула, хватает; хлоп — хлопнулся, хлопается; глядь — глянула, глядит; прыг — прыгнула, прыгает); при этом не исключен момент субъективного восприятия текста. Однако при заменителях

---

[1] Р. Д. Швец, Особый случай выражения сказуемого в современном русском языке, Одесса, 1957, стр. 14—15.

[2] Р. Д. Швец, Синтаксические функции глагольно-междометных форм, Одесса, 1956, стр. 15.

[3] Е. Н. Прокопович, Особые формы глагольного сказуемого в современном русском языке, РЯШ, № 1, 1958, стр. 10.

«хватает, хлопается, глядит, прыгает» исчезает значение предела и мгновенности. Кроме того, совершенно ясно, что «Ксюшка сначала схватила его за руку, а потом заговорила», «Ваня сначала хлопнулся, а потом стал засыпать», «Истина сначала прыгнула в сани, а потом они совместно с басней полетели куда-то». В предложении «Глядь — лежит на земле дыня...» рассказчик повествует о прошедших событиях и глагол настоящего времени употреблен в значении прошедшего времени. Учитывая то, что предшествующие действия не могут совпасть с моментом речи, следует сделать вывод о том, что действие междометного глагола выражает прошедшее время совершенного вида и однородное сказуемое, выраженное глаголом настоящего времени, не препятствует такому заключению.

Б. Междометный глагол в постпозиции:

«Вахтенный **приподнимает** конец доски, Гусев (покойник — А. Б.) **сползает** с нее, **летит** вниз головой, потом **перевертывается и — бултых!»**, **«Выходят** на край леса, **глядь** — груша **стоит** и на ней кругом бублики...», «**Вижу,** что в коляске **подлетает** к вашему дому какая-то госпожа..., **прыг** из экипажа и прямо в парадную дверь...».[1]

Ссылаясь на однородные сказуемые, выражающие настоящее время и на «синонимы» вроде бултых — бултыхается, глядь — глядят, прыг — прыгает, Швец заявляет, что формы «бултых», «глядь», «прыг» выражают настоящее время.

На наш взгляд, и в этих примерах однородные члены предложения (глаголы в личной форме) не определяют времени междометного глагола как настоящего. Выше мы уже говорили о возможном субъективизме подбора грамматических синонимов. В данном случае возможны различные заменители: бултых — бултыхается, бултыхнулся, как бултыхнется; глядь — глядят, глянули, как глянут; прыг — прыгает, выпрыгивает, выпрыгнула, как выпрыгнет. Однако нам кажется, что глаголы настоящего времени синонимами к междометным глаголам быть не могут, так как они теряют значение предела и мгновенности.

Более трудными для анализа оказываются примеры, в которых будто бы возможны синонимы лишь настоящего времени, например: «Андрей **бледнеет, кривит рот и — хлоп** Алешу по голове! Алеша злобно **таращит** глаза, **вскакивает, ста-**

---

[1] Р. Д. Швец, Особый случай выражения сказуемого в современном русском языке, Одесса, 1957, стр. 14.

новится одним коленом на стол и, в свою очередь, — **хлоп** Андрея по щеке!» (А. Чехов, Сочинения, т. 1); «В столовую **входит** кухарка Анна **и — бух** хозяину в ноги!

— Простите Христа ради, Павел Васильич! — говорит она, поднимаясь вся красная...» (там же); «Из норки вылез крот, монах слепой! Туда ж играть с сурками! Растешился, **катит** и прямо — **бряк!** в силки» (В. Жуковский, Сурки и крот); «Мать писала: «...Хаты тут из бревен,темные, не похожи на наши... А купаются люди вовсе не по-нашему. Лезут в натопленную печь, **парятся** там, **а затем — бух** в кадушку с водой» (М. Годенко, Минное поле).

В этих примерах как будто бы возможно лишь: «бледнеет, кривит рот и — хлоп» (хлопает); «входит и — бух» (бухается); «катит и — бряк» (брякается); «лезут, парятся, а затем — бух» (бухаются). На основе этих синонимов можно сделать вывод о том, что междометные глаголы выражают настоящее время.

Однако во всех многочисленных примерах, приведенных нами, глаголы настоящего времени употреблены в значении прошедшего времени. Это оправдано стилистически, причем междометный глагол занимает в подобной конструкции немаловажное место. Проведем анализ некоторых наших примеров. В первом примере констатируется факт, что покойный Гусев бултыхнулся в воду. Но бултыхнулся он после того, как вахтенный поднял конец доски, после того, как он сполз с нее, после того, как полетел вниз головой, а затем перевернулся в воздухе. Следовательно, все эти действия, предшествуя времени действия междометного глагола, никак не могут быть одновременными, то есть, взятые вместе, они никак не могут совпасть с моментом речи. Ср. «Госпожа и к дому подлетает, и из экипажа выпрыгивает», «Кухарка Анна и в столовую входит, и в ноги бухается»; «Люди и в печку лезут, и парятся там, и в кадушку бухаются» и т. п. Ясно, что действия, выраженные глаголами настоящего времени, предшествуют действию междометного глагола, поэтому они выступают не в прямом, а в относительном значении. Вступая в контакт с формой прошедшего времени междометного глагола, они выступают в значении прошедшего времени. Следовательно, перед нами налицо так называемое «настоящее историческое».

«...эти формы обозначают действие, как бы происходящее на наших глазах», — пишет Р. Д. Швец. Поэтому: «Подобные мотивы дают возможность предположить, что оттенок зна-

чения глагола настоящего времени у этих форм перевешивает значение прошедшего действия».[1] (Оговоримся, что использованные нами примеры Р. Д. Швеца относятся им не к «настоящему историческому», а только к настоящему времени).

Формы настоящего времени, выступающие в значении прошедшего времени, не лишают междометный глагол его категорий прошедшего времени и совершенного вида.

Мы считаем конструкции с постпозитивным междометным глаголом синонимичными конструкциям «как + глагол будущего (простого) времени»: «бледнеет, кривит рот и как хлопнет Алешу», «входит кухарка и как бухнется в ноги»; «катит и как брякнется прямо в силки»; «летит вниз головой, потом перевертывается и как бултыхнется» и т. п.

Такие конструкции встречаются и с междометным глаголом, что и указывает на синонимичность, например: «Дня так через три подходит ко мне сам Хрящ, да как хлоп по шее!» (А. Гайдар, Сочинения, т. 4).

При замене форм междометных глаголов сочетаниями, «как бухнется», «как прыгнет» и т. п. мы сохраняем их морфологические и семантические признаки: совершенный вид (мгновенность действия) и прошедшее время (параллель образованиям на -ну- и -л): бултых — бултыхнулся, как бултыхнулся, как бултыхнется; прыг — прыгнул, как прыгнул, как прыгнет; хлоп — хлопнул, как хлопнул, как хлопнет и т. п. Заменители «хлопает», «бухается» и др. не являются синонимами к междометным глаголам, поскольку они теряют значение предела и мгновенности и не являются исходной формой для их образования. Следовательно, междометные глаголы без повторения корня, находясь в цепи однородности с глаголами настоящего времени, в любом контексте продолжают обозначать мгновенное действие прошедшего времени.

Взаимоотношения сказуемых, выраженных глаголами будущего времени совершенного вида, и сказуемых, выраженных междометными глаголами, оказываются более сложными. И те и другие глаголы являются глаголами совершенного вида. Причем на междометный глагол оказывает сильное влияние глагол будущего простого времени, находящийся, как правило, в препозиции.

При анализе таких примеров сразу приходят на помощь синонимы, как правило, глаголы совершенного вида будуще-

[1] **Р. Д. Швец, Особый случай выражения сказуемого в современном русском языке, Одесса, 1957, стр. 17.**

го времени, например: «**Даст** мышонку отбежать и опять бедняжку — **хвать»** (С. Маршак, Сочинения, т. 1); «А, **скажут,** ты, подлец, вновь тянешь нас к царю? Вновь нас мутишь? **И — бац!!»** (Д. Бедный, Сочинения, т. 3); «...Заяц, ежели его бить, спички может зажигать. Чему вы удивляетесь? Очень просто! **Возьмет** в рот спичку и — **чирк!**» (А. Чехов, Сочинения, т. 1) и т. п. То есть «даст и — хвать» (схватит); «скажут и — бац» (бацнут); «возьмет и — чирк» (чиркнет).

Можем ли мы утверждать, что в этих случаях междометные глаголы выражают свои категории прошедшего времени и мгновенности? Ответим положительно. Мы придерживаемся взглядов А. М. Пешковского, что и в этом случае будет «прошедшее в смысле будущего».

Надо признать, что междометные глаголы употребляются с глаголами будущего (простого) времени только в таком контексте, где последние выступают в значении прошедшего времени. А. А. Потебня так характеризовал «внутреннюю» форму будущего совершенного в значении прошедшего: «Изображая действие, обычное в прошедшем, посредством будущего, человек становится на точку ожидания будущего подобного случая [1]».

Во всех конструкциях действия глаголов будущего (простого) времени предшествуют времени действия междометного глагола: «сначала скажут, а потом — бац», «сначала возьмет спичку, а потом — чирк», «сначала даст отбежать, а потом — хвать» и т. п. Глаголы будущего (простого) времени выступают не в прямом своем значении, а в переносном. Следовательно, нам нужно определить его переносное значение, сосредоточив внимание на междометном глаголе, и мы снова обращаемся к мыслям А. А. Потебни: «Если по-русски скажем: «Тогда махнет булавою и убьет кузнеца» или «Как услышит об этом, станет ему жаль», то выражения эти необходимо будут отнесены к будущему объективному, если только особым словом (было, бывало) не будет обозначена их обычность в прошедшем. Есть только одно средство придать будущим махнет, услышит смысл прошедшего объективного — это поставить в последующих предложениях другое время: махнет — и убил, услышит — и стало ему жаль».[2]

---

[1] Цитируется по книге В. В. Виноградова «Русский язык», Учпедгиз, М.—Л., 1947, стр. 578.

[2] Цитируется по книге В. В. Виноградова «Русский язык», Учпедгиз, М.—Л., 1947, стр. 578—579.

Наши конструкции с постпозитивным междометным глаголом, безусловно, адекватны конструкциям А. А. Потебни: «махнет — и убил», «скажут и — бац», «возьмет и — чирк», потому что «бац», «чирк», «хлоп» и т. д. являются образованиями от форм «бацнул», «чиркнул», «хлопнул», т. е. формами прошедшего времени. Следовательно, при подборе синонимов не нужно забывать ни о семантике, ни о морфологии этих форм. Мы склоняемся к синонимам «как хлопнет», «как чиркнет», «как бацнут», которые не теряют в рассматриваемых конструкциях значения прошедшего времени. Академик В. В. Виноградов также не видит существенной разницы между междометными глаголами и глаголами будущего времени совершенного вида в сочетании с частицей «как»:

«В сочетании с частицей «как» форма будущего времени совершенного вида... обозначает внезапное и мгновенное осуществление действия в прошлом (ср. значения «междометных форм глагола»: шасть, прыг и т. п., и форм прошедшего времени мгновенно-произвольного действия, типа: я и прыгни, он и скажи и т. п.».[1]

Правильность подбора указанных синонимов, кроме того, подтверждается такими фактами:

1. В ряде примеров обнаруженное нами соответствие времен междометного глагола и глагола будущего простого, одинаково выражающих прошедшее время, стало возможно лишь благодаря конструкциям «как хватит», «как выскочит», «как рванет», например: «Данила **как хватит** черта в правый висок! Хвать его в левый висок» (Ион Крянгэ, Румынские сказки); «В это самое время медведь **как выскочит, да кувырк** через волчью шкуру...» (А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, т. 1); **«Как** катюши **жахнут, жахнут, как** артиллерия **рванет, как** земля **заходит,** мы все и побегли «Ура!»... Я одну гранату **хлоп,** другую **хлоп...»** (Б. Полевой, Глубокий тыл). То есть «Данила хватил черта в правый висок и хватил в левый висок», «медведь выскочил, но кувыркнулся через волчью шкуру», «катюши жахнули, артиллерия рванула, земля заходила, я хлопнул гранату, другую хлопнул».

2. В современном русском языке встречаются такие конструкции, когда замена междометного глагола возможна и глаголом прошедшего времени, чему способствует пауза: «Где-либо на перекрестке я забегу сбоку или дождусь, пока

[1] В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М.—Л., 1947, стр. 589.

они остановятся покупать папиросы. Тогда — хлоп! и — готово» (А. Гайдар. Сочинения, т. 2), «Мужики мечутся на берегу, ступят только на ледок, а он — хруп...» (А. Иванов, Тени исчезают в полдень). В данных примерах благодаря паузе возможна подстановка глаголов прошедшего времени: «тогда — хлопнул! — и готово», «ступят на ледок, а он — хрупнул».

3. Не вызывает сомнений и употребление глаголов будущего (простого) времени в значении прошедшего в конструкциях с особым словом «бывало», например, «А он (Мамахин — А. Б.), **бывало,** как заметит, что его пороть хотят, прыг в окно и был таков!» (А. Чехов, Сочинения, т. 1); «Я, **бывало**, ему сделаю саблю, и нарочно подрежу ножиком, закрашу ежевикой, чтоб не было видно, он махнет раз-другой, а она— **хряп!»** (Г. Тютюнник, Водоворот). В этих примерах глаголы будущего времени и междометные глаголы одинаково выражают прошедшие действия.

Таким образом, в многочисленных примерах мы обнаруживаем соответствие времен междометного глагола и глагола будущего (простого) только в плане прошлого. Форма мгновенного прошедшего действия и в этом случае активно проявляет свои категории.

В некоторых примерах, однако, отчетливо проявляется значение будущего времени, выражаемое междометным глаголом. Обычно это примеры с обозначением предположительных действий, например: «Ведя стойкую круговую оборону, девушка думает: и в самом деле, может быть, завтра трах — и нет человека?» (Б. Полевой, Глубокий тыл); «Явишься, допустим, к властям: мол, здрасть, разрешите покаяться. А тебя — хлоп в НКВД» (В. Кожевников, Щит и меч); «Естественно, купчина струсит и сейчас же донесет полиции, а полиция засядет к шести часам в кусты — и цап-царап его, голубчика, когда он за письмом полезет» (А. Чехов, Сочинения т. 1); «Как только приведут, скомандуют «разойдись», я сразу нырк, ты тоже» (А. Гайдар, Военная тайна); «Рано утречком положат меня, раба божьего, на стол и животик ножичком—чик-чик!» (М. Семенов, Вещественные доказательства).

В действительности эти действия не произошли, их говорящий лишь предполагает. Но он предполагает их так определенно, что будто они уже совершились или совершались не раз на его глазах, то есть «трахнуло — и нет человека», «явился, а тебя хлопнули в НКВД», «полиция засела в кусты — и схватила его»; «привели, скомандовали «разойдись» —

я нырнул, ты тоже»; «положили меня на стол и животик ножичком чикнули».

В силу определенности сообщаемый факт из нереального становится как бы реальным. Правильно писал профессор А. М. Пешковский: «...слова эти никогда не обозначают ни одновременных с речью, ни будущих фактов (если мы даже употребили бы их в картине будущего, например: Я пойду к нему, задам этот вопрос и если он не ответит—бац его по роже! — то и тут было бы прошедшее в смысле будущего... (и никогда не означают нереальных фактов) предположения или приказания.[1]

Вслед за А. М. Пешковским, в примерах подобного типа мы отмечаем выражение прошедшего в смысле будущего.

Когда же предположительность исчезает, глагол будущего простого и глагол междометный очень ясно выражают только прошедшее время в полном смысле слова, например: **«Даст** мышонку отбежать **и** опять бедняжку — **хвать!»** (С. Маршак, Сочинения, т. 1); «А он **подкрадется** сзади **да хлесь** плетью по шее» (А. Солженицын, Один день Ивана Денисовича); «Издали **увидит** леща, **да и хвать** его зубами» (Пример из книги В. В. Виноградова «Русский язык»).

Утверждение обязательного соответствия времен глаголов будущего простого и междометного в плане будущего времени может привести к неправильным выводам, как это получилось у Р. Д. Швеца.[2]

В примерах: «В старину: муж как зыкнет на жену да кнутом он щелк-пощелк... Смотришь, баба просто щелк» и «Потом она как заплачет да бух ему в ноги, чтобы отпустили» Р. Д. Швец видит значение настоящего — будущего времени совершенного вида, но не прошедшего. По-видимому, Р. Д. Швец не учитывает того, что действия глаголов «щелк-пощелк» и «бух» совершились до момента речи, также до момента речи совершились и действия глаголов «как зыкнет», «как заплачет». Ведь муж уже «зыкнул», а жена уже «заплакала».

Следовательно, междометный глагол, находясь в цепи однородности с глаголом будущего простого времени, выражает либо прошедшее время в обычном смысле этого слова,

---

[1] А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, Учпедгиз, М., 1956, стр. 199.

[2] Р. Д. Швец, Особый случай выражения сказуемого в современном русском языке, Одесса, 1957, стр. 17—20.

либо прошедшее в смысле будущего, если в предложении выражаются предположительные действия.

III. Категориально-грамматические особенности сдвоенных форм междометных глаголов

Междометные глаголы могут иметь сдвоенную форму, образуемую по-разному. Мы рассмотрим две разновидности такой формы: форму, образуемую соединением двух основ при помощи союза (хлоп да хлоп, тюк да тюк, щелк да щелк и т. п.), и форму, образуемую путем бессоюзного соединения (хлоп-хлоп; стук-стук; щелк-щелк; хлоп... хлоп..., хлоп! хлоп! и т. п.).

А. И. Германович считает, что повторы с союзом обозначают действия, повторяющиеся с паузой. В бессоюзных же повторах он паузы не отмечает.[1]

Но повторы типа «хлоп-хлоп», «стук-стук» и т. п. так же, как и повторы типа «хлоп да хлоп», «стук да стук» выражают повторяющиеся действия, поэтому, вопреки А. И. Германовичу, мы и в этих повторах отмечаем паузу. Причем пауза эта может быть более или менее продолжительной, что в живой речи выражается соответствующей интонацией.

Самая короткая пауза наблюдается в повторах, оформляемых в письменной речи через дефис, например: «Знаешь, эдак быстренько, топориком **тюк-тюк** — вот они и денежки...» (Ф. Волохов, Думай, Егор); «Белые ресницы **морг-морг;** лицо сузилось, поблекло» (С. Крутилин, Липяги).

Несколько продолжительнее пауза в повторах, оформляемых при письме через запятую: «Маленькие ангелочки летают по небу и крылышками **мельк, мельк,** будто комарики» (А. Чехов, Сочинения, т. 3); «Я зубами **щелк, щелк!»** (С. Маршак, Сочинения, т. 1).

Следующая по продолжительности пауза наблюдается в повторах, оформляемых пунктуационно в письменной речи через восклицательный знак: «Завязав свою соху умышленно в грязь, дед ее топором сразу — **хрясь! хрясь!»** (Д. Бедный, Сочинения, т. 3); «Горячий такой, быстрый... Слова тебе путем не скажет, а все — **фырк! фырк!»** (А. Чехов, Сочинения, т. 1).

---

[1] А. И. Германович, Глаголы типа «толк», «шасть», Известия Крымского пединститута, т. 14, 1948, стр. 37.

Наиболее продолжительная пауза наблюдается в повторах, оформляемых при письме через многоточие: «Ну и что тебе не сидится? Только Валька задремала, а он **грох... грох...**» (А. Гайдар, Сочинения, т 2); «Последний день. Минуты стекают как капли. **Кап... кап...**» (В. Кудрявцев и В. Понизовский, Город не должен умереть).

Короткая пауза свидетельствует о быстроте повторения мгновенных действий, а остальные паузы передают более продолжительные промежутки времени между действиями.

В трудах лингвистов прошлого и настоящего, за исключением работы С. А. Григорьева, сдвоенная форма не отделялась от простой формы, а рассматривалась совместно с нею. В связи с этим грамматическая специфика сдвоенных форм недостаточно учитывалась

Так, Р. Д. Швец пишет: «Изученный материал, вопреки существующему в специальной литературе мнению, дает возможность утверждать, что простое сказуемое в современном русском языке может быть выражено не только глаголом в форме настоящего, прошедшего или будущего времени, но и глагольно-междометной формой, обозначающей мгновенное действие в прошлом, настоящем и будущем».[1]

Предыдущий анализ показал, что одиночная форма, обозначающая мгновенное действие, никогда не выступает в значении настоящего и будущего времени, а дальнейший анализ установит, что сдвоенная форма никогда не обозначает мгновенного действия.

Первая и единственная попытка учесть грамматическую специфику сдвоенной формы была предпринята С. А. Григорьевым, и она была очень ценной. Однако мы не можем полностью присоединиться к его выводам. С. А. Григорьев пишет: «междометные глагольные формы с повторением корня имеют значение несовершенного вида и настоящего времени».[2]

Однако далее С. А. Григорьев делает следующую оговорку: «Иногда... междометные глагольные формы с повторением корня могут употребляться не в прямом временном значении (т. е. в значении настоящего времени), а для обозначения прошедшего либо будущего действия...».[3]

Также с оговорками решает вопрос С. А. Григорьев и о

[1] Р. Д. Швец, Особый случай выражения сказуемого в современном русском языке, Одесса, 1957, стр. 27—28.

[2] и [3] С. А. Григрьев, Междометные глагольные формы в витебских говорах белорусского языка, АКД, М., 1953, стр. 10.

простой форме, которая, обладая категориями совершенного вида и прошедшего времени, по его мнению, может выступить в значении будущего времени. Следовательно, четкой границы между сдвоенной формой и простой С. А. Григорьев не проводит.

Сдвоенные формы, по нашему мнению, нельзя рассматривать вместе с простыми: во-первых, у них особое образование, во-вторых, особое значение, в-третьих, у них особые отношения с контекстом и, в-четвертых, есть условия, при которых сдвоенные формы могут синонимически замещать глаголы настоящего времени.

Вслед за А. И. Германовичем, необходимо признать, что основное значение сдвоенных форм — это выражение повторяющихся мгновенных действий, поэтому их нужно считать образованиями от основ глаголов совершенного вида прошедшего времени, так как повторяющиеся действия возможны только на основе законченности предыдущего действия. Следовательно, формы «хлоп да хлоп» либо «хлоп-хлоп» образованы от основ повторяющегося глагола «хлопнул, хлопнул, хлопнул»... «Похлопывает, хлопает, хлопал и захлопал» — вот четыре глагола, которые могут синонимически заменить сдвоенную форму. Однако между собой эти глаголы имеют существенные отличия. Так, форма «похлопывает» относится к несовершенному виду и обозначает повторяющееся действие, но без паузы, формы «хлопает» и «хлопал» относятся к несовершенному виду, а форма «захлопал» относится к совершенному виду. Последние три глагола повторяемости действия не выражают.

Однако все перечисленные глаголы с корнем «хлоп» синонимичны со сдвоенной формой, так как в них есть общее: отсутствует указание на конечный предел. Но отсутствие конечного предела еще не говорит о том, что сдвоенные формы являются формами несовершенного вида, потому что конечный предел может отсутствовать и у глаголов совершенного вида со значением так называемого начинательного действия. Однако совершенно ясно, что сдвоенные формы, помимо выражения повторяющихся действий, включают в свое значение и отсутствие конечного предела. Его отсутствие совершенно меняет представление о междометном глаголе сдвоенной формы как глаголе мгновенного действия. Выражая повторяющееся действие, каждый глагол обозначает мгновенное дейст-

вие; но процесс повторяющихся, хотя бы и мгновенных дей ствий, в целом, не может быть мгновенным.

Таким образом, сдвоенная форма междометного глагол обозначает процесс повторяющихся мгновенных действий указывает на отсутствие конечного предела. Это и есть основ ное значение сдвоенной формы. Остается выяснить вопрос том, имеет ли эта форма значение начального предела. Отве на этот вопрос поможет определить вид междометного глаго ла. Но ответа на этот вопрос не даст ни сама форма, ни сино нимы-заменители, если их взять вне контекста.

Следовательно, сдвоенная форма — это особая форм междометного глагола, обозначающая процесс повторяющих ся мгновенных действий и не имеющая морфологических по казателей вида и времени. Видо-временные значения сдвоен ной формы устанавливаются исключительно на основе кон текста, в котором она может синонимически замещать и гла голы совершенного и глаголы несовершенного вида, следова тельно, и глаголы прошедшего и глаголы настоящего време ни. Однако глаголы будущего времени, нам кажется, она за менить не может. Рассмотрим примеры:

1. С глаголами прошедшего времени.

А. «**Пошел** утром расчищать дорожку к погребу, **взял** ло пату — **смурыг, смурыг** — и вдруг **уткнулся** лицом в сугро и всё...» (С. Крутилин, Липяги); «До утра сова искала, утро видеть перестала, села старая на дуб **и** глазами **луп** да луп (С. Маршак, Сказка об умном мышонке); «Белые ресницы- **морг-морг**; лицо **сузилось, поблекло»** (С. Крутилин, Липяги) «Буратино **покачался, покачался** на тоненьких ножках, шаг **нул** раз, **шагнул** другой, **скок, скок** — прямо к двери, чере порог и — на улицу» (А. Толстой. Сочинения, т. 8); «Видно он решил проявить характер. Поплевав на ладони, снова за **махнулся** ломом, **и — бух! бух!»** (С. Крутилин, Липяги).

Приспосабливаясь к глаголам прошедшего времени, сдво енная форма в данных конструкциях приобретает их вре менное значение и совершенный вид. Однако, выражая по вторяющиеся мгновенные действия, она характеризует их ка длительный процесс, не имеющий значения конечного предел

Б. «Прислуги **не держали**, потому, видать, господишки та себе, вот значит, прислуги **не держали**, так она, значит, сам все за харчами **шнырь-шнырь»** (Ю. Давыдов, Март); «Не братец мой, — не даром все жуть меня **брала**, а сердце **ёк** **ёк»; «Пьянила** запахом сирень. Они же, — вспомнить сты

но, — хотя б один умолк: семечки всё **щелк да щелк»** (Примеры из книги Р. Д. Швеца «Синтаксические функции глагольно-междометных форм»); **«писали** они урок и **зирк-зирк** один на одного» (пример из АКД С. А. Григорьева «Междометные глагольные формы в витебских говорах»).

Нетрудно увидеть, что сдвоенная форма приобретает значение прошедшего времени и несовершенного вида под влиянием глаголов этих же значений, находящихся в контексте. Как правило, соединения сдвоенной формы с глаголами прошедшего времени несовершенного вида обозначают одновременные действия в прошлом. В данных конструкциях сдвоенная форма также выражает длительный процесс повторяющихся мгновенных действий, не имеющий ни начального, ни конечного предела.

2. С глаголами настоящего времени.

Необходимым условием для приспосабливания сдвоенной формы к глаголам настоящего времени является изображение одновременных действий, совпадающих с моментом речи. Мы отмечаем два таких случая:

А. В сложном предложении, когда сдвоенная форма, образуя свою предикативную единицу, находится в тесной связи с другими предикативными единицами, изображающими одновременные действия, например: «И пошла работа: котел кипит, вода буль-буль, пар свищет, ужас, что делается!» (Н. Носов, Приключения Незнайки); «Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, вина и мёды сами в рюмку наливаются, рюмки скок, скок да скок» (Сказка «Поди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что»); «Смотрю, — птичка с куста на куст прыг, прыг» (А. Гайдар, Военная тайна); «Белье по ветру хлоп да хлоп! Стоит смотрит мальчик Роб» (А. Кардашова, Мальчик Роб).

Сдвоенная форма, как показывает последний пример, может приспосабливаться во временном плане и к соседнему предложению, если между ними устанавливается соответствие в изображении одновременных действий.

Б. В цепочке однородности с глаголами настоящего времени, например: «Маленькие ангелочки **летают** по небу, **и** крылышками — **мельк, мельк,** будто комарики» (А. Чехов, Сочинения, т. 3); **«Идут** (девушки — А. Б.) по тротуару в красных сапожках, маленькие молитвеннички к груди **прижимают** и на меня из-под косынок только **зырк-зырк**...». (О. Гончар, Зна-

меносцы); «Через Крымский Перекоп Дура-птица скачет. И глазами **хлоп да хлоп:** ошалела, значит» (Д. Бедный, Сочинения, т. 2).

Сдвоенная форма в этих конструкциях не выражает основного действия. Приближаясь к деепричастию, она характеризует действие основного глагола-сказуемого, поэтому их временная связь получает ярко выраженный характер. Ср. «Ангелочки летают, мелькая крылышками», «Идут по тротуару, поглядывая на меня», «Дура-птица скачет, хлопая глазами». Эта близость к деепричастию особенно заметна в тех случаях, когда в той же конструкции оказывается настоящее деепричастие, например: «Сидит сова на печи, крылышками треплючи, ноженьками топ, топ, оченьками лоп, лоп». (Пример из книги Р. Д. Швеца «Синтаксические функции глагольно-междометных форм»). То есть, «Сидит — крылышками треплючи, ноженьками топаючи, оченьками хлопаючи».

От конструкций, изображающих одновременные действия, необходимо отличать такие конструкции, в которых глаголы настоящего времени употреблены в относительном значении, то есть их действия предшествуют действию междометного глагола сдвоенной формы. В таких случаях сдвоенная форма выступает в значении прошедшего времени, например: «Опять идет (лиса — А. Б.) к дятлу и стук-стук хвостищем по сырому дубищу». (А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, т. 1); «Я сплю, вдруг бабах... бабах... Как на фронте». (А. Гайдар, Военная тайна); «Я с парнишкой еду, вдруг: Стой! Кто едет? Потом бах, бах...» (А. Гайдар, Пусть светит). То есть, «пришла и застучала», «Я сплю, вдруг забабахало» (следовательно, проснулся, когда забабахало), «еду, кричат: стой! потом забахали».

3. С глаголами будущего времени.

Находясь в цепи однородности с глаголами будущего (простого) времени, сдвоенная форма, по нашему мнению, не приспосабливается к нему, а выступает в значении либо прошедшего, либо настоящего времени. Примеры:

«Он, господа, чуть дверь **приотворит, сунет** Матрене деньги и опять **щелк-щелк».** (Ю. Давыдов, Март); «Строгий человек... **Ему слово,** а он сейчас ножки **туп-туп** да голосом: в Сибирь, говорит, вас всех!!» (А. Аверченко, Октябрист Чикалкин); **«Облепят** муравьи медвежий язык, а медведица — **хоп! хоп!** — и проглотит муравьев». (И. Соколов-Микитов, Осень в лесу).

В этих примерах глаголы будущего (простого) времени употреблены в относительном значении. В самом деле, «он закроет дверь после того, как ее приотворит, после того, как отдаст деньги», «он ножками затопает после того, как ему слово скажут», «медведица начнет жевать после того, как муравьи облепят ее язык».

«Форма будущего времени в этих случаях, — говорит В. В. Виноградов, — не объективное будущее, а относительное время действия, предшествующего другому и его обусловливающего, или время действия, с наступлением которого связано другое действие».[1]

Сдвоенная форма в этих примерах не может быть понята как форма со значением будущего времени. Факт относительности предыдущих действий вполне ясен, поэтому сдвоенная форма может выступить либо в значении прошедшего, либо в значении настоящего времени, что определяется контекстом.

В большинстве случаев контекст позволяет признать в сдвоенной форме выражение прошедшего времени, несмотря на то, что возможные синонимы к ней имеют формы либо настоящего, либо будущего времени, например: «Он, господа, дверь приотворит, сунет Матрене деньги и опять щелк-щелк (закроет)»; «Горячий такой, быстрый... Слова тебе путем не скажет, а все фырк! фырк! (фыркает)». (А. Чехов, Сочинения, т. 1).

Особо следует учесть те случаи, когда в конструкциях подобного типа с выражением предположительности, возникает соответствие времен обоих глаголов в плане будущего, например: «Рано утречком **положат** меня, раба божьего, на стол и животик ножичком — **чик-чик!»** (М. Семенов, Вещественные доказательства); «Не дай бог в его страшную пасть Спекулянту-буржую попасть. А тем паче — проплеванному мещанину: **сделает** из них «Крокодил» мешанину-Косточки только — **хруст, хруст!»** (Д. Бедный, Сочинения, т. 3). Однако мы считаем, что «говорящее лицо как будто переносится в прошедший момент, не теряя, однако, сознания того, что оно там находится только в воображении».[2] Поэтому больше оснований видеть в таких конструкциях «прошедшее в смысле будущего».

---

[1] В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М.—Л., 1947. стр. 579.

[2] В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М.—Л., 1947, стр. 580.

Сдвоенная форма прошедшего времени совершенного вида. От сдвоенных форм, рассмотренных выше, необходимо отличать сдвоенную форму, которая имеет морфологические категории прошедшего времени и совершенного вида.

Сюда относятся формы, образуемые путем повторения одного и того же глагола с прибавлением приставки по- во второй части (хвать-похвать, щелк-пощелк, глядь-поглядь и др.), а также формы, образуемые путем прибавления к первому глаголу синонимичного второго (цап-царап, трах-бах). Круг последних образований весьма незначителен. Примеры: «Приехал к нам на ветку, **скок-поскок,** схватил, что поверху...» (Вл. Ханжин, До последней строки); «Стали стадо сбирать, **глядь-поглядь,** нет коровы одной, нет другой, нету третьей...» (Д. Бедный, Сочинения, т. 4); «Умирать — так с музыкой, с высоты трех километров. **Трах-бах** — и будьте здоровы!» (А. Алдан-Семенов, Барельеф на скале); «**Хвать-похвать!** когтями **цап-царап!** Дал промах, сорвался и бух на столик с рамы». (В. Жуковский, Кот и зеркало); «Запропастился куда-то (кисет—А. Б.), **хвать-похвать,** пропал и след» (А. Твардовский, Василий Теркин).

В этих формах лишь потенциально сохраняется указание на повторяемость. В этих случаях для говорящего имеет значение не сама повторяемость, а мгновенность, которая становится возможной благодаря молниеносному чередованию действий.

Подводя итог сказанному, считаем, что междометные глаголы сдвоенной формы, за исключением особых повторяющихся форм (хвать-похвать, трах-бах), специфичны в отношении грамматического значения. Сдвоенная форма, не имея морфологических показателей вида и времени, приобретает свое грамматическое значение только в контексте.

А. А. БЕЛЯКОВ

МЕЖДОМЕТНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПОВТОРЯЮЩЕЙСЯ ФОРМЫ В КАЧЕСТВЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ГЛАГОЛА-СКАЗУЕМОГО

В разговорной речи междометные глаголы повторяющейся формы очень часто употребляются не в функции предиката, а в функции, близкой обстоятельству. Вопрос о синтаксической функции междометных глаголов повторяющейся формы, а также о их лексической значимости в таких случаях, по существу, остался открытым до сих пор.

Лингвисты, занимавшиеся проблемой междометных глаголов, пытались определить синтаксическую функцию глаголов повторяющейся формы, исходя из традиционной схемы пяти членов предложения (подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства). Однако традиционная схема пяти членов предложения не дала возможности убедительно аргументировать ни одну из точек зрения.

В книге «Синтаксические функции глагольно-междометных форм» Р. Д. Швец прослеживает синтаксическую роль глаголов повторяющейся формы. Он, как и С. Я. Лурье,[1] не отделяет этих глаголов от глаголов простой формы, что отрицательно сказывается на разрешении вопроса.

В книге Р. Д. Швеца имеются два раздела («Глагольно-междометная форма в функции второстепенного члена предложения» и «Глагольно-междометная форма в качестве второстепенного сказуемого, по функции приближающегося к деепричастию»),[2] в которых мы находим интересующие нас

[1] С. Я. Лурье, Неизменяемые слова в функции сказуемого в индо-европейских языках, Львов, 1955, стр. 33.

[2] Р. Д. Швец, Синтаксические функции глагольно-междометных форм, Одесса, 1956, стр. 19—20.

примеры с междометными глаголами повторяющейся формы. В первом разделе приводятся примеры типа «Топор в лесу **стучит, — тюк да тюк»;**[1] во втором — типа «Приходит аппетит: причудница в поток; Глядит: вдруг видит, линь, **виль-виль,** со дна **поднялся».**

Приведенные примеры, на наш взгляд, являются аналогичными, поэтому трудно понять, чем руководствуется Р. Д. Швец, рассматривая их по разным разделам. С одной стороны, междометные глаголы как будто бы обстоятельства образа действия (стучит, — тюк да тюк — стучит (как?), тюкая да тюкая, виль-виль, поднялся — (как?), виляя, вильнув). С другой стороны, они второстепенные сказуемые, так как могут выразить ту же мысль самостоятельно («линь виль-виль со дна реки», «топор в лесу тюк да тюк»).

С. Я. Лурье утверждает, что междометным глаголам вообще не свойственна функция обстоятельства образа действия. Он пишет: «Дальнейшая стадия развития состояла в том, что вербоид (т. е. междометный глагол — А. Б.) стал поясняться стоящим с ним рядом равнозначным настоящим глаголом. И в этом случае вербоид не становится, конечно, наречием, выражающим обстоятельство образа действия, а может рассматриваться только как дополнительное сказуемое, так как никакого «образа действия» не показывает. Например, «стук-стук-стук что-то стучало в дверь...», «Бац! приезжает старушка...», «Пых-дых пыхтят мои фабрики... Бульк! Бульк, булькает вода в проруби...».[2]

Из приведенных примеров ясно, что С. Я. Лурье распространяет свое положение как на простую, так и на повторяющуюся форму междометных глаголов. Однако, если простая форма как будто подтверждает взгляды С. Я. Лурье, то повторяющаяся форма их явно отрицает. В самом деле, междометные глаголы повторяющейся формы безо всякого пояснения могут выразить то же, что и сказуемое, во всех примерах, приведенных С. Я. Лурье. Ср. «Что-то стук-стук в дверь». «Пых-дых мои фабрики», «Бульк-бульк вода в проруби». А с другой стороны, в этих примерах совершенно нет нужды в дополнительных сказуемых, так как обычные глаголы вполне определенно выражают предикативность:

---

[1] В книге Р. Д. Швеца запятой перед глаголом **«тюк да тюк»** нет, хотя она должна быть. (См. АС, т. 15, стр. 1212).

[2] С. Я. Лурье, Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках, Львов, 1955, стр. 33.

«Что-то стучало в дверь», «Пыхтят мои фабрики», «Булькает вода в проруби».

Междометные глаголы в рассматриваемых конструкциях играют какую-то иную роль, отличную как от обстоятельства образа действия, так и от сказуемого (хотя бы и дополнительного или второстепенного, вторичного).

В Академическом Словаре вопрос о синтаксической функции междометных глаголов повторяющейся формы оказался настолько запутанным, что нам не удалось установить, какие мотивы послужили для авторов Словаря, чтобы отнести слова данной формы то к разряду звукоподражательных междометий, то к разряду глагольных междометий. Непонятно, как определяется синтаксическая функция тех и других слов. Приведем примеры.

«Иду, а **он** (конь) впотьмах: **хруп-хруп...**» (Т. 17, стр. 493). В этом примере слово «хруп-хруп» отнесено к разряду глагольных междметий и понято как сказуемое. «**Медяки** в кармане: **звяк-звяк-звяк**». (Т. 4, стр. 1166). В этом примере слово «звяк-звяк-звяк» отнесено к разряду звукоподражательных междометий, оно передает лишь бренчащий звук, но не действие. Следовательно, это не сказуемое. Оба примера, на наш взгляд, аналогичны и по структуре, и по значению, поэтому совершенно непонятно, почему в первом примере глагол «хруп-хруп» употреблен в значении сказуемого, а во втором глагол «звяк-звяк-звяк» отнесен к разряду звукоподражательных междометий.

Авторы АС считают междометные глаголы повторяющейся формы звукоподражаниями, если они передают те или иные звуки, сопровождающие какое-либо действие, например: «Было совершенно тихо, только цепи на колесах нашей машины **позвякивали: звяк, звяк, звяк».** (Т. 4, стр. 1166—1167); «Вдруг однажды слышим: топор в лесу **стучит,—тюк да тюк!»** (Т. 15, стр. 1212); «Здоровые оба, по навозу так и **хлюпают: хлюп-хлюп».** (Т. 17, стр. 233).

Однако ни в одном томе нет объяснений к тем примерам, в которых междометные глаголы повторяющейся формы звуков не передают, хотя и употребляются при том или ином сказуемом, например: «Глядит: вдруг видит, линь, **виль-виль,** со дна **поднялся»;** «Вдруг откуда ни возьмись, жаворонок хроменький **ковыляет: ковыль, ковыль, ковыль!** — прямо к святой Троице». (Молдавские сказки, стр. 42) и т. п.

Синтаксическая функция звукоподражательных между-

метных глаголов и междометных глаголов, не могущих передать звуков, на наш взгляд, одинакова, поэтому нет достаточных оснований для того, чтобы не признавать лексических значений и звукоподражательных междометных глаголов: аналогия сочетаний «позвякивали: звяк-звяк-звяк» и «ковыляет: ковыль-ковыль-ковыль» не вызывает сомнений. Кроме того, та же аналогия отрицает принадлежность к какому бы то ни было разряду междометий форм «виль-виль», «ковыль-ковыль»; «дерг-дерг», «прыг-прыг», «скок-скок» и под.

Междометные глаголы повторяющейся формы, сочетаясь с глаголом-сказуемым, являются его компонентом, служащим для той или иной характеристики глагольного действия. Сближаясь в какой-то мере с обстоятельствами образа действия, междометные глаголы тем не менее обстоятельствами не являются: они не порывают окончательно с функцией сказуемого, и в случае его отсутствия могут выразить ту же самую предикативность.[1]

Рассматривая примеры сочетаний междометных глаголов повторяющейся формы с глаголами-сказуемыми, мы выделяем из их общего числа несколько групп, которые имеют более или менее существенные отличия. Переходим к их характеристике.

1. В предложениях при глаголе-сказуемом употребляется междометный глагол, образованный путем повторения того же корня, который представлен в глаголе обычной формы.

Примеры:

«**Тук-тук-тук, — стучал** телеграфист телеграфным ключом». (Р. Сеф. Золотая шашка, стр. 62);

«**Тук-тук... — стукнуло** сердце» (А. Гайдар, Избранное, стр. 103);

«**Бульк! бульк! булькает** вода в проруби»;

«**Пых-дых пыхтят** мои фабрики». (Примеры из книги С. Я. Лурье);

«Вот вам и соловей... — усмехнулся Савка. — **Дерг-дерг! Дерг-дерг!** Словно за крючок **дергает,** а ведь небось тоже думает, что поет.» (А. Чехов, Сочинения, т. 1, стр. 244);

«Закручинился Егорушка. Но, вдруг, **прыг-скок!** Синий бычок **подскочил** и сбросил рожком месяц за Вороньи горы...» (Иштван Кормош, Сказка о двух чудесных бычках-

[1] Исключения есть, но о них скажем ниже (см. 3 и 4 группы).

малышках, перевод Лебедевой, изд-во Корвина и Геликон, Будапешт, 1959).

В приведенных примерах междометные глаголы повторяющейся формы препозитивны по отношению к глаголам-сказуемым, и мысль С. Я. Лурье о пояснении «вербоидов» со стороны следующего за ними настоящего глагола как будто бы получает подтверждение.

Однако междометные глаголы повторяющейся формы могут оказаться и в постпозиции по отношению к настоящему глаголу, и тогда говорить о пояснительной функции последнего весьма рискованно. Примеры:

«Идет (Иванушка — А. Б.); ложки позади так и **брякают: бряк, бряк, бряк!** (А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, т. 3, стр. 196);

«Вдруг откуда ни возьмись, жаворонок хроменький **ковыляет: ковыль, ковыль, ковыль!** — прямо к святой Троице». (Молдавские сказки, стр. 42);

«Она второй раз за лето вывела птенцов, вырастила их и теперь **перескакивала** с ветки на ветку — **скок-скок!»** (Жур. «Огонек», № 21, 1964, стр. 25);

«Давным-давно, передавно, Когда свиньи пили вино. А мартышки жевали табак... А утки **крякали: кряк-кряк-кряк!»** (Английские народные сказки в переводе Н. Шерешевской, стр. 26);

«Пришла в деревню и **стучится** в избу: **стук-стук-стук!»** (Русские народные сказки в обработке русских писателей, стр. 79);

«Так и **шлепаются** (блины — А. Б.) со сковороды на тарелку. **Шлеп, шлеп...»** (Жур. «Огонек», № 34, стр. 15).

Междометные глаголы в приведенных примерах сочетаются с глаголами-сказуемыми того же корня. В связи с этим они могут выразить тот же предикат самостоятельно. Ср. «Телеграфист тук-тук-тук телеграфным ключом.» (Соловей) «дерг-дерг, дерг-дерг, словно за крючок...» «Синий бычок прыг-скок и сбросил рожком месяц на Вороньи горы». «Птичка теперь с ветки на ветку — скок-скок» и т. п.

Однако на этом основании нельзя говорить о функции вторичного сказуемого: междометные глаголы никакого побочного действия, кроме обозначенного обычным глаголом, не обозначает, а наличие полноценных сказуемых исключает необходимость во вторичных сказуемых.

Характерно и то, что междометные глаголы в приведен-

ных выше примерах не соотносительны с деепричастиями, и те не могут заменить их. Ср. «ложки брякают, брякая»; «булькая, булькает вода в проруби»; «дергая, дергает словно за крючок»; «жаворонок ковыляет, ковыляя» и т. д.

С другой стороны, междометные глаголы отделяются от глагола-сказуемого тем или иным знаком: двоеточием, тире, запятой, запятой и тире, многоточием, иногда точкой. Такая конструкция, по нашему мнению, не может быть рассмотрена как сочетание сказуемого с обстоятельством образа действия, хотя со стороны междометного глагола характеристика глагольного действия есть.

Междометные глаголы повторяющейся формы, сочетаясь в предложении со сказуемым-глаголом того же корня, наглядно характеризуют действия. Под наглядностью в данном случае нужно понимать либо звуковую характеристику действия и повторяемость его актов, либо только повторяемость актов.

Звукоподражательные междометные глаголы передают и то и другое, а такие глаголы как «ковыль-ковыль-ковыль», «дерг-дерг», «прыг-прыг», «скок-скок» и т. п. изображают лишь повторяемость актов глагольного действия. Вместе с этим следует отметить, что настоящие глаголы стучал, булькает, пыхтят, дергает, ковыляет, брякают, крякали, стучится и шлепаются не выражают повторяемости актов действия. Следовательно, междометные глаголы как бы восполняют в данных глаголах суффикс -ива- (ыва), т. е. «тук-тук-тук — стучал-постукивал», «бульк-бульк — булькает-побулькивает», «брякают: бряк, бряк, бряк-побрякивают» и т. п.

Однако такое заключение подходит только к сочетаниям междометных глаголов с глаголами настоящего и прошедшего времени несовершенного вида, не имеющими в своих основах суффикса -ива- (ыва), да и то с оговоркой. Глаголы постукивал, побулькивает, побрякивает и т. п. никак нельзя поставить в одну плоскость с экспрессивными сочетаниями «тук-тук-тук-стучал», «бульк-бульк-булькает», «брякают: бряк, бряк, бряк» и т. п.

Кроме того, междометные глаголы повторяющейся формы могут иногда соединяться и с глаголами совершенного вида, имеющими в основе суффикс -ну-, и с глаголами несовершенного вида, имеющими в основе суффикс -ива- (ыва): «тук-тук — стукнуло сердце», «перескакивала — скок-скок». Все это говорит о большой изобразительной силе экспрессив-

ных сочетаний междометных глаголов повторяющейся формы с глаголами-сказуемыми того же корня.

2. В предложениях при глаголе-сказуемом употребляются междометные глаголы, являющиеся образованиями от синонимичных глаголов. При этом необходимо отметить синонимичность лексическую и синонимичность контекстуальную.

А. Примеры лексической синонимичности:

«Чик... чик... чик, — стучали за спиной часы.» (А. Чехов, Сочинения, т. 1, стр. 136). Ср. «часы **чикали»** и «часы **стучали»**.

Топ-топ! Топ-топ! Идут лесом солдаты, поднятые по тревоге...» (Э. Дубровина, Потерялась девочка, жур. «Работница», № 5, стр. 25). «Солдаты **топают** лесом» и «Солдаты **идут** лесом».

«В это время отец Иона Мурвряну вышел из своего дома во двор и вдруг видит: из копья **кап! кап! — падают** капли крови». (Молдавские сказки, стр. 179). «Капли **капают»** и «капли **падают»**.

«Я по-прежнему живу в нашем деревянном городе и тротуары здесь деревянные — ходишь и **стучишь: цок-цок-цок.** (Г. Езерская, Птицеград, стр. 37). «Ходишь и **стучишь»**, «ходишь и **цокаешь»**.

«И опять наш Тенька живет между рамами, а вечерами, когда мы его пускаем на пол, **хром-хром, ковыляет** по кухне. («Там же, стр. 31). «**Хромает** по кухне» и «**ковыляет** по кухне».

«И **пошли** они дальше вместе, **прыг-скок, прыг-скок.»** (Английские народные сказки, стр. 3). «Они **пошли** вместе» и «они **попрыгали** вместе». «**поскакали** вместе».

«А Крикса — **бряк-бряк—наговорит** с три короба, а что к чему — не поймешь». (Жур. «Мурзилка», № 12, 1966, стр. 14). «Крикса **наговорит** с три короба», «Крикса **брякнет** необдуманно».

Б. Примеры контекстуальной синонимики.

Сюда относятся такие примеры, в которых синонимичность междометного глагола и глагола-сказуемого появляется только в условиях данного предложения.

«Глядит: вдруг видит, линь, **виль-виль,** со дна **поднялся».** (Р. Д. Швец, Синтаксические функции глагольно-междометных форм, стр. 19);

«Пошел журавль — **тяп-тяп!** — семь верст болото месил.» (Русские народные сказки, М., 1963, стр. 57);

«Но она хитрая, как только сядет за руль — **щелк, щелк,**

щелк — запирает все дверцы, попробуй сунься.» (А. Васильев, Вопросов больше нет, Жур. «Москва», № 6, 1964, стр. 33);

«(Хромой жаворонок) **Ковыляет** к ним — **трюх-перетрюх** — и предстает перед святой Думинекой». (И. Крянгэ, Румынские сказки, стр. 68):

«На морозе клест весь день Клювом долбит шишки: у него зимой в гнезде Вывелись детишки! Клест **работает: тюк! тюк!..»** (Жур. «Мурзилка», № 2, 1967, стр. 15).

Глаголы «пойти и тяпать», «запирать и щелкать», «ковылять и трюхать», «работать и тюкать», «подняться и вилять» не являются синонимичными. В АС не указано, что глаголы «тягать-тяпнуть» могут употребляться в значении «пойти» (Т. 15, стр. 1283—84), глаголы «вилять-вильнуть» — в значении «подниматься-подняться» (Т. 2, стр. 372), глаголы «щелкать-щелкнуть» — в значении «закрывать-закрыть» (т. 17, стр. 1662—65), глаголы «тюкать-тюкнуть» — в значении «работать» (Т. 15, стр 1283—84), глагол «трюхать» — в значении «ковылять» (т. е. идти, прихрамывая) (Т. 15, стр. 1070—71).

Однако в условиях определенного контекста междометные глаголы могут выразить то же содержание, что и глаголы-сказуемые. Ср. «Линь **виль-виль** со дна реки» (т. е. поднялся), «журавль **тяп-тяп!** — семь верст болото месил» (т. е. пошел), «она **щелк-щелк-щелк** все дверцы. попробуй сунься» (т. е. закрыла, закрывает), «жаворонок **трюх-перетрюх** к ним» (т. е. идет, хромая), «клест весь день **тюк-тюк!»** (т. е. стучит, работает).

В примерах второй группы междометные глаголы повторяющейся формы также нельзя считать ни вторичными сказуемыми, ни обстоятельствами образа действия.

Вторичными сказуемыми они не являются, потому что не обозначают никакого иного побочного действия, кроме обозначенного глаголом-сказуемым. Данные глаголы также не соотносительны с деепричастиями. Ср. «Чикая (в смысле стуча), стучат часы», «топая (в смысле шагая), идут лесом солдаты», «капая (в смысле падая), падают капли крови», «вильнув (в смысле поднявшись), со дна поднялся», «хромая, ковыляет», «щелкая (в смысле закрывая), закрывает дверцы» и т. п.

Обстоятельствами образа действия глаголы повторяющейся формы не являются, об этом красноречиво свидетельствует пунктуация. Они отделяются от сказуемого тем или иным

знаком: двоеточием, тире, запятой, запятой и тире, многоточием и др. В этом случае их нельзя признать даже обособленными обстоятельствами образа действия.

Сочетания междометных глаголов повторяющейся формы с глаголами-сказуемыми невозможно объяснить и тем, что современному русскому языку свойственна сочетаемость глаголов со звукоподражаниями. Не отрицая наличия в русском языке подобных сочетаний, мы в то же время обращаем внимание и на такие сочетания, в которых компонент, связанный с глаголом-сказуемым, звуков не передает («хром-хром, ковыляет», «бряк-бряк, наговорила», «трюх-трюх, ковыляет», «пошли — прыг-скок» и т. п.

Междометные глаголы повторяющейся формы в примерах второй группы также представляют собой своеобразный морфолого-синтаксический компонент глагола-сказуемого, употребляющийся для той или иной качественной характеристики глагольного действия. Звукоподражательные междометные глаголы передают повторяющиеся звуки, которые сопровождают действие на всем его протяжении, а глаголы, не могущие передать звуков, изображают повторяемость актов действия глагола-сказуемого.

Сочетаниям междометных глаголов повторяющейся формы с синонимичными глаголами-сказуемыми также свойственна яркая экспрессия.

3. В предложениях третьей группы при глаголах-сказуемых употребляются такие междометные глаголы, которые по своему образованию и лексическому значению не являются ни однокоренными, ни синонимичными глаголам-сказуемым. Синонимичность не появляется даже в условиях контекста, поэтому данные междометные глаголы не могут выразить тот же предикат, если из предложения удалить настоящий глагол.

Примеры:

«**Шлеп, шлеп — разбивают** намокшую дорожку широкие, как разношенные башмаки, голые ступни...» (Жур. «Огонек», № 39, 1963, стр. 2);

«**Щелк, щелк. щелк** — громко **протыкала** игла туго натянутую на пяльцах ткань». (Харпер Ли, Убить пересмешника, перевод Н. Галь и Р. Облонской, Роман-газета № 4, 1964, стр. 61);

«По дороге — **стук да стук — едет** крашеный сундук» (С. Маршак, Сочинения. т. 1, стр. 135);

«Накинулся волк с жадностью на голубцы. **Чав-чав!** —

целиком **отправляет** их в глотку». (Молдавские сказки, стр. 18);

«Навалился волк на угощение, только и слышно, как он голубцы целиком **уписывает: чавк, чавк, чавк...»** (Ион Крянгэ, Румынские сказки, стр. 25).

О синонимичности лексических значений междометных глаголов и глаголов-сказуемых в этих примерах говорить нельзя. Ср. «шлепать и разбивать», — «щелкать и протыкать», «стучать и ехать», «чавкать и отправлять», «чавкать и уписывать». Возможность замены глаголов-сказуемых междометными глаголами совершенно исключается, так как смысл сказанного становится иным, или неупотребительным. («Голые ступни шлеп, шлеп (шлепают) намокшую дорожку»; «игла щелк, щелк, щелк (щелкает) туго натянутую ткань»; «волк чавк, чавк, чавк (чавкает, т. е. жует, но не уписывает, не проглатывает) голубцы»).

В примерах третьей группы наиболее рельефно обнаруживается функциональное сближение междометных глаголов, с одной стороны, со сказуемым, а, с другой стороны, с обстоятельством образа действия.

Во-первых, возможность сочинительной связи между глаголом-сказуемым и глаголом, от которого образован междометный глагол, как будто бы говорит о функции сказуемого. Ср. «Голые ступни **шлепают и разбивают** намокшую дорожку», «игла **щелкает и протыкает** ткань», «волк **чавкает и отправляет** голубцы в рот». «Отсюда: **«шлепая,** разбивают», **«щелкая,** протыкает», **«стуча,** едет», **«чавкая,** отправляет».

Во-вторых, возможность синонимической замены междометных глаголов именами существительными дает основание для признания за данными глаголами функции обстоятельства. Ср. «Голые ступни **со шлепаньем** разбивают намокшую дорожку», «волк **с чавканьем** отправляет голубцы в рот». То есть такой пример, как «Солдаты **с шумом, с бряком стали заряжать** ружья» (АС, т. 1, стр. 662), можно выразить поиному: **«Щелк-щелк! Бряк-бряк!** — заряжают ружья солдаты».

Однако междометные глаголы не служат ни сказуемыми, ни обстоятельствами образа действия. Они являются синтаксическим компонентом сказуемого, употребляющимся для обозначения звуков, сопровождающих то или иное глагольное действие. Данные сочетания употребляются для выражения экспрессии.

4. В предложениях четвертой группы междометные глаголы повторяющейся формы вступают в грамматическую связь не только с глаголами-сказуемыми, но и с качественными наречиями.

Примеры:

«Потихоньку пошел в кладовушку. — **Туп, туп, туп!** Притащил для Данилки оттуда подушку и овчинный тулуп...» (Д. Бедный, Сочинения, т. 4, М., 1954, стр. 354);

«Вдоль глухих осенних троп **ходят тихо: топ-топ-топ...»** (С. Маршак, Сочинения, т. 1, стр. 54);

А контролер шел по вагону с блестящими щипчиками и **весело щелкал** билеты, как орешки: **щелк, щелк, щелк».** (Журнал «Огонек», № 49, 1960, стр. 21—22);

«И стучат легко и скоро двадцать лапок: **тук-тук-тук!»** (Б. Шаховский, Жили звери за рекой, стр. 5).

Междометные глаголы в данных примерах постпозитивны по отношению к сочетаниям глаголов-сказуемых и наречий.

«Хлоп-тяп, хлоп-тяп — печально шагала Янка» (М. Дюричкова, Данка и Янка, стр. 38);

«Ножницы сами — **чик-чик — заработали быстро и споро».** (Р. Сеф. Золотая шашка, стр. 39);

«Ей навстречу — **тук-тук-тук — важно шествует** индюк». (М. Лашманов, Стихи, стр. 6).

В этих примерах междометные глаголы в препозиции по отношению к сочетаниям глаголов-сказуемых и наречий.

Выделенные нами сочетания свидетельствуют о том, что междометные глаголы находятся в грамматической связи не только с глаголами-сказуемыми (пошел — туп-туп-туп; ходят — топ-топ, топ; стучат — тук-тук-тук; хлоп-тяп, хлоп-тяп — шагала; чик-чик — заработали; тук-тук-тук — шествует), но и с качественными наречиями (потихоньку: туп, туп, туп; тихо: топ-топ-топ; весело: щелк, щелк, щелк; легко и скоро: тук-тук-тук; хлоп-тяп, хлоп-тяп — печально; чик-чик — быстро и споро; тук-тук-тук — важно).

Лексико-грамматическая связь междометных глаголов с наречиями и глаголами-сказуемыми оказывает большое влияние на экспрессию этих сочетаний. В данном случае качественные наречия определяют соответствующее произношение междометных глаголов, благодаря чему слушающий воспринимает то быстрые звуки (чик-чик — заработали быстро и споро ножницы), то тихие звуки (ходят тихо: топ-топ-топ), то неторопливые и размеренные (тук-тук-тук — важно шеству-

ет индюк), то громкие и настойчивые (постучал громко и решительно: тук-тук-тук, тук-тук-тук), то грустные и печальные (хлоп-тяп, хлоп-тяп — печально шагала Янка), то веселые и оживленные (весело щелкал: щелк, щелк, щелк) и т. п.

В примерах четвертой группы употребляются, как правило, звукоподражательные междометные глаголы. При сочетании с глаголом-сказуемым они обозначают звуки, которые сопровождают глагольное действие на всем его протяжении.

Междометные глаголы повторяющейся формы в предложениях четвертой группы образуются либо от глаголов, синонимичных глаголу-сказуемому, либо от глаголов того же корня. В связи с этим они могут выразить предикат самостоятельно, но ввиду двусторонней связи с двумя членами предложения такая замена является нецелесообразной. Ср. «Янка печально: хлоп-тяп, хлоп-тяп». «Потихоньку туп, туп, туп в кладовушку».

Отмечая двустороннюю грамматическую связь междометных глаголов с наречиями-обстоятельствами и глаголами-сказуемыми, мы считаем их особым синтаксическим компонентом последних, употребляющимся для выражения экспрессии.

От примеров четвертой группы необходимо отличать такие примеры, в которых междометные глаголы употребляются, по нашему мнению, в функции уточняющих обстоятельств. Вступая в тесную грамматическую связь с наречиями «так», «быстро» и др. либо с тем или иным качественным прилагательным, междометные глаголы не имеют прямой грамматической связи с глаголом-сказуемым, поэтому их нельзя считать особым синтаксическим компонентом последнего. Примеры:

«Тогда один в классе делает мне знак руками: **прыг, прыг, вот так»** (В. Санин, Кому улыбается океан, жур. «Октябрь», № 7, 1966, стр. 130);

— На всякий случай, когда кофе будет готов, я постучу. Три раза. **Вот так. Тук, тук, тук-тук. Тук, тук, тук-тук...»** (А. Адамов, Личный досмотр, стр. 25);

«Так, хрюк да нюх, по свиньячему обычаю, всю дорогу (поросенок — А. Б.) за ним и шел».

«Быстро-быстро, словно куда-то торопясь — **тик-так, тик-так,** — уносили в небытие секунды часы на книжной полке». (И. Шамякин, Сердце на ладони, жур. «Роман-газета», № 11, 1964, стр. 34);

«В тот же вечер Розмари услышала **тихий стук** в дверь —

тук-тук-тук и чей-то голос»... (Английские сказки, стр. 106).

В этих примерах могут употребляться и звукоподражательные глаголы (тук-тук-тук, тик-так, хрюк) и глаголы, не могущие передавать звуков (прыг-прыг, нюх).

Также в функции обстоятельства образа действия употребляется междометный глагол «тяп-ляп», если он соединяется с глаголом или кратким страдательным причастием. Глагол «тяп-ляп» в этом случае теряет глагольные качества. Не обозначая ни звуков, ни повторяемости актов действия, форма «тяп-ляп» употребляется в функции наречия «кое-как», «как-нибудь». Примеры:

«...Господь мужчину **выстругал тяп-ляп,** он создал схему, а не человека». (Р. Казакова, Пятницы, стр. 82);

«И еще хочется почувствовать, что каждую котлету **готовят не тяп-ляп,** а с душой...» (Жур. «Работница», № 9, 1966, стр. 14);

«Это **написано не тяп-ляп,** не для зачета. Прежде чем браться за перо, размышляли». (Газета «Известия» за 22/III-1966).

От примеров всех четырех групп, в которых междометные глаголы повторяющейся формы употребляются в качестве особого синтаксического компонента глагола-сказуемого, необходимо отличать те примеры, в которых междометные глаголы употребляются в функции сказуемого.

Среди таких примеров выделяются, прежде всего, те, в которых глагол-сказуемое опускается, а его синтаксический компонент (т. е. междометный глагол повторяющейся формы) принимает на себя функции сказуемого.

Нетрудно установить, что функции сказуемого может принять только тот междометный глагол, который является по образованию либо однокоренным, либо синонимичным по значению опущенному глаголу-сказуемому. Следовательно, любой пример из первой и второй групп возможно употребить без настоящего глагола. Ср. «Сидит ворона на березе и **хлопает** носом по сучку: **хлоп-хлоп».** (АС, т. 17, стр. 199). И «Сидит ворона на березе и носом по сучку: **хлоп-хлоп».**

Примеры:

«Вдруг слышит она, кто-то по лесу: **топ-топ, топ-топ!»** (Жур. «Огонек», № 5, 1963, стр. 17);

«Села пташка божия на воеводском заборе: **тилик, тилик, тилик...»** (В. Короленко, Стой, солнце, и не движись, луна. В сб. «Русская сатира XIX начала XX веков», стр. 387);

«...Из-под рук вскочил барсук, и по травке—**хруст! хруст!»** (Жур. «Мурзилка», № 2, 1967, стр. 15);

«Никто не отозвался. Но хруст прекратился. Тихо. И вдруг опят: **хруст-хруст-хруст...»** (Жур. «Работница», № 5, 1965, стр. 25).

Наличие двоеточия или тире перед междометным глаголом свидетельствует, во-первых, о пропуске глагола-сказуемого, во-вторых, о принятии функции сказуемого междометным глаголом.

Предложения, в которых междометные глаголы повторяющейся формы находятся в двусторонней грамматической связи с наречиями-обстоятельствами и глаголами-сказуемыми, почти невозможно употребить без настоящего глагола. То есть пример «Хлоп-тяп, хлоп-тяп — печально шагала Янка» не допускает удаления глагола-сказуемого. («Хлоп-тяп, хлоп-тяп печально Янка»). Во всяком случае подобные примеры очень редки: «Снова хлопнула дверь. Владимир Николаевич щелкнул замком, а у меня **сердце: тук-тук, тук-тук,— часто-часто,** того и гляди выскочит...» (А. Васильев, Вопросов больше нет, жур. «Москва», № 6, 1964, стр. 29).

В функции сказуемого употребляются междометные глаголы повторяющейся формы и в таких примерах, когда они обозначают действие, результат которого выражается в последующем глаголе.

Примеры:

«Тата **топ-топ** и **упала**. Тома **топ-топ** и **упала»** (Н. Кузьмина и В. Рождественская, Воспитание речи у неговорящих детей — алаликов, стр. 28);

«Вдруг он увидел в корзинке со стружками куриное яйцо. Схватил его, поставил на подоконник и носом — **тюк-тюк** — **разбил** скорлупу». (А. Толстой, Сочинения, т. 8, стр. 188);

«— Не убьюсь, — ответил Незнайка и тут же наехал на собачью будку, которая стояла посреди двора.

«Трах-трах! Будка **рассыпалась** в щепки». (Н. Носов, Приключения Незнайки, стр. 22);

«Я на крышу заберусь, до упаду напляшусь, **прыг да скок, прыг да скок — и сломаю** твой домок!» (Итальянские сказки в переводе ряда авторов, стр. 119).

Ю. И. ЩЕРБАКОВ

УПОТРЕБЛЕНИЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В КОЛИЧЕСТВЕННО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос об употреблении собирательных числительных в современном русском языке, об особенностях их сочетаемости с другими словами мало разработан в лингвистической литературе. До настоящего времени нет ни одного исследования, посвященного специально собирательным числительным. Все, что о них написано, встречается лишь в работах, посвященных числительным вообще, или же в различных учебниках и учебных пособиях. При этом авторами повторяются положения вековой и более давности, переходящие из учебника в учебник, из издания в издание.

Не описаны все случаи употребления собирательных числительных, не отражены те реальные изменения в языке, которые произошли за последние несколько десятилетий.

Данная работа имеет своей целью установить как можно точнее случаи употребления собирательных числительных в составе количественно-именных сочетаний. Вопрос о сочетаемости с другими словами субстантивированных собирательных числительных в данной работе не затрагивается.

К настоящему времени различными авторами отмечены лишь следующие случаи употребления собирательных числительных в количественно-именных сочетаниях:

1. С именами существительными, обозначающими лиц мужского пола: двое студентов, трое мужчин.

2. С существительными «дети», «люди», «ребята»: двое людей, трое детей, четверо ребят.

3. С названиями детенышей животных (в разговорной речи): трое волчат, семеро козлят.

4. С существительными pluralia tantum: двое суток, трое ворот, четверо саней.

5. При личных местоимениях: для нас четверых, им двоим.

6. С субстантивированными прилагательными: двое русских, четверо военных.

Кроме этого, всеми авторами отмечается невозможность (или неправильность) сочетаний собирательных числительных с одушевленными существительными женского рода и названиями лиц женского пола, а также с существительными мужского рода, обозначающими лиц высокого звания.

Во всех учебниках и учебных пособиях приведенные выше случаи употребления собирательных числительных затрагиваются лишь поверхностно, без анализа достаточно большого материала и без детализации отдельных случаев употребления. Лишь А. Е. Супрун[1], посвятивший русским и славянским числительным около двух десятков работ, попытался детализировать случаи употребления собирательных числительных с существительными, обозначающими лиц мужского пола.

Однако случаи употребления собирательных числительных в современном русском языке значительно многочисленнее и разнообразнее, чем приведенные выше.

1. Всеми авторами называются, в первую очередь, случаи употребления собирательных числительных с именами существительными, обозначающими лиц мужского пола. При этом отмечается, что сочетания с собирательными числительными параллельны сочетаниям с количественными числительными. Одинаково правомерно употребление сочетаний **двое студентов** и **два студента; трое мальчиков** и **три мальчика; четверо летчиков** и **четыре летчика**. Однако это не всегда так. С некоторыми существительными, обозначающими лиц мужского пола, употребление собирательных числительных является предпочтительным.

а) С существительными мужского рода на -а, -я (мужчина, судья, парнишка и т. д.):

...На него... наступало **трое мужчин** в грубых одеждах (А. Фадеев, Последний из Удэге).

...В изразцовой печке пылали ярким, но ненадежным пла-

---

[1] А. Е. Супрун, С какими существительными, обозначающими лиц мужского пола, употребляются собирательные числительные? (По анкетно-экспериментальным данным). VIII научная конференция, секция русской филологии, Фрунзе, 1959 г.; Имя числительное и его изучение в школе, Учпедгиз, 1964.

менем старые картонки, а сидевшие у огня **четверо мужчин** спорили. (А. Крон, Дом и корабль).

В пять часов вечера я застала Распутина в окружении **четверых мужчин** и одной дамы. (В. А. Жуковская, Перед катастрофой).

В тесном кабинете возле стола сидели **пятеро мужчин** в штатской одежде. (В. Ардаматский, «Сатурн» почти не виден).

Сидят по одну сторону кабинета **четверо мужчин**. (Г. Николаева, Повесть о директоре МТС и главном агрономе).

Но Вайс заметил, что при этом его заявлении все **трое «судей»** украдкой переглянулись. (В. Кожевников, Щит и меч).

В «святая святых» допущены лишь самые необходимые люди: **двое судей**, два секунданта и демонстратор... (А. Котов, Шахматы в шутку и всерьез).

Зубов решил последовать за ней, и тут на него набросились **двое юношей**, а девушка пыталась его задушить. (В. Кожевников, Щит и меч).

— А в одном селе нынче летом исчезли вдруг **двое парнишек**, — продолжал Смирнов. (А. Иванов, Тени исчезают в полдень).

Двое слуг следовали за ним с подобострастием. (М. Ю. Лермонтов, Вадим).

(Ср. у И. А. Крылова: **три** взрослых **юноши** соседних рассуждали. Здесь замена собирательного числительного количественным вызвана явно ритмическими задачами стиха, так же, как и необычный разрыв двух согласованных определений).

б) С существительными общего рода на -а, -я (сирота, разиня и т. п.):

Здесь, вероятно, кроме опасения конкуренции, примешивается более острое и тонкое чувство, — нечто вроде взаимного стыда, нечто вроде того, что испытывают друг к другу двое профессиональных жрецов **или двое заик**, в присутствии посторонних глаз. (А. Куприн, Ханжушка).

в) С существительными, называющими лиц по национальности:

Двое рабочих-мингрелов угрюмо посмотрели на Габунию и отвернулись. (К. Паустовский, Колхида).

У стены слева стояло **двое китайцев.** (А. Фадеев, Последний из Удэге).

Двое немцев пробежали мимо него. (А. Фадеев, Молодая гвардия).

Трое латышей — портовых рабочих, увидев свободные места, подсели к Вайсу. (В. Кожевников, Щит и меч).

Рамамурти стал прощаться, поднялись и **трое итальянцев,** предложивших довезти индийских друзей. (И. Ефремов, Лезвие бритвы).

В Момской тайной щели **шестеро якутов** повенчали душу со смертью, провожая Аникея Тарутина, ради спасения русских жильцов триста лет назад. (Ф. Пудалов, Лоцман кембрийского моря).

Около Домброва на телеге ехали **трое евреев** с женами и детьми. (З. Ненацкий, Операция «Хрустальное зеркало»).

И опять **трое индийцев,** сидевших группой с левого края дивана, переглянулись после перевода профессора. (И. Ефремов, Лезвие бритвы).

Но вот однажды вечером в дом Люцио Круза постучали **двое индейцев.** (Журнал «Вокруг света», № 1, 1966 г.).

г) С именами собственными:

Трое Пестовых значится в синодике Ивана Васильевича Грозного. (И. А. Тургенев, Дворянское гнездо).

На следующее утро **двое Куприяновых** выехали из села Медведева. (В. Шишков, Угрюм река).

Трое братьев Шумилиных прибежали из дома. (М. А. Шолохов, Тихий Дон).

Мы, **шестеро Джеретти,** сидели, дожидаясь своей очереди. (А. Куприн, Ольга Сур).

Всеволод немедленно выступил в поход, и когда приближался к Коломне, то **двое Глебовичей** встретили его с поклоном. (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен).

Я считаю, что **пятеро Травиных** спасуют перед пятеркой «великанов». (А. Пинчук, Каким ты будешь, баскетбол?).

Попробуем и мы проследить тропинки, которые привели **троих Степановых** к нелестной славе. («Неделя», № 39, 20—26 сентября 1964 г.).

Все перечисленные категории существительных употребляются в количественно-именных сочетаниях, как правило, не с количественными, а с собирательными числительными.

II. Далее следует объединить в одну группу существительные, у которых формы единственного и множественного числа являются супплетивными или же имеют различие в основах: ребенок—дети, человек—люди, сын—сыновья, медвежонок—медвежата, татарин—татары, крестьянин—крестьяне и т. д. Делить их на какие-то отдельные группы, как это де-

лают все авторы, нет никаких оснований, т. к. употребление собирательных числительных двое, трое, четверо в количественно-именных сочетаниях с этими существительными вызвано одной и той же грамматической необходимостью. Характер управления существительными у числительных количественных от «двух» до «четырех» и у собирательных «двое», «трое», «четверо» различен: количественные числительные «два», «три», «четыре» управляют родительным падежом **единственного** числа, а собирательные «двое», «трое», «четверо»—родительным падежом **множественного** числа. Поэтому употребление собирательных числительных с существительными, у которых не совпадают основы единственного и множественного числа, зависит от выбора говорящим той или иной формы существительного. (Это относится только к числительным от двух до четырех). Действительно, если мы взяли слово «сыновья», то невозможно его употребить с числительными «два», «три», «четыре»: два сыновей, четыре сыновей. Мы вынуждены говорить либо **двое сыновей,** либо **два сына**. То же самое и с другими существительными этой группы: **двое детей** или **два ребенка, двое ребятишек** или **два ребенка, двое людей** или **два человека, двое крестьян** или **два крестьянина, двое девчат** или **две девушки, трое козлят** или **три козленка** и т. д. Начиная с «пяти» характер управления существительными и для количественных и для собирательных числительных одинаков: они требуют постановки существительного в родительном падеже множественного числа: **пять** детей и **пятеро** детей, **семь** козлят и **семеро** козлят, **шесть** крестьян и **шестеро** крестьян. Казалось бы, в количественно-именных сочетаниях с подобными существительными должны употребляться преимущественно количественные числительные (начиная с пяти и далее до десяти). Однако такие сочетания испытывают на себе влияние сочетаний с двое, трое, четверо и под этим влиянием получают свое развитие. Вероятно, большое значение в выборе собирательного числительного имеют приобретенные в детстве навыки употребления с существительными дети, люди, ребята, девчата и т. п. только собирательных числительных. Ведь в тот период, когда у ребенка закладывается фундамент речевых навыков, он может оперировать лишь числительными один, два (двое), три (трое), значительно реже четыре (четверо), а с пяти и дальше для ребенка — просто **много.**

Овладение счетом происходит у детей значительно позже

овладения речью, поэтому навык употребления с определенными существительными только собирательных числительных бессознательно переносятся на такие сочетания, где характер управления позволяет употреблять числительные количественные. Кроме этого, предпочтение собирательных числительных количественным в подобных сочетаниях вызвано влиянием форм винительного падежа. У количественных числительных от пяти до десяти винительный падеж совпадает с именительным, а у собирательных — не совпадает.

Естественное (хотя и не всегда осознанное) стремление отличить в речи второстепенный член от главного, т. е. избрать для второстепенного члена форму, не совпадающую с формой именительного падежа, вынуждает употреблять количественно-именное сочетание в винительном падеже не с количественным, а с собирательным числительным, т. е. вижу не пять ребят, а пятерых ребят; родила не восемь детей, а восьмерых детей, и т. д.

Был он женат на бывшей усть-медведицкой монашке, наплодил с ней за пятнадцать лет супружеской жизни **восьмерых детей** и большую часть времени проводил дома. (М. А. Шолохов, Тихий Дон).

Прихватив своих рабочих и **пятерых ребят** комсомольцев, Валько... направился к самой переправе... (А. Фадеев, Молодая гвардия).

У поскотины он встретил дозорную смену — **пятерых ребят** из взвода Дубова. (А. Фадеев, Разгром).

С одной из партий ушел и Яков Бутов, оставив на руднике жену, **шестерых детей** и так и не повидав девочки, родившейся в первый день стачки. (А. Фадеев, Последний из Удэге).

Между тем помрачневший инспектор пожарной охраны спустился задом по чердачной лестнице и, снова очутившись на кухне, увидел **пятерых граждан,** которые прямо руками выкапывали из бочки кислую капусту и обжирались ею. (И. Ильф и Е. Петров, 12 стульев).

III. Единственными неодушевленными существительными, с которыми сочетаются собирательные числительные, являются pluralia tantum. Сама грамматическая природа этих существительных, которые не могут иметь форм единственного числа, исключает употребление с ними количественных числительных от двух до четырех, управляющих в именительно-винительном падеже существительными в родительном падеже **единственного** числа. Правда, в косвенных падежах, а на-

чиная с пяти и в именительно-винительном с такими существительными более употребительны не собирательные, а количественные числительные. Однако и здесь мы нередко наблюдаем сочетания типа девятеро суток, семеро ворот и т. п. Причина, очевидно, та же, что и в предыдущем случае, — влияние сочетаний с двое, трое, четверо. Причем количественно-именные сочетания с pluralia tantum как бы «раздираются» в противоположные стороны: с одной стороны, на них оказывают влияние указанные собирательные числительные, а с другой, — количественные от одиннадцати и далее, где собирательные отсутствуют.

В подавляющем большинстве в количественно-именных сочетаниях употребляются существительные pluralia tantum, обозначающие предметы, поддающиеся счету. Очень широко распространены такие сочетания с существительным СУТКИ.

Галопом промчались **трое саней** с пулеметами. (М. Шолохов, Тихий Дон).

К вечеру выехали еще **двое роспусков** на лучших крестьянских лошадях. (С. Аксаков, Семейная хроника).

И одеться ему было не во что: один вицмундир и **двое брюк**. (И. Гончаров, Обрыв).

...на ней порядком разложены седло..., две шинели, **двое шаровар**... (М. Шолохов, Тихий Дон).

У меня только **двое панталон**... (И. Гончаров, Обрыв).

Семеро ворот, а все в огород. (Поговорка).

Через **пятеро суток** Баймаков лег в постель... (М. Горький, Дело Артамоновых).

Возле княгининой спальни **девятеро суток** высидел, все наблюдал, чтоб кто не испугал ее. (А. Печерский, Старые годы).

И не то что **трое суток,** и **десятеро суток** подождете! (Л. Толстой, Севастополь в августе 1955 года).

Довольно широко употребляются с собирательными числительными существительные, обозначающие парные предметы (двое перчаток, трое чулок), хотя в последние годы наблюдается тенденция заменять такие сочетания сочетаниями «три пары чулок», «две пары сапог». Это происходит, вероятно, под влиянием косвенных падежей, где употребление количественных числительных всегда было предпочтительным.

Сюда же относится и употребление собирательных числительных с названиями парных органов человека: присматривать в **двое глаз,** у меня **не трое рук** и т. п.

На кухне стряпали в **трое рук,** как будто на десятерых. (И. Гончаров, Обыкновенная история).

Ср. неправильно употребленное Э. Багрицким и использованное Академической грамматикой как пример номинативного предложения: Двенадцатый час — осторожное время. Три пограничника! Ветер и темень. Три пограничника, **шестеро глаз, шестеро глаз** да моторный баркас. (Э. Багрицкий, Контрабандисты).

В стилистических целях могут использоваться с собирательными числительными и такие существительные pluralia tantum, которые, будучи абстрактными, обычно с числительными вообще не могут употребляться:

Это была зала с колоннами, в два света, но до того с затянутыми пылью и плесенью окнами, что в ней было, вместо двух светов, **двое сумерек**. (И. Гончаров, Обрыв).

IV. Широко употребимы сочетания собирательных числительных с субстантивированными прилагательными. А. Н. Гвоздев отмечает, что «они **обязательны** (подчеркнуто нами — Ю. Щ.) в сочетании с субстантивированными прилагательными: двое русских, четверо военных».[1] Однако утверждение А. Н. Гвоздева об **обязательности** собирательного числительного при субстантивированном прилагательном является неверным. Здесь все дело в том, какова степень субстантивации прилагательного. Если субстантивация оказиональная, то при таком прилагательном собирательное числительное обязательно:

Двое старших почтительно вывели его под руки. (А. С. Пушкин, История села Горюхина).

За ним — **двое пожилых...** (А. Фадеев, Последний из Удэге).

— ...Теперь нас здесь уже **двое советских,** значит, сила. (В. Кожевников, Щит и меч).

Двое живых — Гулия и Артем Коркия — привязали к ветхим террасам домов черные тряпки в знак траура и ушли в Поти. (К. Паустовский, Колхида).

— Вот эти **двое белых** — русские. (Газета «Правда» от 8 января 1966 г).

Когда же субстантивация прилагательного окончательная или привычная, то такое прилагательное может входить в ко-

---

[1] А. Н. Гвоздев, Современный русский язык, часть I, Учпедгиз, 1958, стр. 253.

личественно-именное сочетание как с собирательным, так и с количественным числительным.

Впереди идут **два городовых** с озабоченными лицами. (А. П. Чехов, Оратор).

Сонные юнкера разбежались в нижнем белье, а командира взвода и двух отделенных Никита захватил в собственном амбаре с женой. (А. Фадеев, Последний из Удэге).

Особенно убедительны примеры, взятые из одного и того же произведения:

Часам к шести вечера от Ильина прибыло **двое** запыхавшихся **связных**... (А. Фадеев, Последний из Удэге).

Петр, сопровождаемый помощником командира и **двумя** пешими **связными**, вышел из-за хаты... (Там же).

...Рядом с ним шагали **двое сотских,** мерно ударяя о землю палками... (М. Горький, «Мать»).

Сидя на ней с **двумя сотскими** по бокам, Рыбин глухо кричал. (Там же).

Отсюда видно, что при субстантивированных прилагательных могут употребляться не только собирательные, но и количественные числительные.

V. Обязательными являются собирательные числительные в количественно-именных сочетаниях с субстантивированными причастиями. Такие сочетания развились в современном русском языке сравнительно недавно. В языке писателей XVIII—XIX в.в. нам подобные сочетания не встречались. В настоящее время они получили широкое распространение. Этому развитию количественно-именных сочетаний с субстантивированными причастиями очевидно должно было предшествовать распространение субстантивации причастий. Лишь тогда, когда субстантивация причастий стала явлением привычным, стали возможны и количественно-именные сочетания с этими причастиями.

Собирательные числительные употребляются как с действительными, так и страдательными причастиями настоящего и прошедшего времени.

Алик совсем пал духом, и было отчего. Специальный самолет. **Двое сопровождающих.** (О. Шмелев, В. Востоков, Последняя ошибка резидента).

Трое вошедших были различны, вошли и сели по-разному. (Г. Николаева, Битва в пути).

Когда Сима с мужем скрылись в воротах, **пятеро уезжав-**

ших стояли лицом к ним, махая на прощание. (И. Ефремов, Лезвие бритвы).

Первые **трое обвиняемых** действительно виноваты. (А. Толстой, Сестры).

Шестеро обвиняемых приговорены к пожизненному заключению. (Газета «Комсомольская правда» от 25 августа 1965 г.).

На графике внизу изображено, как воспроизводили полученный материал **четверо испытуемых** в зависимости от количества гипнопедических сеансов. (Журнал «Наука и жизнь», № 4, 1964 г.).

Под стройной елочкой прижались друг к другу **двое влюбленных.** (А. Куприн, Жизнь).

Потери другой стороны составляли **трое убитых...** (З. Ненацкий, Операция «Хрустальное зеркало»).

Трое взволнованных вошли в кабинет... (Газета «Советская Россия» от 28 июня 1965 г.).

VI. Еще моложе по своему происхождению количественно-именные сочетания, состоящие из собирательного числительного и субстантивированного причастного оборота.

Двое оставшихся в живых отступали с боями по линии железной дороги почти до станции Верхнедуванной. (А. Фадеев, Молодая гвардия).

Наутро в расположение роты **из четверых ушедших в разведку** возвратились трое, в которых трудно было узнать Сергованцева, Исаева и Кузнецова. (Газета «Советская Россия» от 28 марта 1965 г.).

Такие сочетания следует отличать от очень похожих на них конструкций, где причастные обороты выступают в роли определения при субстантивированном собирательном числительном: Вошли **двое, с ног до головы покрытые жирной бронзовой мазью; Двое, высадившиеся на берегу,** были похожи друг на друга.

В именительном падеже различие между такими конструкциями установить нетрудно: субстантивированный причастный оборот управляется собирательным числительным, т. е. причастие стоит в родительном падеже; а определительный причастный оборот при субстантивированном числительном согласуется с этим последним, т. е. ставится в именительном падеже. (Ср.: **двое оставшихся в живых** и **двое, высадившиеся на берегу).** В косвенных падежах у количественно-именных сочетаний субстантивная часть уже не управляется числи-

тельным, а согласуется с ним. Различие здесь может быть передано только интонационно, (разные логические ударения, наличие или отсутствие пауз и т. д.), а на письме — запятыми.

Сравнительная молодость подобных конструкций подтверждается тем, что в именительном падеже их нередко смешивают: интонационное оформление идет как у определительных причастных оборотов, а грамматическая связь с числительным — как у субстантивированных причастных оборотов. Отсюда такие неверные выражения:

А по сторонам стояло **семеро, вооруженных карабином Холявы и револьверами Корчагина, Панкратова, Дубавы и Хомутова**. (Н. Островский, Как закалялась сталь).

...Только в прошлом году каждый пятый гражданин нашей страны побывал на цирковом спектакле, а **четверо, не доставших билеты,** могли видеть его по телевидению. (Газета «Правда» от 26 марта 1966 года).

VII. Иногда собирательные числительные в количественно-именных сочетаниях соединяются с субстантивированными местоименными прилагательными, преимущественно притяжательными: **двое наших, трое своих** и т. д.

Я отобрал сегодня одиннадцать человек, а Мюллер **троих моих** перепроверил и всех их забраковал. (В. Ардаматский, «Сатурн» почти не виден).

Двоих они завели **своих,** да у него от старой штук четверо, да она своего привела — от того самого. (А. Фадеев, Последний из Удэге).

Но и в подобных случаях нелегко определить, то ли мы имеем дело с субстантивированным местоимением, то ли с пропуском существительного.

Особое место занимают сочетания с личными местоимениями: мы двое, вам троим, для них четвертых и т. п. От количественно-именных они отличаются тем, что собирательное числительное всегда постпозитивно, а связь во всех падежах, включая именительный, — согласование.

VIII. Субстантивированные порядковые числительные также могут употребляться в количественно-именных сочетаниях с собирательными числительными:

XXV чемпионат страны был одновременно зональным турниром Международной шахматной федерации — **четверо первых** получали право продолжать борьбу за первенство мира. (Вик. Васильев, Седьмая вуаль).

Двое первых закончили свои дни в качестве владельцев

видных торговых филателистических фирм... (Б. К. Стальбаум, Тематическая коллекция).

Преимущественное употребление собирательных числительных с субстантивированными прилагательными, причастиями, причастными оборотами, порядковыми числительными объясняется, по-видимому, тем, что собирательные числительные, в отличие от количественных, субстанциональны, в них уже содержится указание на лицо. Если после обычных прилагательных, причастий и т. д., как правило, должно следовать существительное, к которому они относятся, то собирательное числительное перед субстантивированными прилагательными и т. д. как бы предупреждает, что следующее за ним слово и есть «существительное», т. е. выполняет в предложении роль существительного, являясь обозначением лица.

IX. В последние годы стали очень широко употребляться сочетания собирательных числительных с названиями лиц, занимающих высокое положение, хотя это и противоречит вековой грамматической традиции:

Кроме командира «Онеги» Ходунова, в салоне находились еще **трое командиров** подводных лодок: Лямин, Ратнер и Малинин. (А. Крон, Дом и корабль).

Из темноты вышло **трое командиров.** (К. Симонов, Дни и ночи).

Не теряя времени, Телюков попросил разрешения войти, а войдя, некоторое время стоял молча под взглядами **троих начальников.** (И. Гребенюк, На далеких рубежах).

Двое немецких **офицеров** в одинаковых серых мундирах... смотрели на Олега без любопытства. (А. Фадеев, Молодая гвардия).

Мимо него вдоль цепи прошли **двое офицеров...** (М. Шолохов, Тихий Дон).

Некоторые ученые отмечают неупотребительность собирательных числительных с существительными, обозначающими профессии, звания, степени и т. п. Однако и здесь мы встречаем подобные сочетания, которые в последние годы очень широко распространились:

«**Двоих врачей** гестаповцы забрали за то, что отказались меня резать... (В. Кожевников, Щит и меч).

В прошлом году **четверо** немецких **палеонтологов** прибыли в Демократическую Республику Вьетнам. (Журнал «Вокруг света», № 4, 1965 г.).

До вечера все **пятеро исследователей** ходили по этому длиннейшему обрыву... (И. Ефремов, Дорога ветров).

Теперь к этой плеяде нобелевских лауреатов прибавилось еще **двое** советских **ученых** («Неделя», № 50, 1964 г.).

Звание **заслуженного тренера СССР** присвоено **шестерым**. (Газета «Советский спорт» от 30 декабря 1965 г.).

...**Четверо** получили право на звание **доктора технических наук**. («Неделя», № 13, 1964 г.).

— Я видел **генералов,** они сидели за отдельным столиком, **трое или четверо.** (В. Ардаматский, «Сатурн» почти не виден).

Правда, в последних трех примерах мы не имеем прямого сочетания числительного с существительным, однако сам факт употребления собирательных, а не количественных числительных только подтверждает тенденцию, развившуюся в последнее время.

Х. Начав употребляться с конца XIX века, к настоящему времени получили широкое распространение сочетания собирательных числительных с существительными женского рода, обозначающими лиц женского пола, хотя на протяжении двух сотен лет на такие сочетания накладывается запрет всеми учебниками и учебными пособиями.

Если учесть, что «в оборотах двое мужчин (но: **две женщины**), **трое крестьян** (но: **три крестьянки**) и т. д. пережиточно отражается та стадия в развитии языка, когда категория одушевленности еще не сложилась, а категория лица охватывала названия лиц только мужского пола»,[1] то станет ясным, что грамматических условий, создающих невозможность сочетаний типа «трое женщин», в современном русском языке не существует. Более того, еще в начале прошлого века собирательные числительные в субстантивированном значении не могли употребляться для обозначения группы лиц, в числе которых находились лица женского пола. Так, у В. Даля встречаем такое выражение: «Я думал, идут двое, ан мужик с бабой».[2]

В настоящее время считается установившейся нормой такое употребление собирательных числительных для обозначения лиц любого пола:

В перевязочной, кроме Холщевникова, находились еще **двое — мужчина и женщина.** (А. Крон, Дом и корабль).

---

[1] В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, 1947, стр. 310.

[2] В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, СПБ-М., 1880 г., т. I, стр. 417.

Возле уютного палисадника стояли **двое** — высокий **парень** в длинном пальто и **девушка** в шубе. (В. Баныкин, Андрей Снежков учится жить).

Когда стемнело, снова подошли **двое** — **Варя и еще кто-то.** (А. Фадеев, Разгром).

Шли **двое: мужчина и женщина.** (К. Паустовский, Повесть о лесах).

Все эти примеры вполне отвечают нормативным требованиям современного русского языка, а сто лет назад они были бы образцом вопиющей безграмотности.

Современный русский язык в своем развитии давно ушел вперед, а наши учебники рассматривают сочетание типа «трое женщин» с позиций двухсотлетней давности. Эти сочетания не только утвердились в разговорной речи, но и широко проникли в язык художественной литературы и газет. Вот некоторые из имеющихся у нас примеров.

На днях жандармской полицией на финляндской границе задержано **трое женщин**... («Новое время», № 11659 от 27 августа 1908 г.).

— У меня жена, **двое девочек.** (А. П. Чехов, Три сестры).

Семья Зиненок состояла из отца, матери и **пятерых дочерей.** (А. Куприн, Молох).

Шестеро благочестивейших **католичек** влезло на борт парохода «Эспань» (В. Маяковский, 6 монахинь).

Двое-трое дивчат были ничего, а остальные дрянь... (А. Фадеев, Молодая гвардия).

Он был прав, конечно, относительно **шестерых девочек.** (К. Паустовский, Толпа на набережной).

Трое девок и все — красавицы! (Дм. Кедрин, Как мужик обиделся).

— Вот ты все упрекаешь: «**Трое женщин** в доме». (Г. Николаева, Битва в пути).

К обеду вернулась операционная сестра, на следующее утро еще **четверо сестер** и несколько санитарок. (И. Можейко, Королева кобр).

Впрочем, может, ей просто не оставалось времени в неизбывных заботах о **шестерых сестрах** перекинуться словом с подругами, задержаться на посиделках. (Н. Родичев, Протас Чухнин).

В 1938 г. **трое** отважных советских **летчиц...** совершили на этом легендарном самолете героический беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток. (Газета «Красная Звезда» от 13 июля 1965 г.).

Четверо из многих — многих советских **женщин,** о которых идет добрая слава тружениц (Газета «Правда» от 8 марта 1966 г.).

XI. В настоящее время получила дальнейшее развитие еще одна тенденция в употреблении собирательных числительных: они начинают образовывать сочетания с любыми одушевленными существительными всех трех родов. Здесь, вероятно, сказалось влияние развившейся в русском языке категории одушевленности, а также сочетаний с названиями детенышей животных и, кроме того, сочетаний типа «четверка лошадей», «тройка лошадей», где количественные существительные образованы от собирательных числительных и созвучны с ними. Употребление собирательных числительных с названиями взрослых животных в «народной речи» было отмечено еще Ф. И. Буслаевым[1] и Е. Ф. Будде.[2] В последнее время они все шире стали проникать на страницы газет, журналов и произведений художественной литературы:

Трое коней — двое гнедых и серый — выволокли, наконец, коляску на остров. (К. Паустовский, Далекие годы).

Но уже не тройка, а только **двое** рыжих **коней** мчали эту телегу. (Югов, Ратоборцы).

Все **семеро** только что приехавших **псов** вышли из нее и, повинуясь инстинкту, сбились в кучу. (А. Куприн, Собачье счастье).

Двое лосей появились на Дону в прошлом году. (Советская Россия, 27 июня 1965 г.).

Четверо ластоногих пассажиров (тюленей — Ю. Щ.) были доставлены на берег Черного моря в только что построенный аквариум... (Правда, 27 октября 1966 г.).

Оставшиеся **пятеро львов** были более покладисты: они сами зашли в клетку. (ж. «Вокруг света» № 3, 1967 г.).

Невдалеке от палатки, в листве фигового дерева, спрятались **трое шимпанзе...** (ж. «Вокруг света» № 4, 1966 г.).

Иногда случается наблюдать за битвой двух гиппопотамов. **Двое животных** сталкиваются, пытаясь укусить и столкнуть друг друга в воду. (ж. «Наука и жизнь» № 8, 1966 г.).

Я уже готов был открутить колокольцы, но увидел на кормушке сразу **семерых синиц.** («Неделя» № 51, 1967 г.).

---

[1] Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1869 г., стр. 230.

[2] Е. Ф. Будде, Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, ч. I, вып. II. Спб, 1902 г., стр. 119.

Он увернулся от бесшумно падающих петель, **шестерых кротов** убил, а остальных обратил в бегство. (ж. «Знание — сила» № 2, 1966 г.).

Весь проанализированный материал показывает, что собирательные числительные в современном русском языке прошли большой и интересный путь развития, что в круг употребляемых с собирательными числительными слов включаются все новые и новые разряды.

В одних случаях на расширение валентности собирательных числительных повлияли лингвистические факторы (субстантивация причастий и причастных оборотов дала возможность появиться сочетаниям типа «двое ожидающих», «двое оставшихся в живых»; развитие категории лица привело к появлению сочетаний типа «трое женщин», «пятеро подруг»; развитие категории одушевленности создало возможность образовывать сочетания типа «пятеро львов», «двое лосей», «двое животных» и т. д.). В других случаях на расширение валентности собирательных числительных повлияли факторы экстралингвистические (изменение в структуре общества и равенство людей в нашей стране привели к тому, что стали возможными сочетания собирательных числительных с любыми названиями лиц, независимо от их места в обществе и от профессии).

Г. М. СИДОРОВ

СИНОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С ИСКОННЫМИ СЛОВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

(Лексика военной темы)

Слова иноязычного происхождения, функционирующие в русском языке, подвергаются воздействию фонетического, морфологического и семантического процессов, ведущих к полному освоению этих слов русским языком и, как следствие этого, к активному употреблению их в различных стилях языка.

Фонетическая оболочка заимствованного слова претерпевает большие или меньшие изменения в зависимости от степени близости его фонетического облика в языке — источнике к фонетическим возможностям заимствующего языка.

В морфологическом отношении заимствованное слово выступает, как правило, первоначально в качестве непроизводной основы с потенциональными возможностями основы производящей, и с течением времени, обнаруживая способность стать производящей основой, оно принимает грамматические признаки исконных слов и проявляет словообразовательные возможности на новой почве.

Бывают случаи, когда заимствованное слово с начала употребления в заимствующем языке выступает в качестве производящей основы, а оформление основы непроизводной наступает позднее (например: от голландского Zonnedek русское «зонтик», а от него уже — «зонт»).

Однако фонетические и грамматические процессы освоения иноязычного слова играют подчиненную роль, не они определяют сферу распространения и функционирования сло-

ва в языке. Так, заимствованное из немецкого слово «струбцинка» (Schraubzwinge), несмотря на его «непонятность и дикость для русского уха»,[1] занимает прочное положение в языке для обозначения особого вида тисков, зажима с винтом.[2]

Таких примеров много, и все они говорят о том, что фонетический и морфологический облик слова-оригинала не препятствует вхождению его в словарный состав другого языка.

Самый факт заимствования объясняется многими внеязыковыми и языковыми причинами, главной же из них, очевидно, является та, что необходимость в слове для обозначения нового предмета или явления, для выражения новых понятий или дифференциации уже имеющихся не удовлетворяется словообразовательными возможностями языка.

Так, в 30-х годах, путешествуя по Америке, советские писатели И. Ильф и Е. Петров впервые увидели «переносные штепсельные лампы на очень высоких тонких ножках с большими картонными абажурами». «Ножки ламп очень длинны, эти лампы в человеческий рост, и стояли они не на столе, а на полу».[3] Казалось бы, при наличии в русском языке слова «настольная» в сложном наименовании «настольная лампа», проще было бы образовать слово «напольная», тем более что слова «настольная» и «напольная» были бы образованы одинаковым способом, но этого не происходит — русский язык заимствует французское слово «торшер» для обозначения этого предмета, ибо «идее как-то просторнее в том слове, в котором она родилась, в котором она сказалась в первый раз».[4]

«Лексический состав — это также определенная система...»,[5] и поэтому функционирование иноязычного слова в заимствующем языке определяется его многообразными связями со словами исконными и других этимологий. В конечном счете, именно свободные и фразеологические, синонимические и антонимические связи иноязычного слова, отражая необходимость функционирования его в заимствующем языке, опре-

---

[1] С. Булич. «Заимствованные слова и их значение для развития языка», Русс. филолог. вестн., № 2, Варшава, 1886, стр. 355.

[2] Словарь современного русского литературного языка АН СССР, М.-Л., 1963, т. XIX, стр. 1078.

[3] И. Ильф, Е. Петров. Собрание сочинений в 5 томах, т. IV, М., 1966, стр. 28.

[4] В. Г. Белинский. Ст. «Русские писатели о языке», М., 1954, стр. 170.

[5] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90 гг. XIX века, «Наука», М.-Л., 1965, стр. 13.

деляют место иноязычного слова в семантической системе языка, закрепляют его права гражданства в заимствующем языке.

Наглядным доказательством этого положения служат слова немецкого происхождения, функционирующие в современном русском языке в качестве общеупотребительных. Заимствованные в Петровскую эпоху, когда «...явилась громадная масса новых, совершенно неслыханных до сих пор понятий»,[1] слова немецкого происхождения прошли сложный и длительный путь освоения их русским языком от терминов узкой тематической номенклатуры до всеобщего распространения в различных стилях русского языка.

Любопытна в этом отношении история немецких слов, входящих в тематическую группу военного дела. «Третья часть словаря должна быть отдана военному делу... Военная терминология наша распространяется между этими двумя языками (немецким и французским — Г. С.)».[2]

Русский язык заимствовал из немецкого или через его посредство военную терминологию самого различного применения.[3]

Первое место в тематической группе военного дела занимает обширная номенклатура военных знаний и должностей. Это такие слова: бомбардир, бригадир, гаубист, командир, петардирер, берейтор, вахмистр, вегберейтор, ефрейтор, квартирмейстер, лейбшиц, профосс, солдат, унтер-офицер, фейерверкер, фельдмаршал, фельдфебель, фузелер, цейх-вартер, цейг-шрейбер, шанц-гауптман, юнкер, множество слов с частицами сложения «унтер», «обер», с частями сложения «генерал», «-мейстер» и мн. другие.

Второе место занимают слова — наименования военных

---

[1] Смирнов. «Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху», Сб. отд. рус. яз. и словесности имп. АН, том LXXXVIII, № 2 СПБ, 1910.

[2] Там же.

[3] В настоящей статье не предпринимается попытки точного установления языка-источника, т. к., с одной стороны, по словам С. Булича, «многие заимствования... нельзя выделить по неимению средств для этого», с другой стороны, словари не придерживаются единого принципа в установлении этимологии слова, свидетельством чему является необычайная пестрота этимологии в словарях.

См. также Ю. С. Сорокин, «Развитие словарного состава русского литературного языка, 30—90 гг. XIX в», стр. 159 и сноску на стр. 264. Поэтому автор придерживается этимологии, указанной в словаре Смирнова.

сооружений, приспособлений, приборов: абшнит, батарея, берм, блендунг, больверк, бруствер, валганг, везирь, вуршт, горниверк, камера, кельвинкель, контрашарп, кронверк, лафет, ложемент, мадриль, редут, фашина, шарт, шанец и другие.

Третье место можно отвести словам — наименованиям военных действий, приемов: атакировать, белагер (белагр), блокир, бомбардировать, деташир, дефензия, диверсия, дифендировать, залп, екзерцициум, кантонирование, командирование, командировать, маршировать, патрулировать, президия, ретирировать, салвировать, фельдмаршал, фортифицировать, фуражировать, экзерцировать, авансировать, штурм и другие.

Четвертую группу составляют слова — наименования военных учреждений, организаций военного дела: ашид, виктория, винтер квартира, гауптвахта, гауптквартира, генералитет, деташемент, команда, корпус, лагерь, пикет, плутонг, салвогвардия, сукурс (секурс, сикурс), фронт, штаб и другие.

Среди других групп обращают на себя внимание группа слов — наименований различного рода вооружений: гаубица, картаун, карказ, картечь, кессель, клипем-шрот, можжер, морген-штерн, фельдштук, флатармина, флинта, шланген, полкартоун, рапира и др., группа слов — наименований предметов и явлений военного быта: провиант, дезертир, рацион, рацея, рютер (рыцарь), триумф, тутор, флагшток, фураж, шпицрутен и т. д.

Военная лексика немецкого происхождения функционировала в русском языке в качестве терминологической на протяжении длительного времени, вплоть до прекращения существования тех или иных институтов, предметов или явлений, с которыми она была связана.

Однако уже в XIX в., вовлекаясь в общие процессы, происходящие в семантической системе словарного состава русского языка, немецкие слова претерпевали значительные изменения, резко увеличивая семантический объем, расширяя сферу распространения в языке, меняя при этом разнообразные связи со словами исконными и других этимологий в русском языке.

«Эти семантические сдвиги нередко настолько радикальны, что слово подчас начинает новую жизнь. Резко смещается его предметная отнесенность, существенно видоизменяется его смысловой объем. Прямым результатом этого является

нарушение установившихся ранее фразеологических связей с другими словами и создание новых связей».[1]

Семантические изменения рассматриваемых слов происходили под влиянием различных процессов как языкового, так и неязыкового характера. Необходимость в дифференциации понятий, стремление к экономии[2] и, самое важное, перенесение значений из области военной в сферу общественных взаимоотношений упрочивали положение этих заимствованных слов в языке, способствовали переходу их из группы терминологической в группу общеупотребительной лексики.

Освободительное движение в России, начавшееся в XVIII в. и бурно развившееся в XIX в. (деятельность Радищева, декабристов, революционеров-демократов, а в конце века — коммунистов-ленинцев) обусловило новые ассоциативные отношения между значениями слов, функционирующих в языке. Ассоциативные связи по линии «война-борьба» обусловили крупнейшие семантические сдвиги в военной лексике немецкого происхождения. Безусловно, большое значение в этом имела деятельность крупнейших представителей художественной и публицистической литературы, непосредственно связанных с освободительным движением своей эпохи и отражавших в языке художественных и публицистических произведений объективные тенденции в семантических изменениях словарного состава русского языка.

Ассоциативные связи по линии «война-борьба», обусловливавшие семантические изменения слов, меняли и синонимические связи этих слов, вовлекая их в сочетания со словами общественно-политической лексики, разнообразя их экспрессивные оттенки, доводя в некоторых случаях до участия в создании фразеологизмов на новой почве.

Следует отметить, что семантические изменения, а вместе с ними и синонимические связи слов в вышеуказанных группах проявлялись и проявляются по-разному. Подавляющее большинство слов, обозначающих военные должности и звания, употреблялись регулярно в строго терминологическом значении. Не имея ни синонимических, ни эквивалентных соответствий в русском языке, эти слова легко превращались в историзмы, как скоро прекращали свое существование те ин-

---

[1] Ю. С. Сорокин. Указ. работа, стр. 325.

[2] М. И. Стеблин-Каменский: «...языковая деятельность — это деятельность целесообразная и экономная...» ВЯ, 1966, № 2, стр. 76.

ституты, с которыми они были связаны. Однако в результате отбора, занявшего в русском языке XVIII и XIX столетия, некоторые слова перешли из терминологической группы с узкой сферой функционирования в группу общеупотребительных. Этому способствовало, наряду с семантическими изменениями, стремление этих слов к интернационализации.

Особый интерес представляют слова этой группы «солдат», «бригадир», «командир», «ландскнехт», «профос», «фельдфебель», «штурман», частица сложения «унтер-».

Заимствованное в XVII в. из западно-европейских языков слово «солдат»[1] начинает активно употребляться в XVIII в.,[2] выступая в терминологическом значении «рядовой воин». В русском языке этому слову были синонимичны слова «воин», «ратник», «ополченец». Функционирование этих слов и синонимические связи их в языке во многом зависели от семантического и стилистического размежевания слов со значением совокупности единиц, которые эти слова обозначали (воин — войско, ратник — рать, ополчение — ополченец, солдат — армия)[3]

К XIX в. славянизм «рать» и его производное «ратник» обнаруживают полную архаичность. В семантическом размежевании слов указанного ряда слово «рать» теряет терминологическое значение: перемещаясь в сферу художественных стилей, оно начинает выполнять чисто стилистические функции, выступая в синонимическом ряду с переносно-расширительным значением и ярко выраженным оттенком «возвышенности», «приподнятости» обозначаемого, например:

«Рать подымается неисчислимая». (Некрасов)

«Поведем на битву рать». (Плещеев)[4]

Богатые возможности новой сферы функционирования обеспечивают ему активное участие в поговорках, приближающихся по своей лингвистической характеристике к фразеологизмам, в результате чего связь значения этого слова с исходным значением почти утрачивается.

---

[1] А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1959, стр. 352.

[2] Смирнов, вводя это слово в словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в Петровскую эпоху, очевидно, считает Петровское время началом активного употребления этого слова в русском языке.

[3] Употребление слова «солдат» активизируется с заимствованием из французского языка слова «армия».

[4] Примеры из «Толкового словаря русского языка» под ред. Ушакова, т. III, М., 1939, стр. 1297.

«Не хвались, идучи на рать». (Поговорка)

Производное этого слова — «ратник» сохраняет терминологическое значение вплоть до Октябрьской революции, выступая в значении «рядовой государственного ополчения». «Назначен был не только набор десяти рекрут, но еще и девяти ратников с тысячи». (Л. Толстой, «Война и мир»).

Однако, наряду с терминологическим значением, под влиянием переносных значений, развившихся в его производящей основе, оно также развивает переносные значения, употребляясь в художественных, в основном поэтических, стилях со стилистической окраской «сентиментальности», «грусти», «траура».

«Все претерпели мы, божие **ратники,**
Мирные дети труда». (Н. А. Некрасов)

«Пусть паду, как **ратник** в бранном поле». (Лермонтов)

Бывшие солдаты, рабочие, служащие, колхозники, пионеры горсть по горсти воздвигли над Оршей величественный памятник доблестным **ратникам,** сложившим головы свои в жестоких боях с фашизмом». («Неделя» № 19 — 1966 г. Редакционная статья).

Слово «войско», выступая в терминологическом значении «вооруженные силы государства», уже в XIX в. не выдерживало конкуренции со словом «армия», выступавшим в том же значении. Если «войско» обозначало «вооруженные силы» со значением совокупности, единичности совокупного, ограниченного территориально и разновидностями составляющих частей, то слово «армия» выражало более емкое понятие, более соответствующее новой структуре и организации «вооруженных сил». Вместе с тем наблюдается и стилистическое размежевание этих слов. Заимствованное слово «армия» все более упрочивает положение доминанты в синонимическом ряду, а слово «войско» приобретает качества его стилистического варианта со значением отвлеченности, образности, определяя сферу своего функционирования в философских отступлениях и метафорических контекстах художественных произведений.

«Как ни странны исторические описания того, как какой-нибудь король или император, поссорившись с другим императором или королем, собрал войско, сразился с войском врага, одержал победу...— все факты истории (насколько она нам известна) подтверждают справедливость того, что большие или меньшие успехи войска одного народа против войска

другого народа суть причины или по крайней мере существенные признаки увеличения или уменьшения силы народов».

«Дух войска есть множитель на массу, дающей произведение силы».

«Партизаны уничтожали великую армию по частям. Они подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего дерева — французского войска». (Л. Толстой, «Война и мир»).

Семантическое размежевание слов «войско» и «армия» относится к последним десятилетиям истории их употребления в русском языке: слово «войско» архаизируется в форме единственного числа и закрепляет за собой употребление в форме множественного со значением части совокупного целого, которое обозначается заимствованным словом «армия».

«Войскам этой армии... предстояло прорвать сильную... оборону противника». («Вторая мировая война», 1939—1945, М., 1958).

В прямой зависимости от семантического и стилистического размежевания слов «войско» и «армия» находится семантическое и стилистическое соотношение слов «воин» и «солдат».

Уже в XIX в. слово «солдат» занимает положение доминанты в синонимическом ряду «солдат-воин-ратник-ополченец». Сравни: «Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперед, солдаты за ним последовали». (А. С. Пушкин, «Дубровский»).

«Певец во стане русских воинов». (В. А. Жуковский).

Слово «воин» рано оформляет свою принадлежность к «высокому» стилю и употребляется в языке художественных, в основном поэтических, произведений в целях «приподнятости», «торжественности», «важности» обозначаемого.

«Но отец твой, храбрый воин,
Закален в бою». (М. Лермонтов).

С положительной экспрессивной оценкой оно употребляется и в современном русском языке, все более проникая в публицистические, ораторские стили.

«В эти дни все думы и мысли наших воинов сосредоточены на работе XXIII съезда...» (Р. Я. Малиновский).

Употребленное в другой оценке, это слово, по противопоставлению исходной положительной экспрессии, приобретает значение резкой иронии, например:

«А! Воин! Бонапарта завоевать хочешь?». (Л. Толстой, «Война и мир»).

Следует отметить, что, наряду с оттенками иронии, шутки, свойственными производному от этого слова слову «вояка», в последнее время в публицистических стилях развивается оттенок презрительности.

«...Мошенничества американских вояк в Южном Вьетнаме приняли такой размах, ...что для предотвращения краж увеличено число часовых... у американских складов». («Известия» от 9 мая 1966 года).

Слово «солдат», вслед за приобретением стилистических оттенков словом «воин», занимает его место в семантической системе русского языка, выступая в терминологическом значении «рядовой военнослужащий сухопутных войск»,[1] однако в силу широчайшей сферы распространения в русском языке и необходимости отображения самых различных отношений к понятию, выражаемому этим словом, оно обнаруживает стремление к словообразованию, варьируя различные семантические и стилистические значения в зависимости от словообразующих и формообразующих суффиксов (солдат — солдатчина, солдатство, солдатье, солдатик, солдатишка, солдатище, солдафон и т. д.).

Наполняясь отрицательной экспрессией по ассоциации с его производным «солдатчина», это слово временно перемещается в пассивный словарь языка в первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции вплоть до конца Великой Отечественной войны. Характерно в этом отношении замечание в повести Бека «Волоколамское шоссе».

«— Как живешь, солдат?» — Парень смутился. В то время в нашей армии обращение «солдат» было не принято. Говорили «боец», «красноармеец».[2]

Слово «боец» в этот период, действительно, выступает эквивалентом слова «солдат», входя в язык в качестве семантического неологизма, в определенной степени утрачивая стилистическую окраску торжественности, поэтичности. Однако в последний период происходит обратное явление: слово «боец», определяя сферу распространения в публицистических стилях, снова принимает оттенки положительной экспрессии, уступая слову «солдат» терминологическое значение.

---

[1] Словарь современного русского литературного языка АН СССР, т. XIV, М.-Л., 1963, стр. 199.

[2] Пример из «Словаря современного русского литературного языка» АН СССР.

В современном русском языке слово «солдат» функционирует в терминологическом значении. В советское время с изменением природы понятия, которое это слово выражает, слово «солдат» не активизирует употребления своих производных основ, напротив, отвлекаясь от того положительного, которое заключено в этом слове — понятии, оно по общей линии ассоциации военной лексики «война — борьба» приобретает новые возможности сочетания с другими словами, перемещаясь в тематическую группу общественно-политической лексики. Например, «Солдат революции».[1]

Функционируя в различных стилях языка в качестве доминанты синонимического ряда, слово «солдат» закрепляет свою принадлежность к активному составу словаря русского языка, упрочиваясь в его семантической системе.

В публицистических, ораторских стилях оно употребляется в качестве эквивалента «высокого» русского слова «воин» с целью подчеркнуть значение и активность каждого из родов войск. Сравни:

«**Воины** армии и флота, как и все советские люди, связывают свои успехи и планы на будущее с деятельностью Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета».

«С чувством особого удовлетворения докладываю вам о замечательных качествах наших **солдат,** матросов, сержантов и старшин». (Из речи Р. Я. Малиновского на XXIII съезде КПСС).

За последние годы этот синонимический ряд в связи с дальнейшим изменением и усложнением структуры и организации выражаемых понятий пополняется расчлененными наименованиями: для армии — «вооруженные силы», для обозначения совокупности единиц, их составляющих,—«личный состав». Слово «армия» в семантическом размежевании со словом «войско» обозначает более крупную единицу структуры «вооруженных сил», расчлененное наименование «личный состав» более нейтрализуется в стилистическом отношении и абсолютизируется в семантическом. Сравни с приведенными примерами.

«...Советские Вооруженные Силы способны выполнить любые боевые задачи...»

«...Личный состав армии и флота успешно осваивает но-

[1] «Солдат революции» — название армейской газеты Царицынского фронта во время гражданской войны.

вую боевую технику». (Р. Я. Малиновский. Из речи на XXIII съезде КПСС).

По-разному сложились судьбы других слов немецкого происхождения, обозначающих воинские должности и звания. Однако следует отметить, что общая линия развития значений по ассоциации «война — борьба» оставалась для большинства из них той же. Правда, употребление некоторых из них не представляется возможным признать всеобщим, но благодаря исключительному значению и широкой популярности произведений, в которых появились эти слова в оценочном значении, они остаются в пассивном составе словаря в качестве резко отрицательной оценки самодержавно-крепостнической системы, антинародной сущности армии дореволюционного прошлого.

Так, слово «фельдфебель», заимствованное из немецкого в XVII в. в форме «февтевол» (Смирнов, 306) со значением «старший унтер-офицер в роте», к XIX в. становится вполне освоенным в качестве термина воинского звания и поэтому обычным в военной среде. Об этом, в частности, говорят колебания в окончании множественного числа именительного падежа.

«Ротные командиры разбежались по ротам, фельдфебели засуетились». (Л. Толстой, «Война и мир»).

«...Фельдфебеля на привале около построек кричали неистово». (С. Сергеев-Ценский, «Севастопольская страда»).

С особым оттенком характеристичности выступает производное от него прилагательное «фельдфебельский» в словосочетаниях «фельдфебельские усы», «фельдфебельский голос», синонимизируясь с русскими прилагательными, в первом случае — «пышные», во втором — «громкий», «сердитый». Благодаря относительно широкой сфере распространения в языке, это слово обнаруживает способность к переносным значениям, приобретая значение резко отрицательной характеристики.

«Прошла и изныла сильная жизнь, раздавленная потом, попавшись между царем — фельдфебелем, крепостными сенаторами и министрами-писцами». (А. И. Герцен, «Былое и думы»).

Пожалуй, именно это обстоятельство явилось причиной того, что слово «фельдфебель» не было использовано в качестве обозначения воинского звания в Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, когда были введены воинские

звания и для их обозначения использовались в большинстве своем слова дореволюционного прошлого (ефрейтор, сержант, капитан, генерал и т. д.). Эта должность в Советской Армии обозначается исконным словом «старшина».

То же самое следует сказать о частице сложения «унтер». Колебания в окончании множественного числа именительного падежа отмечается и в этом слове. «...В русских рядах падали офицеры, фельдфебеля, унтера». (Сергеев-Ценский, «Севастопольская страда»).

Как частица сложения «унтер» — употребляется в строго терминологическом значении.

«Унтер-офицер оставил дверь караульной комнаты открытой». (К. Паустовский, «Северная повесть»).

С упразднением института воинских званий дореволюционной армии оно превращается в историзм, перемещаясь в пассивный словарь языка, и употребляется для воссоздания исторического колорита прошлой эпохи (смотри приведенный пример). Употребленная вне сложения, эта частица не теряет терминологического значения, например:

«...В средней паре ползли Ломов с унтером». (К. Федин, «Необыкновенное лето»).

Однако в окказиональном употреблении частица «унтер» приобретает оттенок резко отрицательной характеристики. Так, в рассказе Чехова «Унтер Пришибеев» эта частица в сочетании с «говорящей» фамилией выступает синонимом косности, деспотизма самодержавно-бюрократического строя.

Вернувшееся в наш язык в качестве этнонима в языке произведений советских писателей, посвященных Великой Отечественной войне, эта частица принимает стилистическую окраску, полученную ей в рассказе Чехова, например «Унтер Фенбонг...» (А. Фадеев, «Молодая гвардия»).

Характерно употребленное А. И. Герценом слово «штурман» в сложном наименовании «штурманы будущей бури» как образное название — характеристика революционеров-демократов. Повторенное В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена», оно закрепляется в публицистических стилях в качестве синонима для обозначения представителей второго этапа русского освободительного движения с оттенком положительной экспрессии.

Значением отрицательной оценки наполняется слово «ландскнехт» с прямым значением «наемный солдат в Германии средних веков».

«Это уже не те разъяренные кровью и легкой наживой гитлеровские ландскнехты, которые прошли с огнем и мечом Голландию...» (Казакевич, «Звезда»).

Возможно употребление только второй части этого сложного слова в том же назначении.

«Князь первым делом взял Копорье,
Немецкий городок сломал.
Немецких **кнехтов** в Приозерье
Кого убил, кого поймал» (К. Симонов).

Слово «бригадир» претерпевает полную семантическую трансформацию в процессе функционирования в русском языке. С упразднением воинского звания, обозначавшегося этим словом (при Павле, в начале XIX в.), это слово переходит в пассивный состав словаря и активизирует употребление уже в советское время, когда увеличивается семантический объем основы, от которой оно образовано (бригада — бригадир). Слово «бригада» начинает обозначать не только «часть армии, часть флота», но и коллектив, выполняющий определенное производственное задание.[1] В связи с этим слово «бригадир» наполняется новым терминологическим значением, совершенно утрачивая первоначальное.

Сложнее функционирование и синонимические отношения в русском языке слова «командир». В «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» этому слову даются синонимы среди исконных слов — «управитель», «повелитель». В первое время функционирования в русском языке это слово выступает в качестве синонима в этом ряду с оттенком «торжественности», «важности» обозначаемого, в связи с чем могло употребляться в публицистических стилях. «Во главного победительного **командира** над четырьмя флоты Российским, Аглинским, Дацким и Галанским избран и публикован был еси». (Феофан Прокопович. Слова и речи. Смирнов, 147).

На протяжении XIX в. оно выступает идеографическим синонимом слова «начальник», определяя военную среду как сферу своего распространения, в качестве своеобразного профессионализма. В советский период семантический объем этого слова увеличивается. Перемещаясь в публицистические стили, оно теряет терминологическую прикрепленность к узкой сфере функционирования и, сочетаясь со словами адми-

[1] Д. И. Ушаков. Толковый словарь русского языка, т. I, М., 1935, стр. 187.

нистративной лексики вообще, приобретает оттенки «высокого» стиля в синонимическом ряду с доминантой «руководитель», например, в словосочетании «командиры производства»...

Полную семантическую трансформацию претерпело и слово «профосс». Это слово в XVII в. имело форму «профост» (может быть, под влиянием голландского «provoost», а вернее, необычный для русской фонетики долгий С в конце слова передавался сочетанием щелевого со смычным, т. е. С+Т). Позднее несвойственный русскому языку звук -ф- заменился сочетанием звуков -хв-, в результате чего звуковой облик этого слова стал омонимичен сочетанию русских приставки «про-» и корня «-хвост». Слово «прохвост» поступает в арсенал оценочных средств языка и выступает со значением резко отрицательной характеристики, граничa с бранными словами.

— Ты полагал, — закричал князь, все поспешнее и несвязнее выговаривая слова. — Ты полагал... Разбойники! Прохвосты!.. Я тебя научу полагать... (Л. Толстой, «Война и мир»).

В последние десятилетия, до и после Великой Отечественной войны, в русском языке встречается много слов, обозначающих воинские звания и должности фашистского вермахта и рейха. Эти слова не имели и не имеют предметной отнесенности в реальной жизни русского народа и потому выступают в качестве этнонимов в языке произведений советских писателей о Великой Отечественной войне. Это такие слова: вахмайстер, гаулейтер, гауптшарфюрер, группенфюрер, обер-группенфюрер, штабс-фельдфебель и др. Вполне справедливо, что такие слова не регистрируются русскими словарями.

Характерным для слов, обозначающих воинские звания и должности, является то, что переносные значения, а вместе с ними и семантические сдвиги и разнообразные связи, в том числе синонимические, с исконными словами русского языка развиваются в словах широкой сферы функционирования. Развивая всевозможные стилистические оттенки, вырабатывая новые синонимические связи, эти слова упрочивают свое положение в семантической системе языка, по-разному обнаруживая словообразовательные возможности на новой почве. В стилистическом отношении общим для них является то, что, перемещаясь в другие стили, они резче выражают качество положительной или отрицательной оценки, чем слова исконные.

Размеры настоящей статьи не позволяют подробно проанализировать употребление в различных стилях русского языка других групп военной лексики немецкого происхождения, поэтому ограничимся отдельными наблюдениями.

Заимствованные из немецкого слова — наименования военных сооружений, приспособлений, приборов и подробностные термины этих понятий не обнаруживают тенденции к развитию значений и установлению многосторонних связей со словами исконными и других этимологий в русском языке. Заимствованные в целях обозначения предметов конкретного применения, эти слова имели узкую сферу употребления, выступая в качестве профессионализмов военного дела. С потерей актуальности предметов, ими обозначаемых, эти слова теряли активность в употреблении и позднее выступали в качестве историзмов в языке художественных произведений.

Так, заимствованные в Петровскую эпоху слова абшнит, берм, больверк, валганг, вуршт, горниверк, контрашарп, кронверк, мадриль, фашина, шарт и др. прекращают функционирование в качестве специальных терминов уже к середине XIX в. Только некоторые из слов этой группы продолжают употребляться в русском языке в качестве подробностных терминов, например, «бруствер».

Сохраняется в языке производное от слова «шанец» прилагательное «шанцевый» в сложных наименованиях «шанцевый инструмент», «шанцевая лопата», опять-таки с чисто терминологическим значением. Некоторый интерес представляют ряды слов этой группы: абшнит — ретраншемент (рентражамент, ретраншамент), окоп-шанец, (шанц)-ложемент (ложамент), (Смирнов, 180)-редут; раскат-больверк (болверк, болварк) — бастион.

Слова «абшнит» и «ретраншемент» употребляются долгое время параллельно, выступая эквивалентно в значении «оборонительной ограды в крепости». По-видимому, они были заимствованы в Петровское время почти одновременно (французское через немецкий retranchement). Позднее эти слова включаются в ряд слов с доминантой «окоп», в увеличившемся ряду происходит семантическое размежевание этих терминов. К середине XIX в. наиболее употребительными остаются редут, шанец, ложемент наряду с русским «окоп». В семантическом размежевании с исконным словом слова «шанец», «ложемент», выступая в том же значении, обозначали «земляное укрепление инженерного типа, предназначенное для длитель-

ного использования. Так, в Бородинском сражении использовались «окопы».

«В то время как Пьер входил в окоп, он заметил, что на батарее выстрелов не слышно было». (Л. Толстой, «Война и мир»). В Севастопольской обороне, напротив, используются «ложементы» и «шанцы» как окопы особого назначения.

«Но все бомбы ложились далеко сзади и справа ложементов».

«— Одолевает француз, так дурно бьет из-за шанцов, да и шабаш, а в поле не выходит». (Л. Толстой, «Севастопольские рассказы»).

В качестве эквивалентного ряда долгое время выступают в языке слова: раскат (роскат) — бастион-больверк (вольверк, болверк, болварк) — форт. В XVIII в. в значении «крепостное укрепление» употребляется слово «роскат», например:

«Ты ж, вор, боярина и воеводу князя Семена Ивановича Прозоровского... с роскату бросил». (Приговор Разину). Это слово выступает синонимом с оттенком архаичности иноязычным словам до конца XIX в. Словарь АН 1895 в форме «раскат» дает его эквивалентным словам «болверк», «бастион». Однако уже много раньше это слово теряет значение военного термина, уступая его целиком словам иноязычным. Наиболее прочное положение в семантической системе языка занимает заимствованнное из французского «бастион». Не случайно, что именно это слово способно употребляться в переносных значениях, между тем как остальные слова этого ряда такой тенденции не обнаруживают.

«ГДР — мощный **бастион** мира в Европе». (Из газет).

Группа слов — наименований военных действий, приемов обнаруживает большую по сравнению с предыдущими способность к семантическим сдвигам, а следовательно, и к развитию синонимических связей в русском языке.

Особый интерес представляет синонимический ряд слов, включающий заимствованное из немецкого слово «штурм». Семантическое размежевание слов этого ряда (атака-штурм-приступ) общеизвестно.[1] Однако различиями в семантических оттенках не исчерпываются взаимоотношения этих слов в процессе их функционирования в русском языке.

В семантическом отношении выступающие эквивалентно слова «приступ» и «штурм» имели разные соотношения в сти-

[1] В. Н. Клюева. Краткий словарь синонимов русского языка, М., 1961, стр. 18.

листическом плане. Так, в переносно-отвлеченном значении «решительные активные действия для достижения чего-либо» в XIX в. могло употребляться только слово «приступ», например:

«— Я думаю... вы бы взяли приступом согласие прусского короля». (Л. Толстой, «Война и мир»).

Между тем, производное от «штурм» «штурмовать» употребляется только в терминологическом значении. Характерно употребление этого слова Кутузовым в романе «Война и мир» в высказывании с подчеркнутым скептицизмом к военным теориям.

«— Все поскорее, а скорое на долгое выходит. Если бы Каменский не умер, он бы пропал. Он с тридцатью тысячами **штурмовал** крепости. Взять крепость нетрудно, трудно кампанию выиграть. А для этого не нужно **штурмовать** и атаковать, а нужно терпение и время».

Уже в XVIII в. это слово с отвлеченным суффиксом -«ание» могло употребляться в публицистических стилях.

«Реку ли о штурмовании и взятии градов». (Феофан Прокопович. Смирнов, 339).

В переносно-отвлеченном значении с переводом, данным сразу же вслед за словом в латинской орфографии, намекающим на известное общественное движение в Германии XVIII в., употребляет это слово В. И. Ленин в своих философских тетрадях: «Sturm und Drang (буря и натиск) торговых предприятий».

Однако только в советский период это слово упрочивает свое переносно-расширительное значение и вступает в связи с исконными словами самых различных тематических групп, определяя сферу своего функционирования в публицистических стилях.

«После шести лет штурма тайги и болот у подножия Качканара поднялись... огромные корпуса среднего и мелкого дробления...» (Ю. Хазанович, «Урал»).

Слово «приступ» расщепляется на омонимы[1], архаизируясь в основном значении, переносно-расширительное же значение окончательно закрепляется за словом «штурм».

Как уже было сказано, заимствованные из немецкого слова этой группы резче проявляют тенденцию к семантическим сдвигам. Попадая в семантическую систему русского глагола и отглагольных существительных, наиболее богатую синони-

[1] Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова.

мическими соответствиями, слова немецкого происхождения обогащают синонимические ряды исконных слов семантическими оттенками значения, стилистической окраской. Вот характерные примеры: «пришпорить гонку вооружений», «бомбардировать письмами», «произнести залпом», «турнир храбрости», «словесный турнир», «штурмовать высоты науки» и т. д.

То же явление наблюдается и в словах, обозначающих наименования военных учреждений, вопросы организации военного дела. Многие слова этой группы, наряду с терминологическим значением, увеличивая семантический объем, развивали переносные значения. В некоторых случаях эти значения появлялись окказионально, выступая в качестве текстуальных синонимов.

«На днях хандра меня взяла: подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я струхнул...» (А. С. Пушкин).

В других словах этой группы переносные значения стали общелитературными. Привычно употребление немецких слов с переносными значениями в таких, например, контекстах «штаб комсомольского прожектора», «Смольный — штаб революции», «фронт строительных работ», «Лагерь мира и социализма».

Итак, для освоения слов немецкого происхождения решающее значение имеют разнообразные связи, в частности синонимические, в которые вступают эти слова со словами исконными на новой почве. Подвергаясь семантическим процессам, происходящим в семантической системе русского языка, слова немецкого происхождения вовлекаются во все новые и новые синонимические ряды, упрочивая права гражданства в заимствующем языке. Расширив сферу своего функционирования, они обнаруживают способность становиться доминантой синонимического ряда наравне с исконными словами.

Вовлеченные в сферу переносно-расширительных значений, эти слова усиливают образность, экспрессивность (в положительном или отрицательном отношении) изображаемого. Способность выступать в роли стилистических синонимов по отношению к исконным словам находится в прямой зависимости от времени заимствования того или иного слова: наблюдения в этой области позволяют сделать вывод, что, чем дольше функционирует слово в заимствующем языке, чем

прочнее в связи с этим его положение в семантической системе языка, тем активнее вовлекается оно в сферу выразительно-изобразительных средств языка.

Следует отметить, что примерно с середины XIX в. и до сих пор наибольшее значение в развитии семантических и стилистических качеств слов немецкого происхождения военной темы имеют публицистические стили русского языка. Линия ассоциации «война — борьба» обеспечивала этим словам активное вовлечение в язык революционной публицистики, а из него в общелитературное и общенародное употребление.

Г. М. СИДОРОВ.

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОМ ОСВОЕНИИ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ВОЕННОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ЗАИМСТВОВАННОЙ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Слова военного и административного характера, заимствованные из немецкого языка в Петровскую эпоху, впервые стали появляться в различного рода документах и переписке законодательного характера: указах, уставах, регламентах, инструкциях или наказах.

Вместе с «европеизацией» русской жизни «европеизация» русского языка носила ярко выраженный отпечаток правительственного режима», — указывает академик В. В. Виноградов[1], отмечая то обстоятельство, что иноязычные термины в Петровскую эпоху обильно проникали в русский язык в связи с «процессом переустройства административной системы, реорганизации военно-морского дела, развития торговли, фабрично-заводских предприятий и на базе этого «усилением официально-правительственного, канцелярского языка, расширением сферы его влияния».[2]

В связи с тем, что «художественная литература не издавалась при нем (Петре I — Г. С.) почти вовсе»[3] и «в привлечении языковых средств для целей изображения действительно-

[1] В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938, стр. 51.

[2] Там же.

[3] Г. А. Гуковский, Русская литература XVIII в., Учпедгиз, М., 1939, стр. 11.

сти и выражения мысли и чувства литература XVIII в. еще была робка, сдерживалась разными канонами и правилами»,[1] естественно считать язык памятников деловой письменности одним из основных источников для наблюдений над языковыми процессами Петровской эпохи, так как именно они являлись главным и определяющим фактором социально-экономических и культурных отношений, отразившихся в письменном слове.

Особое значение язык деловой письменности Петровской эпохи имеет в изучении иноязычной лексики, заимствованной русским языком в этот период. Если для орфографии исконных русских слов существовала церковнославянская грамматическая традиция, выражавшаяся в «сохранении на письме этимологического состава слов по церковнославянскому типу»,[2] то для орфографии слов иноязычных никакой традиции еще не сложилось, и многочисленные орфографические варианты таких слов, зафиксированные памятниками письменности Петровской эпохи, предоставляют возможность современному исследователю проследить становление и формирование звуковой оболочки иноязычных слов.

Настоящая работа представляет собой попытку показать, какими путями шло в Петровскую эпоху звуковое оформление слов военного и административного характера, заимствованных из немецкого языка, на материале рукописных и печатных памятников письменности.

В качестве объекта наблюдения использовались «Книга устав воинский...», «Артикулы воинские», «О эксерциции (или учении)», изданные в 1719 г., «Акты о высших государственных установлениях» в публикации Н. А. Воскресенского, а также отдельные тома «Писем и бумаг императора Петра Великого», издававшиеся АН с 1887 по 1956 год.

Не говоря уже о печатных изданиях Петровского времени, названные источники вполне могут служить основой для подобного рода наблюдений. Так, критикуя издателей «Полного собрания законов Российской империи» за нарушения «языка и орфографии подлинника», в «Археографическом введении к «Законодательным актам Петра I» Н. А. Воскресен-

[1] Ю. С. Сорокин, О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. В сборнике «Процессы формирования лексики русского литературного языка», М.—Л., 1966, стр. 11.

[2] Г. О. Винокур, Избранные работы по русскому языку, Учпедгиз, М., 1959, стр. 115.

ский пишет: «В настоящем издании законодательные акты приведены с сохранением всех поправок и с полной точностью орфографии подлинника»[1]. Этот принцип соблюдался и редакторами «Писем и бумаг императора Петра Великого». В предисловии к I тому комиссия по публикации «Писем и бумаг...» указывала: «Собственноручныя письма и бумаги Петра Великаго должны быть переписываемы с дипломатическою точностью, с сохранением всех особенностей его правописания и даже явных ошибок»[2]. В этой связи нельзя не согласиться с Н. А. Воскресенским, который в том же «Археографическом введении» замечает: «Эти акты должны быть признаны не только законодательными источниками, но и ценнейшими памятниками по истории русского языка и письменности».[3]

Что касается орфографического облика иноязычных слов в указанных памятниках, то следует учитывать, что, с одной стороны, «над переводами иностранных актов, служивших источниками для первых набросков русских законов, большею частью трудились обруселые иностранные переводчики. Тексты первоначальных редакций сохранили их искания соответствующих форм на русском языке для передачи нужного иностранного термина»,[4] с другой стороны, иноязычные термины широко вовлекались в устную и письменную речь военных и государственных деятелей русских по происхождению, во главе которых стоял сам император, писавший «так, как говорил, без всякой орфографии».[5] Отсюда, конечно, в самых общих чертах, можно наметить конкуренцию двух путей в фонетическом освоении немецких слов военного и административного характера на русской почве. Во-первых, «обруселые иностранные переводчики» и те из русских, которые были знакомы с книжной, письменной культурой немецкого языка, стремились к точной передаче на письме орфографического облика немецких слов средствами русского алфавита, копируя с немецкого образца буквы, одинаковые в русском и латинском алфавитах, независимо от их звучания в слове, осо-

---

[1] Н. А. Вознесенский, Законодательные акты Петра I, т. 1, АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 21.

[2] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 1, СПБ, 1887, стр. 5.

[3] Н. А. Воскресенский, Указанное сочинение.

[4] Там же.

[5] Г. О. Винокур, Избранные работы по русскому языку, Учпедгиз, М., 1959, стр. 115.

бенно в определенных позициях. Для немецких букв, не имевших соответствия в русском алфавите, подбирались определенные замены по сходству их звукового эквивалента, не всегда удачные. Пуская в письменный речевой обиход свои варианты, они способствовали закреплению в русском языке орфографически близких, но фонетически искаженных форм слов языка-источника, прокладывая тем самым путь так называемому книжному, письменному способу освоения немецких слов на русской почве. Естественно предположить, что вряд ли авторы этих вариантов, знакомые с орфоэпией немецкого языка, произносили эти слова так, как писали их по-русски.

Во-вторых, русские деятели военной и гражданской администрации стремились, как правило, передать, исходя из фонетических возможностей русского языка, звуковой облик заимствованных из немецкого слов, не заботясь об их орфографической близости к словам языка — источника, стихийно представляя устный способ фонетического освоения немецких слов.

Книжный, письменный и устный пути фонетического освоения немецких слов неодинаково проявляли себя в освоении тех или иных звуков и созвучий, не свойственных фонетической системе русского языка. Это зависело от сферы распространения, от частоты употребления заимствованных из немецкого слов в русском языке. Слова с терминологическим значением, имевшие узкую сферу распространения, оформлялись, как правило, книжным путем в русских текстах и, эпизодически употребленные в деловой переписке, имели лишь единичные случаи отклонения от первоначального орфографического облика; слова же, часто употреблявшиеся в устной речи и имевшие широкую сферу распространения, испытали на себе наиболее сильное влияние устного способа фонетического освоения, и поэтому они имеют наибольшее количество вариантных форм, а многие орфоэпические компоненты немецких слов в транслитерации русскими буквами закрепились в рукописных и печатных памятниках письменности Петровской эпохи настолько, что одни и могут выступать в качестве основных вариантов этих слов рассматриваемого периода.

Так, например, в словах «ауторитет», «аудитор», «гауптман», «Устав воинский» не фиксирует орфографических вариантов. Очевидно, эти слова в Петровскую эпоху имели узкую сферу распространения, редко употреблялись в устной

речи, следовательно, их орфографический облик не мог изменяться под влиянием произношения. «Добрые его кондувиты возбуждают послушание и умножают силно ауторитет (или власть его) с учтивостию...» («Устав воинский», стр. 13).

«Генералу аудитору... надлежит быть, не токмо ученому». (Устав воинский, стр. 31).

Шанц гаупт Ман (Устав воинский, стр. 5).

Между тем, в освоении немецкого дифтонга -au, содержащегося в этих словах, были особые трудности, так как, с одной стороны, русский язык не имеет дифтонгов, с другой, — устное воспроизведение немецкой графемы этого дифтонга в русском языке и произношение его в немецком не могли совпадать. «Что касается немецкого дифтонга, изображаемого на письме посредством au, то он произносится как ou (где знак дуги под u означает ослабленность второго компонента); этим можно объяснить, что фраза Da, auf dem Tisch (т. е. «там, на столе»), произнесенная очень скоро, была заслушана русским в таком виде: Da ofn Tisch».[1]

Отсюда, и в фонетическом освоении заимствованных из немецкого слов с этим дифтонгом, слов широкой сферы распространения и большей частотности употребления наблюдались варианты. Это подтверждается вариантами транслитерации этого дифтонга как в печатных памятниках письменности, так и в рукописных.

«Знатнейший офицер с большею частию на гаупт вахте остаетца». (Устав воинский, стр. 76).

«Во всех гварнизонах надлежит починать збор бить в уреченное время у гоупт вахты...» (Устав воинский, стр. 76).

«В Любек послать для наряду литья: 30 пушек, 24 мартироф, 12 гоубиц». (Письма и бумаги, т. I, стр. 136).

«То же позволение могут иметь лишние барабанщики, профосы, писари, гоубисты». (Письма и бумаги, т. III, стр. 80).

Из 16 случаев употребления части сложения «гаупт» в «Уставе воинском»... 7 имеют форму «гоупт».

Словари XVIII в. фиксируют устную форму заимствования из немецкого слов с этим дифтонгом, подтверждая употребительность в речи именно этой формы.

Лексикон вокабулам: гоубица.

Вейсманнов лексикон: гоуптвахта.

Характерно исчезновение второго компонента этого диф-

---

[1] В. А. Богородицкий, Очерки по языковедению и русскому языку, Учпедгиз, М., 1939, стр. 72.

сонга в слове шлаг(х)бом (от нем. Schlagbaum), очевидно, испытавшего на себе наиболее сильное влияние орфоэпических возможностей русского языка в отношении этого дифтонга.

«Караул в крепости у шлагбома, а в поле у рогаток... имеет наивящую осторожность отправлять». (Устав воинский, стр. 84). Других форм этого слова «Устав воинский...» не дает совсем.

Следовательно, конкуренция письменного способа оформления дифтонга «au» и устного представляли собой два возможных пути оформления его на русской почве: письменный, основываясь на орфографическом калькировании немецкого образца, способствовал закреплению в русском языке искаженного звукового облика слов из немецкого с этим дифтонгом, устный, наоборот, был ближе к звуковому воспроизведению этого дифтонга.

Меньше вариантов рукописные и печатные памятники письменности Петровской эпохи дают в оформлении слов с дифтонгами -ei- и -eu-. Письменный путь в оформлении слов с этими дифтонгами был преобладающим. Орфографическое калькирование этих дифтонгов, дававшее на русской почве звукосочетание «-ей-», облегчалось наличием в русском алфавите двух вариантов буквы «и» без какого-либо различия в звуковом оформлении «і» и «и», буква е имела то же начертание и в русском алфавите.

«Генералу фелтъцеіхмеістеру... прилежно смотреть, чтобы в цеіхгаузах, и в полевых артилериях во всех случаях видеть возможно было с довольством». (Уст. воинский, стр. 20).

Устные варианты в оформлении этих дифтонгов были единичными.

«Дано ея Величества Фурайтору (от нем. Vorreiter—Г. С.) Василью Греховодову за поднос имянинного пирога рубль». (Смирнов, 313. Сб. Рус. Ист. Общ., II т., стр. 159).

«В той фартеце в то время был и сам Мальтийской Гранмайстер, и во время того приступу тому Гранмайстеру оторваны были из пушки обе ноги...» (П. А. Толстой, «Статейный список». С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Хрестом. по ист. рус. яз., ч. II, вып. I, М., 1949, стр. 79).

В положении перед взрывным согласным звукосочетание -ей- употреблялось последовательно, так как соответствовало фонетическим нормам русского языка: берейтор, квартирмейстер, фельдцейхмейстер, цейгдинер, фурлейты, ефрейтор, шрейбер и т. д.

Однако в положении перед гласными переднего ряда -е-

звукосочетание -ей- противоречило русским орфоэпическим нормам. Характерно в этом отношении замечание В. И. Даля к слову «фальшфейер». Приводя его в форме «фальшфейер», В. И. Даль замечает по поводу формы «фальшфейер»: «Но нет никакой надобности писать его так».[1]

«Лексикон вокабулам...» слово «фейерверк» приводит в форме «фейверк». Эта форма употребительна в Петровское время.

«Последи же по западе солнца были преизрядные фейверки...» (Ведомости, 1 июля 1719 г.). Или еще вариант: «К тому ж принадлежит селитра, сера, смола, пенька, веревки, льняное масло: и прочие к фееверку принадлежащие вещи». (Устав воинский, стр. 4).

Однако в терминологическом слове «фейерверкер» мы видим орфографическое калькирование немецкого образца (Феіеръ веркер» (Устав воинский, стр. 5).

Несмотря на явное, казалось бы, несоответствие фонетическим нормам русского языка, звукосочетание -ей- в положении перед -е- становится живым фактом фонетической системы, и уже «Словарь Академии Российской, 1789—1794» регистрирует это слово в определившейся форме «фейерверк».

Употребленное в другой форме, слово «фейерверкер» выглядит явно нелитературным, просторечным, например:

— Вышел, значит, в люди? — спросил его Финоген.

— Вполне. Службу кончил... звание имею — ферверкер. (М. Горький, Финоген Ильич, Соч. в 30 т., т. 3, стр. 482).

От оформления этих дифтонгов, утвердившегося в Петровскую эпоху письменного способа, не было отступлений до нашего времени. Только в последнее время начинают появляться в русском языке слова из немецкого с дифтонгом -ei- в разных вариантах: наряду с традиционным все более настойчиво заявляет право на существование звукосочетание, близкое по фонетической характеристике к языку-источнику.

«Высокопоставленные визитеры из Бонна явно зачастили в Западный Берлин, который лежит за пределами боннского **райха**». («Правда», 24 няв. 1967 г.).

«Размежевание обоих названных суверенных государств, явившееся следствием разгрома гитлеровского **рейха**... свершилось на социально классовой основе». (Правда, 29 янв.

---

[1] В. И. Даль, Толковый словарь, т. IV, стр. 531, М., 1956.

1967 г.). Характерно, что традиционная форма сохраняется в официально-документальных стилях, а новая развивается в стилях публицистических.

Многочисленные варианты в транслитерации согласных, в особенности на стыке сложения основ в сложных словах из немецкого, заимствованных в Петровскую эпоху, также отражают конкуренцию двух способов фонетического освоения этих слов: книжного, письменного и устного.

Орфографическое калькирование, с одной стороны, и воспроизведение звукового облика немецкого слова средствами русского алфавита, с другой — с особой наглядностью проявилось в освоении звонких взрывных согласных в словах из немецкого.

Так как в немецком языке «потеря звонкости свойственна b, d, g, z не только в конце слова, но и в конце корня или приставки, притом перед всяким согласным, не только перед глухим»,[1] то сложные слова из немецкого с первой частью сложения, оканчивающейся на звонкую согласную, в оформлении звуковой оболочки заимствованных слов на русской почве не могли избежать влияния этой закономерности немецкой орфоэпии.

Так, префикс «фелт-» — от нем. «feld» последовательно транслитерировался с глухим согласным в многочисленных словах из немецкого.

«По вся вечеры отдает он генералу фелтъ маршалу лейтенанту пароль...» (Устав воинский, стр. 13).

«Получил я письмо от господина генерала фелтьмаршала в Невле 22-го дня маия»... (Письма и бумаги, т. VII, стр. 801).

«В Любке велено сделать к службе же вашей 8 гоубиц до 14 фелтштук» (Письма и бумаги, т. I, стр. 237).

«До приказу командира знамен не свертывать, и фелтъ марш не бить». (О эксерциции, стр. 14).

«Генералу фелтъцейхмейстеру надлежит, как о фортификации, так и о артилерии... совершенное известие иметь». (Устав воинский, стр. 18).

Из 89 случаев употребления этого префикса в «Уставе воинском» только 4 отмечено с звонкой согласной, что безусловно говорит о преобладающем влиянии устного способа освоения этого префикса для Петровской эпохи, причем звонкий вариант встречается только в словах узкой сферы распространения.

[1] Н. Г. Гадд и Л. Я. Браве, Грамматика немецкого языка под ред. проф. Л. В. Щербы, М., 1947, стр. 9.

«Вышнеи и глава артилерии называется фелдъцеих мейстер...» (Устав воинский, стр. 7).

«Фелдь вебель» (Устав воинский, стр. 8).

Та же закономерность отмечается и в фонетическом освоении слова и префикса штап (stab).

«Полковой штап от инфантерии» (Устав воинский. стр. 100).

«Третие же от маеора до полковника, называютца штап офицеры» (О эксерциции, стр. 28).

«Штапные офицеры в полку суть последующие». (О эксерциции, стр. 32).

Из 52 случаев употребления этого слова и префикса в «Уставе воинском» также только 4 отмечено с звонким согласным.

Подобная закономерность прослеживается и в фонетическом освоении префиксов «лейп» (от нем. leid), «цейх» (от нем. zeig), «лант» (от нем. land), «валт» (от нем. wald). Так, в «Актах о высших государственных установлениях» совсем нет вариантов с звонкой согласной префикса «валт» (от нем. wald), а из 50 случаев употребления префикса «лант» 45 даются с глухим согласным, т. е. в форме «лант».

Размеры настоящей статьи не позволяют с достаточной полнотой проанализировать все случаи фонетического освоения звуков и звукосочетаний немецких слов, однако и приведенные факты свидетельствуют о том, что в фонетическом освоении подобных звуков и звукосочетаний Петровская эпоха отчетливо наметила два способа: книжный, письменный и устный.

О том, какой из этих путей является наиболее приемлемым, рациональным, во второй половине XVIII в. и в XIX в. не было определенного мнения.

В 1736 г. видный политический и общественный деятель Петровской эпохи В. Н. Татищев в письме к В. К. Тредиаковскому отмечал: «...Мы латинского, французского, немецкого языков слова выговариваем и пишем по их изглашению собственными нашими, а не их буквами, яко вместо... немецкого s пред t кладем ш.., зане они сами так выговаривают...»[1]

В таком утверждении В. Н. Татищев был прав лишь отчасти, так как «по изглашению», как «сами... выговаривают»,

---

[1] Письмо В. Н. Татищева к В. Н. Тредиаковскому в «Хрестоматии по истории русского языка», ч. II, вып. II, Учпедгиз, М., 1948, стр. 87.

«выговаривались» и писались далеко не все, например, заимствованные из немецкого слова военного и административного характера.

Так, если в освоении звонких согласных на стыке сложения основ и морфем соблюдались почти последовательно нормы немецкой орфоэпии, то транслитерацией немецких дифтонгов -ei- и -eu- в словах из немецкого эти нормы грубо нарушались. Транслитерация звонкими русского алфавита немецких b, d в префиксах и словах «фельд», «штаб», «лейб» в последующее время также привела к искажению фонетического облика слов языка-источника на русской почве, особенно в положении перед звонкими, сонорными и гласными, т. е. там, где в русском языке звонкие согласные не оглушаются, например, в словах: фельдмаршал, фельдмарш, штаб-офицер, лейб-гвардия и т. д.

Вряд ли можно признать правомерным «исправление» вариантов этих слов, утверждавшихся в Петровскую эпоху, т. к. они, не нарушая фонетической системы русского языка, были ближе по звуковому облику к словам языка-источника.

Конечно, орфографическая калька помогает восстановить этимологию иноязычного слова, «но нужно ли знать происхождение и первоначальный смысл иностранных слов? На это положительно можно ответить, что не надо: знать этимологию иностранных слов необходимо для науки, но для жизни нужно знать лишь предмет, обозначаемый иностранным словом».[1]

А коли так, то есть ли необходимость в искажении звукового облика заимствованного слова, если звуки и звукосочетания его не противоречат фонетической системе, орфоэпическим нормам заимствующего языка?

Если признать, что звуковой язык является главным средством общения между людьми, то сохранение звукового облика заимствованных слов способствует большей интернационализации их, увеличивая тем самым возможности взаимопонимания между людьми разных национальностей.

Отсюда, в лексикографической практике, в частности, при составлении исторического словаря русского языка XVIII в. необходимо учитывать только что рассмотренные факты и явления, в связи с чем вряд ли можно согласиться с составителем «Словаря иностранных слов, вошедших в русский язык

---

[1] Е. Ф. Карский, К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке, Варшава, 1910 г., стр. 13.

в эпоху Петра Великого»[2] в том, что в качестве основных вариантов заимствованных из немецкого слов военного и административного характера помещены варианты, канонизированные академическими словарями, а не те, которые были основными в Петровскую эпоху, например:

Вальдмейстер, wadlmeister, лесничий (Смирнов, 70).

Лантратор, см. Ландратор (Смирнов, 175).

Фелт-маршал, см. Фельдмаршал (Смирнов, 306).

---

[1] Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, Сборник отд. рус. яз. и словесности АН, том XXXVIII, № 2. СПБ, 1910.

А. В. ЯКУШКИН.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУСИЗМОВ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЯЗЫКАМИ

(на материале русско-мордовских языков)

Великая Октябрьская социалистическая революция сыграла огромную роль в духовной и культурной жизни малых народов бывшей царской России.

В годы Советской власти с успехом завершено языковое строительство в нашей стране. Около 50 национальностей СССР впервые получили письменность на родном языке, благодаря чему представители этих национальностей с помощью русского народа и других народов Советского Союза достигли выдающихся успехов в области просвещения, развития науки, культуры, техники и т. д.

Под благотворным влиянием русской культуры и русского языка успешно развиваются культуры и языки всех народов Советского Союза. Русский язык сыграл особенно большую роль в развитии литературных — прежде всего младописьменных — языков, в обогащении их словарного состава.

Обогащение словаря младописьменных языков обязано, в первую очередь, своим внутренним ресурсам. Однако русизмы, заимствование которых национальными языками особенно активизировалось после принятия ими русского алфавита и русской орфографии, также сыграли и продолжают играть в этих языках отнюдь не маловажную роль.

Влияние русского языка на языки народов СССР уходит своими корнями в глубокую древность. Оно в силу давних и тесных контактов между русскими и нерусскими народами было довольно сильным и до Октябрьской революции. И уже тогда в языки отдельных народностей попали русские

слова, обозначавшие новые для этих народов предметы и явления и выражающие определенные понятия и реалии.

Особенно чувствуется многовековое влияние русского языка на мордовские (мокша и эрзя) языки, в словаре которых русизмы составляют значительный процент и получили самое широкое распространение во всех сферах жизни.

Известный писатель Андрей Печерский (П. И. Мельников) указывает, что «из всех народов, так называемого, чудского или финского племени, обитающих в России, ни одно так не обрусело в настоящее время, как мордва, особенно та часть ее, которая живет в Нижегородском уезде и называется Терюханами. Здесь мордва уже совсем почти забыла свой язык и лишь в некоторых немногих деревнях женщины сохраняют еще остатки мордовского наряда, но и то с каждым годом встречается все реже и реже. Многочисленное мордовское племя Эрзя также наполовину обрусело.»[1]

Могучее ассимилирующее воздействие русского языка на мордовские языки и их диалекты особенно усилилось после революции, т. е. в период, когда мордовский народ, как и представители других национальностей, получил свою письменность на родном языке. Благодаря письменности стало возможным переводить сочинения великих русских писателей на мордовские языки. Переводная литература расширила рамки заимствованных слов из русского языка, став таким образом дополнительным источником обогащения словарей мордовских языков.

Однако интенсивность заимствования на различных этапах истории языка не была одинаковой. Об этом можно судить, исходя из сопоставления одной категории заимствований с другой. На основании такого сопоставления можно сделать вывод о том, что группа слов в мордовских языках восходит к корнеслову индоевропейского языка-основы, к ним относятся: сал «соль» (ср. лат. sal), медь, «мёд» (ср. др.-инд. madhu), лем, «имя» (ср. др.-инд. namen), ведь, «вода» (ср. гот. wato), сяда (эр. сядо) «сто» (ср. др.-инд. satám), азор, (эрз. азоро), «государь, глава, хозяин» (ср. др.-инд. ásura), пурхц (-а, -уз), (эрз. порсуз, пурсуз), «поросенок» (ср. индоир. parsa), одар «вымя» (ср. др.-инд. udhar), ýра (эрз. уру), «шило» (ср.

[1] Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского), т. 12, СПБ—М., 1898, стр. 1.

др.-инд. ara), сазор «сестра» (ср. др.-инд. svasar), меш (эрз. мекш) «пчела» (ср. др.-инд. maks «пчела, муха».[1]

Судить о том, каким путем попали данные слова в мордовские языки — прямым или косвенным — трудно. Но говорить о том, что они перешли в мордовские языки очень давно, возможно.

Более поздними заимствованиями представляются сóка «соха», óрта «ворота», бóран «баран», дóлата «долото», бóразна «борозда», пóталак «потолок», «мóлатка «молоток», пóмала «помело» и др., которые, по мнению специалистов, пришли в мордовские языки в 13 столетии.[2]

Обильным заимствование из русского языка в мордовские было в советский период. В ходе социалистического строительства в обиход вступает интернациональная лексика и параллельно с ней лексика советской эпохи — советизмы. Заимствованная новая лексика охватывает все стороны экономической и культурной жизни мордовского народа в условиях советского строя, образуя целые группы слов: 1) общественно-политические понятия: совет, депутат, партия, съезд, актив, агитатор; 2) административное устройство: район, область, директор, сельсовет, председатель, секретарь; 3) сельское хозяйство: колхоз, трактор, плуг, комбайн, ферма, бригада, звено; 4) промышленность: завод, фабрика, предприятие, цех; 5) область культуры и спорта: клуб, театр, кино, курорт, футбол, баскетбол; 6) научную терминологию: геометрия, алгебра, грамматика, философия и т. д.

Наряду с так называемой общественно-политической лексикой заимствован большой пласт лексики других тематических групп. И необходимо подчеркнуть, что данные слова настолько ассимилировались, настолько прочно вошли в речевую практику, что, можно сказать, вытеснили исконно мордовские. К ним относятся: рус. попытка, вм. морд. тяряфтома.

рус.	почти	вм. морд.	цёк,
	хромой	—„—	шамор,
	седой	—„—	шаржу,
	пар	—„—	шиньф,
	жидкость	—„—	шонгаркс,
	селезенка	—„—	шяче,
	победа	—„—	сяськома,

---

[1] В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 245—246.

[2] Вопросы языкознания, № 4, 1965, стр. 51.

рус.	глухарь	вм. морд.	сузи,
	стол	—„—	моркш, шра,
	игрушка	—„—	налхкш,
	дрожжат	—„—	тустт,
	сила	—„—	эрьгя,
	долг	—„—	шум и т. д.

В данном случае русские единицы заменили мордовские, которые в редкостных случаях могут еще употребляться в речи. В другом случае мордовские слова заменены русскими навсегда в силу того, что первые не известны большинству говорящих на мордовских языках, а русские слова понятны всем, например: шапка вместо такья, вазь; крышка, покрышка, навес — таваткс; пасмурный — сюне; брошка — сюлгам; сердцевина — сезом; закапризничать, расстроиться — ризакодомс; скотина — ракша; повадка — промоз; роща — пора; омут — орва; цапля — мчкорга; семья — тнал; мяч — топ; причина — туфтал; удочка — ульме; белка — ур; сирота — уроз; воз — усф; ячмень — чуж; сустав — эзне; ковш — эня и т. д.

В третьем случае необходимо выделить заимствования, сосуществующие с мордовскими. К ним относятся морд. эрек — рус. живой, бодрый, морд. эрьге — рус. сила; морд. шумбра — рус. здоровый; морд. шовама — рус. терка; морд. уське — рус. цепочка; морд. тюрема — рус. драка, морд. миле — рус. мешалка, весло и др.

В четвертом случае русские слова, заменившие мордовские, употребляются с суженным значением. Так, например, в большой эрзянской диалектной группе Торбеевского района Мордовской АССР и в такой же диалектной группе, распространенной в Горьковской области, бытует русизм «вéдра» в значении ведрó. Но «вéдра» обозначают не всякое ведрó, а только ведрó эмалированное и цинковое. Ведро же из деревянного материала уже не вéдра, а вéдьбарь, т. е. кадушка для воды. Этим же термином, вéдьбарь, носители данного говора именуют и кадушки меньших размеров. Большая кадушка для воды (около ворот или крыльца с водой на случай пожара и т. д.) — кадка.

Кроме того, для обозначения разновидностей лопаты использовано здесь слово гребалка. Но гребалка — только железная лопата, деревянная лопата сохраняет типичное национальное наименование — койме. Когда же говорят о лопате

вообще, безотносительно к тому, деревянная или железная она, то употребляется термин — лопатка и лопата.

Как в диалектах, так и в литературных языках функционирует русизм «бумага» в смысле документ. Бумага в широком смысле (лист бумаги, бумага вообще) здесь также называется конёв и кагод.

В Торбеевском диалекте и в мордовских говорах Горьковской области бумагу называют русским словом «ка́бала».

Наряду с заимствованием русизмов осуществляется процесс их освоения на основе учета особенностей фонетической, морфологической и синтаксической системы мордовских языков. В соответствии с этим мы, в первую очередь, должны отметить перемещение ударения в заимствованных из русского словах с не первого слога на первый, что является закономерностью многих финно-угорских языков и мокша-мордовского, в частности.[1]

Например: рус. бара́н — морд. бо́ран, рус. каба́к — морд. ка́бак, рус. вожжа́ — морд. во́жия, рус. коше́ль — морд. ко́шяль, рус. разоре́ние — морд. ра́заряма, рус. зерно́ — морд. зёрна, рус. дуга́ — морд. дога, рус. ведро́ — морд. ве́дра, рус. поле́но — морд. по́ляна, рус. помело́ — морд. по́мала, рус. поро́ша — морд. по́раша, рус. кала́ч — морд. ка́лаця, рус. звено — морд. звёна, рус. обы́чай — морд. о́быця, рус. голи́ца — морд. га́льця, рус. обижа́ть — морд. о́бжамс, рус. неде́ля — морд. не́дяля, рус. лоску́т — морд. ло́скод. рус. межа́ — морд. ме́жа, рус. молото́к — морд. мо́латка, рус. арши́н — морд. а́ршин, рус. отказа́ть — морд. а́тказамс, рус. бадья́— — морд. ба́дья, рус. борозда́ — морд. бо́разна, рус. бонда́рь — морд бо́ндарь и т. д.

При изучении и классификации заимствованных слов мы должны учитывать то, что часть мордовских диалектов находилась и находится в окружении акающих русских говоров. Поэтому не случайно в подавляющем большинстве русских заимствований мокшанского языка предударное **а** передается через **а**. Например: рус коза́ — морд. ка́за, рус. ови́н — морд. а́вон, рус. коса́ (женщины) — морд ка́са, рус. роса́ — морд. ра́са, рус. воро́нка — морд. ва́ра́мка, рус. добро́ — морд. да́бра́ и т. д. Это, во-первых. Во-вторых, следует принять во внимание также сохранение русского предударного **о** в заимствованиях из русского языка, которое в

[1] Ударение в Эрзя-мордовском языке не имеет определенного места, оно не фиксировано и может быть на любом слоге.

современных южнорусских и среднерусских говорах перешло в **а**. Данное обстоятельство не может не свидетельствовать о том, что носители мордовских языков (в частности мокшане) когда-то поддерживали связи и с носителями окающих говоров русского языка. Например: рус. соха́ — морд. со́ка, рус. долото́ — морд. до́лата, рус. молото́к — морд. мо́латка, рус. борозда́ — морд. бо́разна, рус. бара́н — морд. бо́ран, рус. потоло́к — морд. по́талак, рус. помело́ — морд. по́мала и другие.

Допускается мнение, согласно которому часть заимствований типа «сока», «боран» (баран) могла попасть в мокшанский язык и позже (после формирования говоров с южнорусским вокализмом) из севернорусских и среднерусских окающих говоров, которые в прошлом заходили далеко на юг.[1] Например, Д. В. Бубрих считает, что случаи вроде мокшанских о́рта «ворота», со́ка «соха» могут отражать южновеликорусское воздействие эпохи до возникновения южновеликорусского аканья, т. е. приблизительно XIII век.[2]

Процесс заимствования сильно изменяет звуковой облик слова, в результате чего иногда представляется трудным разобраться в сложных фонетических перипетиях.

Так, например, при заимствовании трехсложных русских слов наблюдается выпадение гласных (в большинстве случаев) второго слога, в результате чего эти заимствования в мордовских языках оказываются двухсложными. Например: рус. голица — морд. га́льця, рус. обижать — морд о́бжамс, рус. жалоба — морд. жа́лба, рус. капуста — морд. ка́пста, рус. пятница — морд. пя́денця (п'а́д'н'ц'а), рус. суббота — морд. (драк.) су́бта и т. д. Почему из состава приведенных слов выпали гласные И, А, О, У?

Природу этого явления можно объяснить только лишь законами общемордовского вокализма, где в безударном положении употреблялось большое количество редуцированных гласных, некоторые из которых (в силу своего положения) легко могли исчезнуть.

Заимствованные слова на почве мордовских языков подвергаются и другим изменениям, в числе которых закономерное замещение мягкой аффрикаты Ч, мягкой аффрикатой ЦЬ

---

[1] «Вопросы языкознания», № 4, М., 1965.
(См. статью В. И. Лыткина «Еще к вопросу о происхождении русского аканья, стр. 51).

[2] Там же.

в различных частях русских слов. Например: ц'ула́н — рус. чулан; ц'улка́ — рус. чулок, ц'ур — рус. чур; ц'уть — рус. чуть; ц'а́рка — рус. чарка, ц'угу́н — рус. чугун; пц'тай — рус. почти; о́быц'а — рус. обычай, ка́лац'а — рус. калач, да́ц'а — рус. дача; дань, подать; грац' — рус. грач; ц'ец'ави́ц'а — рус. чечевица; п'а́ц'камс — рус. пачкать; туц'а́ — рус. туча; мо́ц'а — рус. мочь; сила; мо́ц'к'а — рус. мочка (волокно, приготовленное для прядения); ко́ц'карга — рус. кочерга; кума́ц' — рус. кумач; кирпи́ц' — рус. кирпич; бо́ц'к'а — рус. бочка; ко́рхц'ага — рус. корчага и т. д.

Передача же твердой аффрикаты Ц в заимствованных из русского языка словах достигается в мордовских языках также при помощи мягкой аффрикаты ЦЬ.

Например: купец' — рус. купец; га́л'ц'а — рус. голица; кар'ми́л'ец' — рус. кормилец; крыле́ц' — рус. крыльцо; ц'ец'еви́ц'а — рус. чечевица. Данные примеры, однако, вовсе не свидетельство того, что в мордовских языках совершенно отсутствует твердый Ц. Наоборот, мордовские диалекты и литературные языки отчетливо различают две самостоятельные фонемы — твердую Ц с узкой сферой употребления и мягкую ЦЬ с широкой сферой употребления.[1]

Палатальное ЦЬ, не известное современному русскому литературному языку, довольно свободно функционирует в некоторых русских народных говорах, о чем сообщает В. Г. Орлова на страницах журнала «Вопросы языкознания».[2]

Не менее интересным в заимствованиях из русского языка является замена мягкого шипящего звука Щ, полумягким мордовским Ч, например: чако́лда — рус. щеколда (у калитки), чо́голь — рус. щеголь, чо́голендамс — рус. щеголять, чо́лок — рус. щелок, чалчо́к — рус. щелчок, че́пка — рус. щепка, чупа́мс — щупать и так далее.

Мы не случайно остановились на замещении русского Щ мордовским Ч только в абсолютном начале слова — в середине и в конце русских слов такая замена не наблюдается, сравните: рус. тощий — морд. тощо́й, рус. роща — морд. ро́ща, рус пища — морд. пи́ща, рус. плащ — морд. плащ, рус. помощь — морд. по́мощь и т. д. В связи с этим уместно отметить полумягкий характер звука Щ в мордовских язы-

---

[1] Ср. Ма́ца — ма́ця, ва́сца — ва́с'ц'а, симонца́ — симонця́.

[2] См. статью В. Г. Орловой «Типы употребления аффрикат как различительный признак русских народных говоров». Ж. «Вопросы языкознания», № 1, 1957, стр. 3—17.

ках, в результате чего данный звук следовало бы обозначить соответствующим знаком.

Довольно любопытным представляется и другое фонетическое явление — выпадение из состава русизмов начального губного В, например: с'а́кай→рус. всякий, с'а́кайкс—рус. всяко, всячески, с'т'амс — рус. вставать, о́рта — рус. ворота, рат'н'и́к — рус. воротник; ту́лка — рус. втулка; о́ражия — рус. ворожея; о́ражамс — рус. ворожить и т. д. Эта закономерность скорее всего убеждает нас в том, что в древности в мордовских языках звук В фигурировал крайне редко или даже совершенно не фигурировал. Об этом свидетельствует, очевидно, и фонетика слова Моску «Москва», заимствованного, по-видимому, очень давно и не имеющего в своем составе губного В.

В пользу того, что фрикативный В был мало известен мордовским диалектам, говорят многочисленные примеры. Достаточно указать на употребление в русских заимствованиях в мордовских языках заднеязычного К вместо губно-зубного В, на употребление К и Ф вместо Х и даже Ф вместо целых сочетаний из заднеязычных плюс губной, т. е. КВ, ХВ, ХФ, например: рус. кувшин — морд. ку́кшень, рус. левша — морд. лекшо́й, рус. хоть, хотя (союз) — морд. кыть, рус. хорёк — морд. карёк; рус пастух — морд. по́стуф, рус. квартира — морд. фате́ра, рус. хватать — морд. фа́тямс, рус. ухват — морд. уфа́т.

Рефлексы подобных замещений сохранились до настоящего времени. Например, в Малыклинском диалекте Эрзя-мордовского языка замена глухого звука Х звуком К и теперь считается вполне обычным явлением. Носители этого диалекта произносят: пасту́к — вместо рус. пастух, колко́йс — вместо рус. колхоз, ки́трай вместо рус. хитрый и т. д.

Говоря о неупотребительности и правомерности замены отдельных согласных звуков, необходимо остановиться на следующем факте. Часть ранних заимствований из русского языка обнаруживает на месте твердого фрикативного согласного В твердый боковой согласный Л (например: тикла́ — рус. тыква), а некоторые заимствования иллюстрируют в том же положении обычное слоговое У, например: морд. уда́ва— рус. вдова, у́нук (уныk) — рус. внук, морд. удаво́й — рус. вдовый, вдовая).

Данные формы полностью совпадают с таковыми южновеликорусского наречия и подтверждаются положениями зна-

тока русских говоров проф. П. С. Кузнецова, указывающего на то, что в «фонетическом отношении большинство южных говоров характеризуется... изменением звонкого согласного В в У — неслоговое в положении перед согласным и на конце слова, а в начале слова перед согласным — в обычное слоговое У, например: удова — «вдова», унук — «нук», у лес — «в лес».[1]

Мы считаем приведенные выше формы древними и объясняем их не чем иным, как прямым результатом того огромного исторического влияния, которое оказали на мордовскую речь носители южновеликорусского говора в период существования тесных контактов между этими двумя народами.

При изучении заимствованных слов необходимо четко представлять то, к какой языковой структуре относится язык — источник и к какой языковой структуре относится язык, заимствующий словарные единицы из этого источника. Уяснение данного вопроса поможет разобраться в лабиринте тех изменений, которым подвергаются заимствованные слова в «чужой» языковой среде, и понять природу тех отклонений, которые допустимы в сфере заимствованных слов. Так, например, когда говорим о русских заимствованиях в мордовских языках, то ясно понимаем, что мордовские языки, относящиеся к агглютинативной группе языков, заимствуют слова из русского языка, который относится к группе флективных языков. Понимаем мы и то, что каждый из этих языков пользуется, естественно, своими типичными, выработанными в течение многих столетий ресурсами и специфическими средствами для выражения тех или других отношений или значений. Для примера обратимся к категории вида—характерной черте русского глагола. Вспомним, что одним из продуктивных типов видовой корреляции в русском языке является соотношение бесприставочных и приставочных глаголов с приставками грамматического значения, сравните: писать — написать, строить — построить, делать — сделать, белить — побелить и т. д.[2]

Мордовским же языкам приставки совершенно не свойственны. Функции русских приставок выполняют здесь соответствующие «прилепы», суффиксы. Отсюда и особенности образования видовой корреляции.

---

[1] П. С. Кузнецов, Русская диалектология, М., 1960, стр. 80, § 64 и стр. 149, § 129.

[2] Грамматика русского языка, т. 1, изд. АН СССР, М., 1960, § 717, стр. 453.

Глаголы несовершенного вида в мордовских языках образуются от глаголов совершенного вида (в русском языке, наоборот, совершенный вид образуется от несовершенного) при помощи суффиксов Л, Н, С, Ч, и т. д., например: эрз. и мокш. сёрмадомс («написать» — сёрмамс (мокш. «сёрматкшнемс) «писать», эрз. и мокш. лисемс «выйти» — лиснемс (мокш. лиснемс, лисендемс, лисенкшнемс) «выходить», эрз. и мокш. якамс «походить» — яксемс — «похаживать» и т. д.[1]

Следовательно, приставочные глаголы русского языка в процессе их заимствования мордовскими языками теряют свои префиксы и вступают в речевой обиход со значением глаголов совершенного вида. Например: ве́нця́мс — рус. обвенчаться; гра́бамс — рус. грабить; га́лошкодомс — рус. оголиться; ва́лямс — рус. завалять, засыпать; валя́ндамс — рус. поваляться; крутя́мс — рус. закрутить; по́здамс — рус. опоздать, запоздать; ко́рендамс — рус. укорить; пя́цькамс — рус. испачкать; магни́чендамс — рус. намагнитить; мядондамс — рус. помять, смять, измять; валяндамс — рус. свалять (валенки); грузямс — рус. погрузить, нагрузить; красендамс — рус. окрасить, покрасить; бунтавамс — рус. взбунтоваться; вербовандамс — рус. завербоваться; гразямс — рус. угрожать; дикайгодомс — рус. одичать.

Данные глаголы представляют материальную базу для образования соответствующих глаголов несовершенного вида; например: венцямс «обвенчаться» — венцякшнемс «венчать (ся)»; грабамс «ограбить» — грабсемс «грабить»; поздамс «опоздать» — познемс «опаздывать» и т. д.

Довольно своеобразные изменения претерпели русские заимствования, представляющие в языке-источнике чистые основы и относящиеся к первому склонению мужского рода и к третьему склонению женского рода. У данной группы слов изменения в фонетике вызваны за счет развития у них окончания а-я в формах именительного падежа единственного числа. Например: морд. гужа — рус. гуж; морд. горна — рус. горн; морд. грамма — рус. грамм, морд. дёрна — рус. дёрн, морд. вымысла — рус. вымысел; морд. мысля — рус. мысль; морд. нерва — рус. нерв; морд. нефта — рус. нефть, морд. остатка — рус. остаток; морд. метра — рус. метр; морд. плуга — рус. плуг; морд. рака — рус. рак; морд. веща — рус. вещь; морд. йода — рус. йод; морд. миллиметра — рус. мил-

[1] М. Я. Талабаев, Эрзянь келень грамматика. Васеце пялькс Саранск, 1957, стр. 140.

лиметр; морд. механизма — рус. механизм; морд. мотоцикла — рус. мотоцикл; морд. отрасля — рус. отрасль; морд. снимка — рус. снимок; морд. танка — рус. танк; морд. продукта— рус. продукт; морд. корма — рус. корм; морд. царизма — рус. царизм; морд. фрукта — рус. фрукт; морд. тигра — рус. тигр и так далее.

Ударение в этих словах перемещений почти не испытывает, кроме единичных случаев вроде гужа́ «гуж», ка́рася «карась», быка́ (или бука́) «бык», уса́ «ус» и т. д.

Несколько иначе обстоит дело в мордовских языках с заимствованием слов мужского рода первого склонения на ОК типа рынок, подарок. Из конечного слога данных слов последовательно выпадает гласный звук О, в результате чего образуются сочетания двух согласных (из переднеязычного и заднеязычного согласных звуков): нк, рк, дк, тк, ск и др.

Но закономерность выпадения звука О компенсируется закономерностью развития нового окончания — А в этих словах, например: морд. рынка — рус. рынок; морд. подарка — рус. подарок; морд. заработка — рус. заработок; морд. припадка — рус. припадок; морд. участка — рус. участок; морд. бруския — рус. брусок; морд. беспорядка — рус. беспорядок; морд. валенця — рус. валенок; морд. молатка — рус. молоток; морд. остатка — рус. остаток и т. д.

О чем говорит выпадение звука О в этих словах? Оно говорит о том, что данные слова русского языка заимствованы мордовскими языками очень давно, еще в эпоху общемордовского языка-основы, когда употребление звуков О и Э в безударных слогах было нетерпимым.

В настоящее время под воздействием живой русской речи наметилась тенденция к двувариантному произношению этих слов, а именно: помидора и помидор, миллиметра и миллиметр, комбайна и комбайн, механизма и механизм и т. д.

Таким образом, мы наблюдали процесс фонетического освоения русских заимствований мордовскими языками. Изучение данного процесса помогает проследить историю развития языка, помогает восстановить историческую картину звукового строя языка.

Мы рассмотрели основные пласты заимствованной русской лексики в составе мордовских языков, лексики, охватывающей почти все сферы человеческой деятельности.

Достаточно привлеченного материала, чтобы убедиться, что процессы заимствования и освоения осуществляются не

по законам инерции, а довольно сложными методами и трудными путями. Заимствованные слова на «неродной» почве претерпевают самые неожиданые, непредвиденные и необычные для них изменения разнообразного характера. После этого заимствования начинают фигурировать в языке наравне с родными, исконными единицами речи.

Говоря о закономерностях заимствования, не следует забывать о той великой роли, которую заимствованные слова играют в истории языка. А роль заимствований поистине важна — они, не заслоняя собственных ресурсов заимствующего языка, обогащают язык, делают его более гибким и многогранным.

В. Ф. БАРАШКОВ.

РУССКИЙ ЯЗЫК У ЭСТОНЦЕВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время, как отмечено в Программе КПСС, «русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества народов СССР».[1]

В связи с этим несомненный интерес для науки и практики представляет изучение особенностей распространения и употребления русского языка среди различных групп нерусского населения. Здесь возникает большое количество общих и частных проблем и вопросов как внутриязыкового, так и внеязыкового характера.

Важным, в частности, представляется исследование процессов распространения русского языка, с одной стороны, в сплошных, так называемых «материковых» массивах нерусского населения, с другой — в тех компактных, но относительно малочисленных национальных группах, которые в силу различных причин оказались обособленными от основных массивов своей нации.

Наблюдения над русским языком эстонцев Ульяновской области, составляющие основу данной заметки, и были произведены в связи с тем, что:

1) на указанной территории эстонцы составляют несколько компактных, но относительно малочисленных групп населения, по существу полностью обособленных от основной массы эстонского народа;

2) они проживают здесь внутри больших массивов русского населения на протяжении довольно длительного периода (80—90 лет);

---

[1] Программа и Устав КПСС. Москва, 1962 г., стр. 134.

3) система эстонского языка — языка прибалтийской группы угро-финской языковой семьи — во многих отношениях резко отличается от системы русского языка.

* * *

По данным Всесоюзной переписи населения в 1959 году в Ульяновской области проживало около 800 эстонцев.[1] Они сосредоточены в основном в шести небольших селениях правобережной части области. К числу этих селений относятся: село **Смородино** Сенгилеевского района, село **Светлое озеро** Тереньгульского района, пос. **Красная Эстония** Карсунского района, пос. **Никольский** Инзенского района, пос. **Ломы** и пос. **Широкий** Ульяновского района.

Все названные селения, за исключением двух последних, находятся на значительном расстоянии один от другого. В результате связи между эстонцами разных селений носят случайный, эпизодический характер.

Более тесные контакты существуют между эстонцами пос. Ломы и пос. Широкого, т. к. эти селения расположены довольно близко один от другого (не более 3 км.) и составляют одно отделение совхоза «Красная звезда».

Переселение эстонцев в пределы области относится к 70—80 гг. прошлого столетия. Тогда группами эстонцев-переселенцев в разных местах бывшей Симбирской губернии были арендованы участки помещичьей и общинной земли и основаны названные выше селения.[2]

Позднее были частичные переселения эстонцев как внутри области, так и за ее пределами. Но в основном современное эстонское население области состоит из потомков первых эстонских переселенцев.

С момента возникновения и до 30-х годов текущего столетия, т. е. в течение более 60 лет, все названные селения оставались чисто эстонскими. На протяжении всего этого времени, как правило, сохранилась национальная чистота эстонской семьи, смешанные в национальном отношении браки тогда были большой редкостью.

До Октябрьской социалистической революции известные ограничения наблюдались и в отношениях эстонской общины

---

[1] Население Ульяновской области. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. Ульяновск, 1961.

[2] П. Мартынов. Селение Симбирского уезда. Симбирск, 1904 г., стр. 44. Эстонцы в Симбирской губернии. Симбирская земская газета, 1879 г., №№ 149, 153, 154.

с окружающим неэстонским населением. Этому способствовало, в частности, и то обстоятельство, что по своему вероисповеданию все эстонцы были католиками-протестантами.

После Октября 1917 года, особенно в связи с коллективизацией сельского хозяйства, возникли условия, способствовавшие значительному усилению разнообразных культурно-экономических и общественных связей между эстонцами и местным неэстонским населением.

В это время в основанных эстонцами поселках стали селиться русские, реже — мордва и чуваши, пользующиеся в условиях разнонационального населения преимущественно русским языком. Эстонские поселки превратились в смешанные по национальному составу жителей селения. При этом жителей-неэстонцев в большинстве селений оказалось больше, чем эстонцев. Так, в поселке Смородинном по данным Артюшкинского сельсовета на 15 января 1965 года из 114 хозяйств эстонцев не было в 81; в пос. Ломы из 76 хозяйств эстонцев не было в 39 и т. д. Более компактное эстонское население сохраняется лишь в поселке Широком Ульяновского района. В январе 1965 года в этом поселке было 22 хозяйства, из которых 19 являлись чисто эстонскими, а 3 — смешанными, русско-эстонскими.

В условиях общего усиления связей эстонского населения с местными жителями-неэстонцами распространенными стали этнически смешанные браки. В настоящее время из 37 эстонских семей пос. Ломы 19 являются смешанными, из 33 эстонских семей поселка Смородинного смешанными являются 12. В поселке Красная Эстония из 22 эстонских семей 13 являются смешанными.

В смешанных семьях чаще наблюдается такой состав, когда муж — эстонец, жена — русская; реже встречаются смешанные семьи, в которых муж — русский, а жена — эстонка.

Дети в смешанных семьях официально числятся то русскими, то эстонцами.[1] Но в целом можно отметить, что в последние 10—15 лет в смешанных семьях родители чаще официально записывают детей русскими.

* * *

Первые эстонцы-переселенцы, прибывшие в бывшую Сим-

[1] В одной из семей пос. Ломы, где отец — украинец, а мать — эстонка, дочь 1945 г. рожд. официально числится эстонкой, а сын 1948 г. рожд. и дочь 1950 г. рожд. записаны русскими.

бирскую губернию в начале 70-х годов прошлого столетия, по существу не знали русского языка. Лишь отдельные из них кое-как изъяснялись по-русски и осуществляли связь с окружающим местным населением. «Незнакомство с русским языком служило немалым препятствием для переселенцев...», — отмечал автор очерка «Эстонцы в Симбирской губернии», рассказывая о первом периоде пребывания эстонцев на новом месте[1] Как вспоминает 80-летняя Лидия Варол, родившаяся и состарившаяся в селе Смородине, «Отцы, матери умерли, не могли по-русски», т. е. так и не научившись говорить по-русски. Мать возила ее с собой на базар, используя в качестве переводчицы.

На протяжении более 50 лет русским языком пользовались сравнительно немногие эстонцы, преимущественно мужчины. Не приходится и говорить о том, что в семьях безраздельно господствовал эстонский язык. На эстонском же языке в то время осуществлялось и начальное обучение детей.

Широкое распространение среди ульяновских эстонцев русский язык получил в послереволюционный период. В настоящее время здесь по существу нет эстонцев, которые бы не владели русским языком.

Однако по степени владения русским языком современное эстонское население Ульяновской области оказывается заметно неоднородным. По этому признаку могут быть выделены следующие группы эстонцев.

1. Лица, свободно владеющие русским языком без сколько-нибудь заметных, так называемых акцентных особенностей.

2. Лица, в целом свободно владеющие русской речью, но сохраняющие в ней акцентные особенности, обусловленные своеобразием системы эстонского языка.

3. Лица, говорящие по-русски, но с резко выраженным акцентом.

С учетом этих признаков и возраста в селе Смородино было обследовано 63 эстонца (дети в смешанных семьях при этом не принимались в расчет). В результате выяснилась такая картина.

---

[1] Эстонцы в Симбирской губернии. Симбирская земская газета, 1879 г., № 153.

Возраст / Группы по степени влад. русским языком	Родившиеся до 1920 г.	Родившиеся после 1920 г.
1. Свободно, без акцента	6 чел. (18%)	28 чел. (93%)
2. Свободно, но с акцентом	22 чел. (66%)	2 чел. (7%)
3. С резким акцентом	5 чел. (15%)	—
Всего	33 чел. (100%)	30 чел.

Примерно такая же картина наблюдается и в других эстонских селениях области. Исключение составляет лишь поселок **Широкий,** где в связи с большей однородностью эстонского населения заметно возрастает число говорящих по-русски с акцентом.

В настоящее время в семьях, где оба родителя — эстонцы, дети первоначально овладевают речью обычно на эстонском языке. Но уже в дошкольном возрасте они, как правило, усваивают и русский язык. Двуязычие в таких условиях охватывает все **детское** эстонское население и сохраняется довольно устойчиво. При этом русский язык характеризуется более широкой сферой использования.

Влияние первоначально усвоенного эстонского языка на русскую речь детей-эстонцев, пожалуй, проявляется лишь в период освоения русского языка. Постепенно уже в дошкольном возрасте это влияние исчезает, и в первых классах начальной школы ученики-эстонцы говорят по-русски без сколько-нибудь заметного акцента.

Иное положение в отношении двуязычия детей характерно для смешанных семей, где лишь один из родителей владеет эстонским языком.

Как уже отмечалось, по национальности в таких семьях дети записываются то русскими, то эстонцами. Однако даже записанные эстонцами часто совершенно не знают эстонского языка. Это обычно наблюдается в семьях, где матери русские и нет дедушек и бабушек, говорящих по-эстонски. Даже тогда, когда мать — эстонка, а отец — русский, дети сразу учатся говорить по-русски, если в семье нет старших членов — эстонцев.

Так, из 12 смешанных семей села Смородина дети записаны русскими лишь в 4, а в 8 — эстонцами, но лишь в 2-х владеют и русским и эстонским языком, а в 10 — только русским.

* * *

Переходя к непосредственной характеристике особенностей русской речи эстонцев, должен еще раз подчеркнуть то, что в разных группах эстонского населения Ульяновской области эти особенности оказываются различными.

Так, у лиц, свободно владеющих русским языком без сохранения акцентных особенностей, качества русской речи определяются своеобразием окружающей русско-диалектной среды.

У тех эстонцев, которые сохраняют акцентные особенности своей русской речи, качество последней во многом зависит от степени сохранения акцентных особенностей осложненных влиянием местной диалектной среды.

Акцентные особенности, как отмечено, наиболее ярко проявляются в русской речи старшего поколения эстонцев. Они обычно имеют фонетический и морфолого-синтаксический характер. Ниже указаны некоторые из этих особенностей.

1. Смешение звонких и глухих согласных:
бло́хо (плохо), пы́л'и (были), пы́стра (быстро), томо́ф (домов), н'э моку́ (не могу), бобо́л'шэ (побольше).

2. Смешение шипящих и свистящих звуков:
по на́с'эму (по-нашему), н'эусна́с (не узнаешь), н'э сказу́ (не скажу), пос'илыјэ л'у́т'и (пожилые люди), то́зэ (тоже), од'о́зу (одежду).

3. Замена звука X звуком К:
кл'э́п (хлеб), соко́й (сохой), пр'ијэ́кал'и (приехали), происког'и́ло (происходило) и под.

4. Смягченное произношение звука Л:
был' (был), думал' (думал) и под.

5. Неразличение в ряде случаев твердых и мягких согласных: кону́шну (конюшню), д'эр'э́вну (деревню) и под.

6. Упрощение сочетаний согласных как в конце, так и в начале слова:
нуч'а́та (внучата), хо́рос (хворост), ка́л'и (ткали), набжда́ла (снабжала).

7. Смешение родовых форм слов:
по фс'ему́ рос'и́ју, в на́шэй кумн'э́ (гумне), урожа́й хоро́шой бы́л'о, т'о́тка бы́л'.

8. Разнообразные неточности в образовании грамматических форм слов:
хлопотай, п'э́т' по супо́т (петь по субботам), на вы́слал'и пр'и кр'эпосно́й пра́во.

9. Пропуск предлогов:
(у) ково́ jэдоко́ф по́л'шэ; т'о́тка (у) м'ин'а был'а; jа сама́ ру́ска (за русского) вы́шла.

За время наблюдений не было отмечено ни одного случая, когда бы эстонские слова использовались в русской речи эстонцев даже старших возрастов. Однако в микротопонимике сохраняются некоторые эстонские наименования, например, **Сурмяки** — большая гора, **Сурочк** — большой овраг и нек. др. (Смородино).

Понятно, что в русской речи большинства эстонцев так или иначе отражаются наиболее распространенные и устойчивые в данной местности особенности диалектной русской речи.

* * *

Подводя итоги наблюдениям, проведенным над русской речью эстонцев Ульяновской области, можно отметить следующее:

1. За время почти столетнего пребывания эстонцев на территории современной Ульяновской области русский язык получил среди них массовое распространение. Если при переселении в пределы области русским языком из числа переселенцев владели лишь единицы, то теперь среди местных эстонцев нет таких, которые бы не знали русского языка.

2. В настоящее время русский язык широко употребляется эстонцами во всех сферах бытовой, культурной и хозяйственно-экономической деятельности. Несколько уже сфера его использования в пос. Широком, где в большей мере сохраняется этническая однородность эстонской семьи.

3. Степень владения русским языком оказывается довольно высокой в разных группах местного эстонского населения. Однако старшее поколение эстонцев и до сих пор обычно сохраняет в русской речи разнообразные особенности, обусловленные своеобразием системы эстонского языка по сравнению с русским.

4. В местном варианте эстонского языка оказывается значительное количество русских слов. В то же время эстонский язык не оказал какого-либо воздействия на русскую речь коренного местного населения.

Г. И. СУВОРОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ НА ВНЕКЛАССНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Уже Ян Амос Коменский рассматривал процесс обучения как единый путь познания, постепенное развитие разнообразных знаний из единого общего корня. «Научные знания всей жизни должны быть так распределены, чтобы составлять одну энциклопедию, в которой все должно вытекать из общего корня и стоять на своем собственном месте».[1]

Для того, чтобы учащиеся получали разнообразные знания в определенной системе, все, что находится во взаимной связи, должно преподаваться в такой же связи».[2]

Особое внимание этому вопросу уделяла Н. К. Крупская, которая считала, что использование межпредметных связей является необходимым условием правильного разрешения задач коммунистического строительства. В своей статье «Диалектический подход к изучению отдельных дисциплин» она подчеркивала, что каждый предмет должен быть изучен со всех сторон, во всех его связях и опосредованиях,[3] так как преподавание любого предмета в тесной связи с другими предметами имеет большое значение для воспитания мировоззрения учащихся прежде всего, поскольку мировоззрение складывается не в процессе изучения отдельных предметов, а в процессе обучения в целом.

Межпредметные связи в значительной степени способствуют тому, чтобы учащиеся получали более глубокие знания по предметам школьной программы, помогают школьникам полнее ощутить пользу изучаемых предметов.

---

[1] Ян Амос Коменский, Избранные педагогические сочинения, Учпедгиз, 1955, стр. 279.

[2] Там же, стр. 287.

[3] Н. К. Крупская, Избранные педагогические произведения, Учпедгиз, 1957, стр. 584.

Не случайно в 5—8 классах стало уделяться больше внимания межпредметным связям в процессе обучения, в частности, на уроках русского языка.[1]

Межпредметные связи постепенно начинают занимать определенное место и во внеклассной работе по русскому языку, но, к сожалению, еще не достаточно. На наш взгляд, это объясняется в значительной степени следующим.

1. Многие учителя, готовясь к внеклассным мероприятиям, заботятся прежде всего о том, чтобы материал, подбираемый ими из различных пособий по внеклассной работе, имеющихся у нас в настоящее время в большом количестве, был интересным в познавательном и воспитательном отношении. Это является необходимым условием проведения любого внеклассного мероприятия. Кроме того, учитываются знания учеников, возрастные особенности детей, но при этом выпускается из поля зрения еще одна, не менее важная сторона: **осуществление межпредметных связей** во всех случаях, **где это возможно.**

2. В методической литературе специально вопрос о межпредметных связях на внеклассных занятиях по русскому языку не ставился, хотя мы уже имеем удачный опыт использования отдельными учителями на различных внеклассных мероприятиях фактического материала не только по русскому языку и литературе, но и по истории, географии, иностранным языкам и другим предметам.[2]

---

[1] См. например:

М. Я. Зайцев, О связи уроков русского языка с другими предметами в школе «Русский язык в школе», 1963, № 5.

В. Г. Любимцев, Использование краеведческого материала на уроках русского языка, сб. «Виды работ по развитию речи», Учпедгиз, 1963.

А. Н. Боброва, Развитие речи при изучении глагольных форм, Учпедгиз, 1963.

Г. И. Горская, Новое на уроках русского языка, Учпедгиз, 1963.

Г. И. Данеко, Наглядность при изучении русского языка в 5—8 классах, изд. 2, Просвещение, 1965.

[2] А. Т. Арсирий, Г. М. Дмитриева, Материалы по занимательной грамматике русского языка, ч. 1, Учпедгиз, 1963.

М. Л. Грызлова, Внеклассная работа по русскому языку, Учпедгиз, 1960.

А. Т. Кунгурова, Внеклассная работа по русскому языку, Ижевск, 1964.

На уроке и после урока (материалы по занимательной грамматике). Сборник статей из опыта учителей, Учпедгиз, 1962.

Е. П. Преображенская, Кружок русского языка в школе, Просвещение, 1966.

Задача данной статьи и состоит в том, чтобы, обобщив имеющийся опыт, наметить возможные пути осуществления межпредметных связей в процессе внеклассной работы по русскому языку.

1. Больше внимания стало уделяться на внеклассных занятиях и в младших, и в старших классах работе писателя над словом, которая помогает увидеть, какой огромный, напряженный труд лежит за простыми, ясными строчками; как вдумчиво, внимательно подходят писатели к выбору каждого слова, добиваясь точности, выразительности. Обычно эта работа организуется следующим образом: ученики получают для сравнения несколько вариантов одного и того же текста художественного произведения (чаще рассматриваются произведения, изучаемые в данном классе).

Школьники должны не только сравнить эти варианты, но и суметь объяснить исправления, внесенные писателем, пользуясь в случае необходимости толковым словарем.

Например, в рассказе А. М. Горького «Челкаш».

Первоначальные варианты.	**Окончательная редакция.**
1. Глаза **болели** от напряженного **исследования** тьмы. (болели—испытывали боль; исследование—научное изучение чего-н.).	Глаза **ломило** от напряженного **рассматривания** тьмы. (ломило — **кроме боли**, ощущали тяжесть, рассматривание — от глагола «рассмотреть» со значением «всматриваясь, распознать что-л. Именно от внимательного всматривания в темноту, кроме боли, в глазах появляется и тяжесть).
2. Он (Челкаш) видел перед собой человека, жизнь которого **застряла** в его волчьих лапах (застряла — плотно вошла, так, что трудно вынуть).	Он (Челкаш) видел перед собой человека, жизнь которого **попала** в его волчьи лапы (попала — оказалась, очутилась гд-н.).

В стихотворении А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

И к **гордому** старцу подъехал Олег (**гордый** — исполненный чувства собственного достоинства).

И к **мудрому** старцу подъехал Олег (**мудрый** — обладающий большим умом).

В повести А. С. Пушкина «Дубровский».

С крестьянами и дворовыми обходился он **жестоко** и своенравно (**жестоко** — беспощадно, безжалостно, крайне сурово).

С крестьянами и дворовыми обходился он **сурово** и своенравно (**сурово** — очень строго).

Подобные задания наглядно показывают ученикам необходимость умения кратко, точно и образно выражать свои мысли.[1]

II. Большую пользу учащимся приносят разнообразные упражнения, связанные с анализом языка художественных произведений: выбор слов, объяснение их значений, нахождение синонимов, архаизмов, работа с пословицами и поговорками и т. д. Так, например, на занятии «Приключения слов» после сообщения учителя о том, как рождаются и умирают слова, как изменяются с течением времени их значения, ученикам предлагается несколько отрывков из художественных произведений, в которых школьники должны найти архаизмы или слова, употребляющиеся в настоящее время с другим значением.[2] Например, у А. С. Пушкина:

«И славен буду я,
Доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит».

(«Памятник»; слова «доколь», «пиит» — устаревшие).

---

[1] Фактический материал для работы можно найти в следующих пособиях: Н. Н. Никольский, Учебное пособие по стилистике и литературному редактированию. Вып. 1, М., 1954; Е. П. Преображенская, Кружок русского языка в школе, Просвещение, 1966; М. Л. Грызлова, Внеклассная работа по русскому языку, Учпедгиз, 1960; Б. М. Щербатский, Занятия по стилистике в старших классах средней школы, Учпедгиз, 1951; Б. М. Щербатский, Упражнения по стилистике, Учпедгиз, 1959 и др.

[2] При изучении архаизмов по возможности следует указывать их стилистическую роль в тексте.

«С дружиной своей в царепрадской броне
Князь по полю едет на верном коне».

(«Песнь о вещем Олеге»; слово «дружина» имеет сейчас другое значение), и т. д.

В процессе работы с архаизмами в особую группу следует выделять историзмы, которые помогают яснее представить быт, обычаи определенной исторической эпохи. Например, в отрывке из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» от слов «В толпе могучих сыновей» до слов «и брашна неприятна им» ГРИДНИЦА — в древней Руси помещение при княжеском дворце, где жила младшая княжеская дружина; ЧАШНИКИ — в Московской Руси придворные чиновники, которые ведали питейными погребами.[1]

Продолжая на кружковых занятиях работу над синонимами, начатую на уроках русского языка, целесообразно познакомить учащихся с «Кратким словарем синонимов русского языка» В. Н. Клюевой. Рассказав о задаче словаря, его практической ценности, на конкретных примерах нужно показать школьникам, как построена словарная статья: сначала указывается то общее, что объединяет данные слова в синонимы, а затем с целью выяснения их различий объясняется значение каждого синонима, приводится иллюстративный материал. Например, слова РАЗГОВАРИВАТЬ, БЕСЕДОВАТЬ, БОЛТАТЬ, КАЛЯКАТЬ, ГУТОРИТЬ, являются синонимами, так как объединяются значением — вести разговор. Но **разговаривать** — это значит поддерживать общение с кем-н.; **беседовать** — вести деловой или задушевный разговор; **болтать** является разговорным словом и означает «вести разговор на несерьезную тему, говорить легко и непринужденно»; слово КАЛЯКАТЬ имеет то же значение, что и слово БОЛТАТЬ, но является просторечным, а слово ГУТОРИТЬ — то же, что разговаривать, но это областное слово.

После работы со словарем ученики иначе подходят к выполнению таких заданий, как, например: найти синонимы к глаголу «двигаться» в повести П. А. Павленко «Степное солнце» (отрывок «Поездка через перевал») или к глаголу «говорить» в «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя (отрывок «Рассказ о красной свитке»); вспомнить, в каком стихотворении встречаются слова **спаленная, нынешнее, доля, сечь, ликовал, сражение, молвил, очи, изведал, затеять,** и подобрать к ним

---

[1] Объяснение слов можно найти в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, Т. 1—4, М., 1949.

синонимы. Ребята не просто находят или подбирают синонимы, но пытаются объяснить, почему данные слова являются синонимами.

На материале художественных произведений ученикам предлагаются разнообразные упражнения и по фразеологии: ответить, в каких баснях И. А. Крылова встречаются фразеологизмы «ни охнуть, ни вздохнуть», «без драки попасть в большие забияки», «глаза разгорелись», и др.; в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (2 глава) в отрывке от слов «Приехав в Оренбург» до слов «Час от часу не легче» найти и объяснить значение употребленного там фразеологизма, а в отрывке от слов «Где же ты, вожатый?» до слов «Я ничего не мог тогда понять» найти пословицы и поговорки; привести примеры фразеологических выражений, пришедших к нам из фольклора («Кащей бессмертный», «по щучьему велению, по моему хотенью», «за тридевять земель», «сказка про белого бычка», «рожки да ножки» и др.), вспомнить, какие пословицы были использованы в качестве эпиграфов к отдельным главам повести «Капитанская дочка» («Береги честь смолоду» — 1 глава; «Незваный гость хуже татарина» — 8 глава; «Мирская молва что морская волна» — 14 глава) и т. д.

Такая работа обогащает словарь школьников, повышает культуру их речи.

III. Работа по фразеологии (так же, как и с историзмами) дает учителю возможность привлекать в качестве фактического материала не только художественные произведения, но и исторические данные: рассказывая о возникновении фразеологических оборотов, необходимо подчеркнуть, что происхождение некоторых устойчивых выражений можно объяснить с использованием исторического материала определенной эпохи. Например, выражение ПЕРЕЙТИ РУБИКОН связано с именем римского полководца Гая Юлия Цезаря, который, одержав ряд побед, решил овладеть верховной властью в Риме, перешел пограничную речку Рубикон, т. е. по-латыни «Красную речку» (она служила границей между Галлией и Италией); началась гражданская война. Цезарь победил и стал диктатором в Римском государстве. Из древней Руси, из языка приказных и судебных подъячих, пришло выражение **подлинная правда** — правда, которую вырывали у подсудимых при помощи подлинников, особых длинных палок; конечно, такая правда не всегда бывала правдой, так как из-

мученные пытками люди признавались и в том, в чем не были виноваты.

Выражение АННИБАЛОВА КЛЯТВА приписывается карфагенскому полководцу Аннибалу (или Ганнибалу), который рассказывал, что, когда ему было 10 лет, отец заставил его дать клятву всю жизнь быть непримиримым врагом Рима, превратившего Карфаген в свою колонию. Эту клятву Аннибал сдержал. Интересно происхождение выражения ЗАТРАПЕЗНЫЙ ВИД: Петр I передал основанную им ткацкую фабрику одному купцу — Ивану Затрапезникову. Фабрика изготовляла грубую и дешевую ткань. С тех пор о человеке в измятом, потрепанном и грязном платье говорят, что у него затрапезный вид.

Затем самим ученикам предлагается вспомнить (или найти к следующему занятию) выражения, которые пришли к нам из истории (коломенская верста; открыть Америку; подложить свинью; казанская сирота и др.), и объяснить их значение.[1]

Различные исторические и революционные события прошлого и настоящего помогают объяснить названия многих улиц, населенных пунктов. Например, в северной части г. Ульяновска есть два небольших переулка, название которых напоминает о тех суровых днях, когда в ожесточенных боях с врагами рождалась молодая советская республика. Это переулки Новикова и Белова, активных участников становления Советской власти в Симбирске (Ульяновске), героически погибших в 1918 г. Улицы Воробьева и Великанова названы в честь командиров Первого Симбирского и второго Симбирского полков Железной дивизии, освободившей наш город от белогвардейцев; улица Кузнецова носит имя отважного пулеметчика, нашего земляка, погибшего в бою с японо-маньчжурскими захватчиками, которые вторглись на советскую территорию 30 января 1936 г. и т. д. Этот материал обычно воспринимается с интересом, будит мысль учащихся, развивает у них внимание к событиям сегодняшнего дня.

IV. Проводится на внеклассных занятиях по русскому языку, правда, еще сравнительно редко, работа с географическими названиями. Учащиеся совершают увлекательные пу-

[1] Сообщения по истории выражений учащиеся могут подготовить по следующим пособиям: М. Булатов. Крылатые слова, Детгиз, 1958; Э. Вартаньян, Из жизни слов, Детгиз, 1960; Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина, Крылатые слова, М., 1966; И. Уразов, Почему мы так говорим, М., 1956; Е. В. Язовицкий, Говорите правильно. Пособие для учащихся, Изд. «Просвещение», М.-Л., 1964, и др.

тешествия по карте, объясняя происхождение географических наименований, выясняя, как они связаны с природными особенностями местности, с именами людей и т. д.

Особенно большой интерес у школьников вызывает вопрос о происхождении местных географических названий, так как местный материал близок детям, глубже знакомит их с историей родного края, его природой (например, на занятии «Знаешь ли ты?» пятиклассники средней школы № 7 г. Ульяновска узнали, что одни названия в Ульяновской области появились в связи с географическими особенностями местности — Вязовка, Сосновка, Овражки и др., некоторым населенным пунктам названия были даны по личным именам — Языково, Радищево, Аксаково, Тургеневка и т. д.).

Тематика занятий может быть разнообразной: «Новые времена — новые названия», «Почему мы так говорим?», «Имя города», «Знаете ли вы?» и т. д. Ученики с удовольствием слушают сообщения учителя и своих товарищей на указанные темы и выполняют разнообразные задания, способствующие запоминанию написания географических названий (решают кроссворды, отгадывают шарады, метаграммы, загадки-шутки).[1]

Например:

1. Назовите: а) две реки Казахстана, из которых одна по-русски междометие, другая — союз, б) город Грузии — местоимение.

а) Чу, Или; б) Они.

2. Кроссворд «Антарктида».

В горизонтальные клетки вписать 13 слов следующих значений:

1. Дизель-электроход, на котором отправилась к Южному полюсу советская комплексная экспедиция.

2. Водный покров Земли.

3. Крайняя точка воображаемой оси вращения Земли.

---

[1] Интересный материал можно найти в книгах А. Т. Кунгуровой «Внеклассная работа по русскому языку», Ижевск, 1964, Е. П. Преображенской «Кружок русского языка в школе», «Просвещение», 1966.

См. также: В. А. Никонов, Краткий топонимический словарь, Изд. «Мысль», М., 1966; М. Н. Мильхеев, Географические имена, Учпедгиз, 1961; В. Ф. Барашков, Из материалов к изучению топонимии Ульяновской области, «Русский язык в школе и вузе», вып. II, Ульяновск, 1966, и др.

4. Тип парусного судна, на котором русские мореходы открыли Антарктиду.

5. Морской лед, примерзший к берегам.

6. Название поселка советской экспедиции в Антарктиде.

7. Название одного из кораблей, на котором русские исследователи открыли Антарктиду.

8. Специалист, изучающий Землю, ее поверхность, распределение на ней живой природы.

9. Морское млекопитающее животное подотряда зубастых китов.

10. Ненастье с сильным разрушительным ветром.

11. Один из первооткрывателей Антарктиды.

12. Плавучая ледяная гора.

13. Полярная плавающая птица.

Если слова найдены правильно, то по вертикали читается фамилия выдающегося русского мореплавателя.

(1. Обь. 2. Океан. 3. Полюс. 4. Шлюп. 5. Припай. 6. Мирный. 7. Восток. 8. Географ. 9. Кашалот. 10. Буря. 11. Лазарев. 12. Айсберг. 13. Пингвин. 14. Беллинсгаузен).

2. Какую реку Карельского перешейка образуют 5 предлогов и союз? (Вуокса).

Какой приток Днепра образован предлогом и числительным? (Припять) и т. д.

Воспитательная и познавательная ценность подобных занятий не подлежит сомнению: они способствуют расширению кругозора школьников, обогащению их знаниями, развивают такие качества, как внимание, любознательность.

V. С целью осуществления межпредметных связей на внеклассных занятиях по русскому языку при изучении любой темы может быть использован также материал изучаемого в данном классе иностранного языка. Например, на занятии, посвященном пословицам и поговоркам (их роли в русском языке, структурным особенностям), ученикам предлагается перевести несколько пословиц с немецкого (или английского) языка на русский.[1] В беседе выясняется, как дети понимают их, подбираются соответствующие русские пословицы. В результате этой работы школьники на конкретных примерах убеждаются в том, что дословно с одного языка на другой пословицы не переводятся.

---

[1] Это задание может быть дано заранее на дом, а на занятии только проверяется его выполнение.

Ср. **Немецкий язык**	**Русский язык**
Guter Rat kommt über Nacht (хороший совет приходит на ум после сна).	Утро вечера мудренее.
Rastest du, so rostest du (когда ты бездельничаешь, ты покрываешься ржавчиной).	Под лежачий камень вода не течет.
Erst die Arbeit, dann das Spiel (сначала работа, а потом игра).	Кончил дело — гуляй смело.
Английский язык	
What is done cannot be undone (сделанного не воротишь).	Что с возу упало, то пропало.
Little pigeons can carry great messages (маленькие голуби могут нести важные сообщения).	Мал, да удал. Мал золотник, да дорог.
Better an egg today than a hen tomorroue (лучше яичко сегодня, чем курочка завтра).	Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки.

Тема «Иноязычные слова в русском языке» дает учителю возможность познакомить школьников с различными путями заимствования слов русским языком из других языков, с особенностями употребления иностранных слов, с изменениями, происходящими в словах-пришельцах, в частности, в их значении (например, слово **кекс** в английском языке означает «пирожное, торт, кекс, лепешку, плитку, таблетку», в русском языке **кекс** — «сдобное сладкое печенье в виде хлеба, обычно с изюмом», **лозунг** в немецком языке — «жеребьевка, пароль, лозунг», а в русском языке — 1) призыв, 2) плакат с таким призывом, и т. д.).

На одном из занятий по фонетике школьникам можно рассказать, что иногда иноязычное происхождение слов можно определить без помощи словаря: по одной или нескольким фонетическим приметам. Например, в словах **компот, ковбой** сочетание губных согласных; в словах **океан, ягуар** сочетание гласных звуков, в слове **чемпион** сразу две фонетические приметы: сочетание губных согласных и сочетание гласных звуков, и т. д.

На занятии «Из истории имен существительных» учащиеся получают задание: определить род заимствованных существительных **тема, схема, кашне, бюро, лозунг, галстук, ярмарка,** попытаться объяснить, чем вызвано изменение рода у этих слов в русском языке по сравнению с теми языками, от-

куда они к нам пришли (существительные **тема, схема** в греческом языке среднего рода; **кашне, бюро** во французском языке мужского рода; слова **лозунг, галстук, ярмарка** заимствованы из немецкого языка, где **лозунг** — женского рода, **галстук** — среднего, а **ярмарка** — мужского рода. Эти сведения сообщает школьникам учитель). Сопоставив данные существительные с русскими словами (например, река, поле, окно, дом и др.), ученики приходят к выводу, что заимствованные слова подчиняются грамматическим правилам русского языка.

Практика показывает, что сопоставление русского и иностранного языков вполне осуществимо и дает положительные результаты: воспитывает интерес к занятиям языком, любовь к языку. При этом необходимо стремиться к тому, чтобы задания на иностранном языке соответствовали уровню знаний учащихся, были связаны с темой занятия и с заданиями на русском языке, не превалируя над ними.

VI. Одним из эффективных средств осуществления межпредметных связей на внеклассных занятиях по русскому языку является и работа по этимологии, которая позволяет познакомить учащихся, например, на занятии «Знаешь ли ты историю этих слов?», не только с жизнью слов из «трудного словаря» (искусный, обаятельный, багровый, стрекоза), новых слов, появившихся в связи с полетами в космос (космонавт, космодром, прилуниться), но и языковедческих, литературоведческих, математических, географических и других терминов.[1]

Например: **координата** (величина, которая определяет положение точки на плоскости или в пространстве) — лат., приставка **КО** — (соответствует русской СО-) и причастие **ОРДИНАТУС** — приведенный в порядок;

КОСИНУС (тригонометрическая функция угла) — лат., приставка **КО-** (русская СО-) и **СИНУС** — кривизна, извилина. Буквально: связанный с синусом. (И действительно: косинус в тригонометрии — это синус дополнительного угла);

РАДИЙ (химический элемент) — **лат., РАДИУС — луч;**

АСТРОНОМИЯ (наука о строении и развитии небесных тел и всей вселенной) — **греч., АСТРОН** — звезда, **НОМОС** — закон. Буквально: звездозаконие;

---

[1] Материал должен подбираться с учетом возрастных особенностей учащихся.

ЭКВАТОР (воображаемый круг, делящий земной шар на северное и южное полушария) — лат., «уравнитель» (от **ЭКВУЄ** — равный);

СИНТАКСИС — греч., **СИН-** (приставка соответствует русской СО-), **ТАКСИС** — устроение, упорядочение, и т. д.

К сожалению, этому материалу не уделяется еще должного внимания ни на уроках (по русскому языку и по соответствующим дисциплинам), ни во внеклассной работе, хотя польза его не вызывает никакого сомнения. Этимологию терминов учитель сможет найти в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской, Учпедгиз, 1961, в этимологическом словарике школьника Л. В. Успенского «Почему не иначе?», изд. «Детская литература», М., 1967; в «Словаре иностранных слов» под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова, М., 1955.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

Привлечение для работы на внеклассных занятиях по русскому языку фактического материала по литературе, географии, иностранным языкам и другим предметам имеет большое воспитательное и познавательное значение: расширяется кругозор школьников, обогащается их словарь, развивается речь, языковое чутье, воспитывается любовь к родному языку. Межпредметные связи помогают изучить те или иные явления во всей полноте, разносторонности, взаимосвязи, способствуют развитию таких качеств, как внимание, любознательность.

Ю. И. ЩЕРБАКОВ

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ТИПА «ИХ БЫЛО ТРОЕ»)

В современном языкознании на предложения данного типа существует несколько различных точек зрения:

1) Двусоставное предложение с расчлененным подлежащим (А. А. Шахматов, В. А. Добромыслов, Д. Э. Розенталь и др.).

2) Двусоставные с родительным субъекта и именным сказуемым (А. Н. Гвоздев).

3) Безличные предложения с именительным количества («нечто среднее между личным и безличным предложением: глагол имеет безличный смысл (ни с чем не согласован), а при нем есть подлежащее (имен. пад.)» — А. М. Пешковский).

4) Безличные предложения (Академическая грамматика, А. Е. Супрун, Е. С. Скобликова и др.).

А если еще учесть, что подобные предложения без глагола (Их трое; Нас пятеро) А. А. Шахматовым рассматриваются как нарушенные, где подлежащим является только числительное, а местоимение — дополнением при нем; что Академическая грамматика рассматривает как безличные только предложения безглагольные (Нас пятеро; Нас трое приезжих) и обходит предложения глагольные (Нас было пятеро и т. д.), то станет очевидной довольно-таки пестрая картина.

Все названные авторы не занимались специально исследованием предложений данного типа, а лишь попутно (главным образом в вузовских учебниках) высказывали свое отношение к этому типу предложений.

Очевидно, что только **всесторонний** анализ достаточно **большого** фактического материала может внести какую-то ясность в этот спорный вопрос. Нам кажется, что для правильного решения вопроса надо однозначно решить: входит ли числительное в состав подлежащего (как считают А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, В. А. Добромыслов и Д. Э. Розенталь) или же числительное является именной частью составного сказуемого (Академическая грамматика, А. Н. Гвоздев, А. Е. Супрун и др.).

Анализ большого фактического материала позволяет нам определять числительное в предложениях рассматриваемого типа как именную часть составного сказуемого. Причем к данному типу мы относим не только предложения с родительным местоимения, но и с родительным существительного или любого субстантивированного слова: Ребят было пятеро; Раненых было трое; Ожидающих было четверо и т. п.

Кроме этого, предложения **Ребят было пятеро, Ребят будет пятеро** и **Ребят пятеро** мы считаем однотипными, т. к. характер отношений между понятиями в них абсолютно одинаков, разница лишь во времени — прошедшее, будущее и настоящее, так же как и в предложениях День был ветреный; День будет ветреный; День ветреный, т. е., в отличие от В. А Добромыслова и Д. Э. Розенталя, мы считаем глагол связкой, а не самостоятельным сказуемым.

1. Рассмотрим предложения **В комнате было пятеро ребят** и **Ребят в комнате было пятеро.** В первом случае мы имеем количественно-именное сочетание **пятеро ребят,** являющееся подлежащим. Во втором случае количественно-именного сочетания нет, так как характер отношений между числительным и родительным имени совершенно иной. **Пятеро ребят** — сочетание, выражающее единое, но расчлененное понятие предмета и уже установленного количества, выполняющее номинативную функцию, которое может при определенной интонации стать номинативным предложением. **Ребят пятеро** — здесь нет единого понятия предмета и количества, а только устанавливается количество, причем установление количества и является единственной целью подобных предложений.

Здесь различия такие же, как и в предложениях «Светлое, солнечное утро» и «Утро солнечное, светлое», где в первом случае имеем выражение единого понятия предмета

и его качества, а во втором — установление качества у предмета.

2. Интонационное оформление в этих случаях также различное. Во-первых, в количественно-именных сочетаниях повышение тона приходится на существительное, а в рассматриваемых конструкциях — на числительное. Во-вторых, количественно-именные сочетания представляют собою интонационное единство, а в рассматриваемых конструкциях наблюдается интонационная расчлененность (и паузами, и ударениями). Эта интонационная расчлененность нередко обозначается на письме постановкой тире (что невозможно внутри подлежащего, выраженного словосочетанием).

Тяжелых — двое: сучанский партизан Фролов, раненный в живот, и Мечик. (А. А. Фадеев, Разгром).

— Оглянуться не успел, а их — семеро, и все живут... (М. Горький. По Руси).

— Сейчас никто уже так не работает, это старомодный прием...

— Почему?

— Тому причин — двадцать две, как в известном анекдоте. (И. Ефремов. Лезвие бритвы).

Эту интонационную особенность предложений рассматриваемого типа подметил и А. Н Гвоздев, отметив, что «они противополагаются односоставным предложением (номинативным — Ю. Щ.), отличаясь от них порядком слов и интонаций». В. А. Добромыслов и Д. Э. Розенталь отмечают, что в рассматриваемых предложениях «при любом порядке слов числительное несет на себе логическое ударение; ср.: Нас было трое; Нас трое было; Трое нас было; Было нас трое и т. д.».

Безусловно, интонационное оформление таких предложений играет роль более важную, чем порядок слов, т. к. в поэтической речи, где в ритмических целях порядок слов сплошь и рядом инверсионный, номинативные количественно-именные предложения оформляются единственным средством — интонацией: Окоп. **Гвардейцев двадцать восемь.** Сугробов белые ряды. (Н. Тихонов).

Здесь подчеркнутое предложение воспринимается как номинативное в ряду других номинативных лишь за счет того, что логическое ударение падает на родительный имени, а не на числительное, и отсутствует пауза между существительным и числительным.

3. Наиболее отчетливо синтаксическая неоднозначность существительного и числительного выступает в расчлененных конструкциях не с собирательными, а с количественными числительными от двух до четырех. Рассмотрим такие примеры:

Собак всего три. Шумливый, непоседливый Лихой — темно-серый забияка с веселыми глазами. Другой — мохнатый, покорный трусишка Мерзкий. В соседнем боксе юлит сладкоежка Нагрев. (Техника — молодежи, № 3, 1964 г.).

— А теперь объясните, почему же старики и молодежь заодно против Кембрия?

— **Причин главных две** (Ф. Пудалов, Лоцман кембрийского моря).

Скоро мы спустились в глубокое ущелье — каньон, шедшее прямо от подножия хребта. **Таких ущелий здесь было три** (И. Ефремов. Дорога ветров).

Вариантов было два — разговор по душам или благоразумная сдержанность (А. Крон. Дом и корабль).

В этих примерах можно наблюдать очень интересный факт: если имя и количество есть расчлененное подлежащее, то здесь подлежащими являются сочетания **три собак, две причин, три ущелий, два вариантов.** В предложении «Столов было два» мы имели бы подлежащее **два столов**. Отсутствие грамматической связи показывает, что имя и количество в подобных конструкциях не могут являться одним членом предложения, поэтому считать их расчлененным подлежащим нельзя.

4. Рассматриваемые конструкции очень часто употребляются без глаголов.

— Господи, да **двое их!** (М. Шолохов. Тихий Дон).

— **Нас ить трое.** (М. Шолохов. Тихий Дон).

— **Нас трое,** и четвертый — лишний (В. Ардаматский. «Сатурн» почти не виден).

— ...**их же шестеро,** как же им вести одного несвязанного?.. (А. Фадеев. Молодая гвардия).

Если подходить к подчеркнутым предложениям с позиций В. А. Добромыслова и Д. Э. Розенталя, то они состоят из одного подлежащего. Следовательно, такие предложения надо было бы признать номинативными, хотя сами эти авторы рассматривают подобное предложение «как неполное, поскольку указанное сочетание (Нас трое — Ю. Щ.) не под-

ходит под тип назывного предложения, главный член которого выражен количественно-именным сочетанием».

Но предложения **Нас было трое** и **Нас трое** различаются только отношением ко времени при абсолютной идентичности отношений между понятиями, как и в предложениях **Мне весело** и **Мне было весело; Погода хорошая** и **Погода была хорошая.** Следовательно, говорить о неполноте здесь не приходится, как не приходится говорить о неполноте односоставного номинативного предложения «Мороз» по сравнению с двусоставным «Был мороз». Поскольку **Нас трое** признается подлежащим, то естественно и предложение признать номинативным, поскольку оно, являясь предложением, выражено одним только количественно-именным (по мнению Добромыслова и Розенталя) сочетанием. Само отсутствие глагола «было» является грамматическим средством выражения настоящего времени.

Значит, если числительное в рассматриваемых предложениях входит в состав подлежащего, то сами предложения должны быть признаны номинативными. Если же эти предложения не номинативные, то и числительное входит не в состав подлежащего, а в состав сказуемого.

Однако рассматриваемые предложения не отвечают требованиям, предъявляемым к номинативным предложениям, по целому ряду признаков:

а) Рассмотрим такое предложение:

Стол один, а **людей пятеро,** и у каждого свое: тому обедать, другому чертить, третьему марки в альбом наклеивать. (А. Лавров, О. Лаврова. Дать по лапе! Изд. «Московский рабочий», 1963 г., стр. 4).

Подчеркнутые предложения невозможно признать номинативными, т. к. номинативные предложения не могут вступать в противительные отношения.

б) Другие примеры:

Нам сообщили, **что ребят пятеро.**

Что же мы можем поделать, **если их трое.**

В этих предложениях придаточные части нельзя признать номинативными, т. к. в русском языке номинативные предложения не могут быть придаточной частью в сложно-подчиненных предложениях.

в) Еще пример:

Ты да я, **нас, товарищ, двое!** (В. Маяковский, Необычное приключение...).

И здесь подчеркнутое предложение не может быть признано номинативным, т. к. номинативные предложения не могут иметь в своем составе обращение.

г) Еще пример:

— **Вас,** кажись, **двое сыновей-то?** — спросил Мартемьянов (А. Фадеев. Последний из Удэге).

И здесь номинативного предложения нет, т. к. номинативные предложения не могут быть вопросительными. (Хотя многие наши языковеды считают, что номинативные предложения могут быть вопросительными, мы разделяем точку зрения тех, кто считает, что номинативные предложения не могут быть вопросительными (А. Н. Гвоздев, С. Е. Крючков и др.).

д) Еще пример:

И подумал я тогда: значит, в тайге **было этих ребят не пятеро.** (Вит. Кошкин. Их было шестеро. Журнал «Вокруг света», № 1, 1964 г.).

Если рассмотреть такое предложение со значением настоящего времени, т. е. с нулевой связкой (Ребят не пятеро), то вынуждены будем признать, что это не номинативное предложение, т. к. номинативные не могут быть отрицательными, а следовательно и не подлежащее, т. к. отрицается обычно весь член предложения, а не часть его.

А так как в данном предложении отношение между понятиями выражает полное отсутствие связи между этими понятиями, то предложение является общеотрицательным. В общеотрицательных предложениях отрицание ставится перед сказуемым.

Анализ всех этих вышеприведенных примеров говорит о том, что в предложениях рассматриваемого типа числительное является не частью расчлененного подлежащего, а сказуемым, точнее — именной частью сказуемого.

5. Порядок слов в предложениях такого типа играет немаловажную роль. Именно он и оформляет (наряду с другими средствами) данные предложения как особую разновидность, ибо при таком порядке слов сразу же бросается в глаза ярко выраженная предикативность, чего нет при препозиции числительного, т. к. количественно-именное сочетание соотносительно с атрибутивным словосочетанием.

Это не единственный случай в русском языке, когда порядок слов играет столь большую роль. В предложениях с инфинитивом и словами категории состояния от порядка этих

последних зависит отнесение предложений к двусоставным (Курить вредно) или односоставным безличным (Вредно курить). Ср. также. Холм закрыл лес — Лес закрыл холм; Нота Дании Англии — Нота Англии Дании.

Но, как уже говорилось выше, основным все же является интонационное оформление.

6. Поскольку синтаксическая роль числительного нами определена как именная часть сказуемого, остается определить тип самого предложения, что зависит от того, как мы будем рассматривать родительный падеж имени. А. Н. Гвоздев предлагает называть этот родительный падеж **родительным подлежащего,** а сами предложения — двусоставными. При этом он ссылается на немецкий язык, где подобные предложения рассматриваются как двусоставные. Однако в русском языке принято считать подлежащим только такое имя или именное словосочетание, которые стоят в именительном падеже. Ведь многим нашим безличным отрицательным предложениям соответствуют немецкие двусоставные, а нашему дополнению соответствует немецкое подлежащее. Тем не менее родительный падеж отрицательных предложений мы считаем дополнением, а не подлежащим, хотя и в отрицательных предложениях, и в рассматриваемых предложениях логическим субъектом является как раз этот родительный имени (Ср.: Бомбоубежище выдержало, **убитых нет, раненых четверо.** А. Крон. Дом и корабль).

При этом следует учесть, что характер отношений между членами подчеркнутых предложений чрезвычайно близок, а интонационное оформление полностью совпадает.

Но наиболее важным является то, что в предложениях Их **было** трое, Их **будет** трое и т. п. глагол не согласуется с родительным имени и может стоять только в безличных формах.

Итак, все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод, что предложения типа **Их было трое** в современном русском языке являются особой разновидностью безличных предложений, в которых устанавливаются количественные отношения между дополнением, выраженным существительным или субстантивированным словом в форме родительного падежа множественного числа, и именной частью сказуемого, выраженного именем числительным или словом с количественным значением.

ЛИТЕРАТУРА

1) А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, 1941, стр. 142—145.

2) В. А. Добромыслов и Д. Э. Розенталь. Трудные вопросы грамматики и правописания. Учпедгиз, 1960, стр. 182—183.

3) А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, II. Учпедгиз, 1958 г., стр. 53.

4) А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Учпедгиз, 1956, стр. 367—369.

5) Грамматика русского языка, изд. АН СССР, М., 1954, т. 2. ч. II, стр. 37.

6) А. Н. Супрун. Имя числительное и его изучение в школе. Учпедгиз, 1964, стр. 75, 85.

7) Е. С. Скобликова. Форма сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием. «Вопросы культуры речи», вып. 2, М., 1959.

Г. И. ШУШАРИНА

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СПИСЫВАНИЯ СО ВСТАВКОЙ ПРОПУЩЕННЫХ БУКВ И ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ДИКТАНТА

(на материале изучения частей речи)

Процесс усвоения правописания школьниками — чрезвычайно сложный и длительный процесс. Конечным результатом его должна явиться выработка у учащихся прочного навыка орфографически правильного письма. В советской методике орфографический навык определяется как сознательное действие, основанное на использовании правил грамматики и правописания. Но с давних пор в практике обучения русскому языку известны факты, когда учащийся, зная правило и умея его формулировать, допускает ошибки в словах на это правило[1]. Происходит это потому, что ученик часто не осознает случаев, где надо применить правило, не видит орфограмму в слове. «...Прежде чем применить к частному случаю правило, данное в отвлеченной и обобщенной форме, учащийся сначала должен вообще осознать необходимость применения в данном случае такого-то правила. Он должен почувствовать необходимость подумать над написанием данного слова, причем задуматься не над словом в целом, а над определенной его частью, над определенной орфограммой. Отсутствие осознания этой необходимости, отсутствие постановки вопроса «как писать?» может стать источником того, что нужное правило не будет применено и будет допущена

[1] П. М. Перевлесский, Практическая орфография с предварительными к ней замечаниями, М., 1842, стр. 1.

Н. С. Рождественский, Обучение орфографии в начальной школе, Учпедгиз, 1960, стр. 68.

ошибка, хотя учащийся знает правило и умеет применять его в специально указанных условиях».[1]

Списывание со вставкой пропущенных букв облегчает учащимся письмо, т. к. условный знак (три точки) на месте пропущенной орфограммы указывает учащимся, где надо задуматься над правописанием, указывает на необходимость применить правило, чтобы решить вопрос о том, что писать на месте пропуска, какую букву или сочетание букв вставить. При написании предупредительного диктанта специальных указаний на то, что учащиеся должны задуматься над правописанием именно в данном случае (в связи с данным словом) не имеется, т. к. анализ большого количества орфограмм, содержащихся в предложении, происходит до написания его. Таким образом, списывание со вставкой пропущенных букв и предупредительный диктант по-разному ориентируют учащихся на наличие орфографической трудности при выполнении этих видов упражнений.

Чтобы определить, какой из видов письменных упражнений может быть более эффективным при изучении разнообразных по своему характеру орфограмм, мы провели специальное исследование. В своих рассуждениях о целесообразности использования списывания со вставкой пропущенных букв как приема обучения орфографии мы руководствовались данными собственного педагогического опыта, наблюдениями за ходом обучения правописанию в целом ряде школ и утверждениями методистов, психологов и учителей о необходимости построения системы орфографических упражнений в соответствии с характером изучаемых орфограмм, при широком использовании списывания со вставкой пропущенных букв.

Эксперимент был поставлен в 1965—1966 учебном году в двух пятых классах школы № 225 города Москвы. В обоих классах (учительница Н. П. Кузина) учебный процесс строился одинаково в соответствии с традиционной методикой, за исключением этапа закрепления орфографического материала: в одном классе проводился предупредительный диктант, в другом — списывание со вставкой пропущенных букв этого же текста, отпечатанного на листочках на машинке для каждого ученика. Для изучения были взяты падежные окончания имен существительных, в правописании которых учащиеся

[1] В. И. Петрова, О соотношении орфографического правила и навыка, ж. «Вопросы психологии», 1957 г., № 2.

часто допускают ошибки. При написании падежных окончаний имен существительных учащиеся должны учитывать ряд признаков: падеж, определяемый на основе установления связи слов в предложении, склонение, которое определяется по роду и окончанию именительного падежа единственного числа данного существительного. Изменение одного из условий может вести к изменению окончания.

В текст были включены имена существительные первого и второго склонения единственного числа в родительном, дательном и предложном падежах, взятые с предлогом и без предлога, с пояснительными словами и без них. Использовались существительные женского рода с основой на согласный (песня, калитка), существительные на **-ия** (акация), составляющие особый случай первого склонения и оканчивающиеся в родительном, дательном и предложном падежах единственного числа на **-и**, существительные на **-ея**, которые учащиеся ошибочно относят иногда к особому случаю первого склонения (галерея); имена существительные мужского рода второго склонения с твердой основой (шум), с основой на **-й** (пролетарий, иней), с мягкой основой (тополь); имена существительные среднего рода с окончанием **-о** (беспокойство) и с окончанием **-е** (волнение, безмолвие).

В обоих классах текст прочитывался и подвергался орфографическому разбору, а потом в одном классе записывался под диктовку, а в другом предлагался для списывания со вставкой пропущенных букв. По сравнению с предупредительным диктантом количество ошибок, допущенных учащимися при списывании со вставкой пропущенных букв, значительно меньше; это отражено в габлице 1.

Таблица 1.

Вид работы	Число орфограмм	Допущено ошибок	В %
Предупредительный диктант	612	50	8,1%
Списывание со вставкой пропущенных букв	612	16	2,5%

Количество слов, в которых были сделаны ошибки в диктанте и при списывании со вставкой пропущенных букв, тоже неодинаково. В диктанте ошибки были сделаны в 13 словах, а при вставке букв — в восьми словах. В диктанте выделяет-

ся ряд слов, в которых было допущено особенно много ошибок (во многих местах нашей столицы, в Третьяковской галерее). При списывании со вставкой пропущенных букв ошибки распределяются равномерно между отдельными словами.

Количество ошибок в % к числу всех орфограмм каждой группы представлено в таблице 2.

Таблица 2.[1]

Вид работы	1	2	3	4	5	6
Предупредит. диктант	11,8%	5,5%	22,2%	—	8,3%	6,9%
Списывание со вставкой букв	2,1%	2,7%	5,5%	5,5%	0,9%	4,1%

Из таблицы видно, что большую трудность при написании диктанта и сравнительно меньшую при списывании со вставкой пропущенных букв представляли написания существительных без предлога и существительные мужского рода с основой на **й**. Ошибки в словах без предлога объясняются тем, что значительно легче произвести анализ при наличии предлога, от которого ставится падежный вопрос. А без предлога приходится осознавать более развернуто грамматическую связь слов в предложении в целом и делать это удобнее, имея перед глазами текст предложения. В существительных с предлогом сделано сравнительно немного ошибок и в диктанте и при списывании со вставкой пропущенных букв. Самое же большое количество ошибок в диктанте допущено в существительных, оканчивающихся на **-ея**, причем и при списывании со вставкой пропущенных букв в этих словах ошибок сделано больше, чем в других орфограммах.

Самыми легкими для написания в диктанте оказались слова, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на **-ия**. Легкость написания существительных на **-ия** отмечена в «Методике правописания» М. В. Ушакова.

[1] В таблице условно обозначены следующие группы орфограмм:
1 — имена существительные без предлога,
2 — имена существительные с предлогом,
3 — имена существительные женского рода на **-ея**,
4 — имена существительные женского рода на **-ия**,
5 — имена существительные мужского рода на **-й**,
6 — имена существительные среднего рода на **-е**.

«При изучении существительных на **-ия** и их правописания несколько меньшую роль играет осознание падежа (у этих существительных в разных падежах нет взаимно смешиваемых окончаний, у них пишется на конце только **-и** и никогда не пишется **-е**)».[1]

В существительных среднего рода на **-е** (волнение, безмолвие) ошибок сделано больше в диктанте, чем при списывании со вставкой пропущенных букв. В материале для упражнений формы дательного и предложного падежей существительных на **-ие** обязательно надо сопоставлять с соответствующими формами на **-е**, т. к. при произношении конечный гласный сильно редуцируется и ведет к ошибкам в написании. При списывании со вставкой пропущенных букв наличие в этих существительных перед падежными окончаниями буквы **-и-**, которую учащиеся воспринимают зрительно, позволяет избежать ошибок при письме.

Обращает на себя внимание разница в характере ошибок, допущенных при списывании со вставкой пропущенных букв и в предупредительном диктанте. В диктанте чаще встречаются ошибочные написания окончания **-и** вместо **-е** (например, в галере**и**, в музе**и**, на выставк**и**, в шум**и**, в беспокойств**и**). Поскольку в произношении конечной редуцированный звук ближе к **и**, чем к **е**, эти ошибки мы можем условно назвать «фонетическими». «Нефонетическими» ошибками так же условно мы называем написания буквы **е** вместо буквы **и** (против произношения): из калитк**е**, в волнени**е**, в безмолви**е**.

В диктанте и при списывании со вставкой пропущенных букв число «нефонетических» ошибок примерно одинаково, но число «фонетических» ошибок явно преобладает в диктанте.

Результаты работ показывают, что в процессе выработки орфографического навыка значительно сокращается число ошибок при списывании со вставкой пропущенных букв по сравнению с предупредительным диктантом, потому что пропуск букв при списывании стимулирует учащихся к сознательному применению правила, побуждает к морфологическому анализу слова, к активному поиску для решения вопроса: что писать на месте пропуска. Ошибки, допущенные при списывании со вставкой пропущенных букв в словах на **-ея**, являются результатом недостаточной дифференциации

---

[1] М. В. Ушаков, Методика правописания, Учпедгиз, 1959, стр. 85—86.

окончаний у них и у слов на **-ия**, составляющих исключение из первого склонения и имеющих окончание **-и** в дательном и предложном падежах, и позволяют предполагать, что в этом случае, при наличии исключений из правила, использование списывания со вставкой пропущенных букв оказывает меньшее положительное влияние на письмо учащихся.

Самостоятельная экспериментальная работа была проведена для сравнения эффективности списывания со вставкой пропущенных букв и предупредительного диктанта при изучении темы «Склонение имен прилагательных» в четвертых классах. С этой целью в шести четвертых классах мы предложили один и тот же текст для предупредительного диктанта и списывания со вставкой пропущенных букв. В эксперименте приняло участие 212 человек, учащихся школы № 225 города Москвы и школы № 1 города Мелекесса Ульяновской области.

Методика эксперимента заключалась в следующем: в каждом классе перед письменной работой прочитывалось предложение и разбирались трудные по правописанию слова (в листочках, которые были розданы учащимся, они напечатаны с пропуском букв). Учащиеся вспоминали правило, приводили примеры, решали вопрос о написании данной орфограммы. Затем в одних классах текст диктовался учителем, в других — предлагался для списывания со вставкой пропущенных букв. При всех прочих равных условиях нам не удалось уравнять время, затраченное на оба вида работы. Списывание заняло больше времени, чем диктант. Это, как известно, объясняется тем, что при диктовке учитель навязывает учащимся некоторый средний темп работы: сдерживает тех, кто пишет быстро, и подгоняет тех, кто пишет медленно, ориентируясь на среднего ученика или на большинство учащихся. При списывании же каждый учащийся работает в индивидуальном темпе, получает возможность обдумывать орфограмму в течение более продолжительного времени. Регулировать темп работы учителю в этом случае труднее. Часть учащихся с более развитой зрительной памятью, полагаясь на нее, стремится вспомнить и восстановить в своей памяти зрительный образ слова, нарушенный пропуском орфограммы; другая часть учащихся обращается к орфографическому правилу, чтобы им регулировать написание; третья — произносит слово про себя, иногда шевеля губами, проверяя выбранный вариант написания на слух и по речедвигательным

ощущениям. Мы остановились на падежных окончаниях имен прилагательных по ряду причин. Несмотря на то, что система склонения имен прилагательных однообразнее системы склонения имен существительных, ошибки в падежных окончаниях прилагательных довольно многочисленны и разнообразны. Кроме того, данные орфограммы имеют ряд особенностей, отличающих их от других типов орфограмм. Чтобы решить вопрос о правописании падежных окончаний прилагательных, учащийся должен установить связь слов в предложении, поставить вопрос к прилагательному от существительного, к которому оно относится; определить число, род, падеж прилагательного; установить характер основы прилагательного; правильно соотнести окончание вопроса с окончанием имени прилагательного. Следовательно, учащийся должен произвести анализ данного грамматико-орфографического явления, учесть ряд признаков. Орфограммы, входящие в данную группу, разнородны, регулируются разными правилами правописания, требуют дифференцированного подхода к выбору упражнения для закрепления навыков правописания. Так, правило правописания прилагательных мужского рода и среднего рода в родительном падеже единственного числа имеет, согласно классификации, предложенной Д. Н. Богоявленским, однозначный, одновариантный характер. «В родительном падеже единственного числа прилагательные мужского и среднего рода имеют окончание -ого, -его». Закрепление таких правил правописания требует установления связи между определенной грамматической категорией и единообразной формой ее выражения. Другая часть орфограмм регулируется правилами, сводящимися к рекомендации некоторого приема, применение которого ведет к правильному решению орфографического вопроса. Например, «Чтобы не ошибиться в правописании безударных падежных окончаний прилагательных, надо определить падеж и подставить вопросы «какое?», «каким?», «о каком?»

В текст были включены имена прилагательные единственного и множественного числа, взятые в различных падежах, с предлогом и без предлога. Всего 17 контрольных слов — прилагательных. Для сравнения использовались слова различного характера. Так, были привлечены прилагательные мужского рода в именительном падеже единственного числа с основами на твердые и мягкие согласные (резкий холодный ветер, яркий огонек). Разграничение этих окончаний (-ий,

-ый, **-ой**) составляет для учащихся определенную трудность, т. к. они совпадают в произношении. К тому же орфограмма -ый (ий) почти единственная в системе окончаний прилагательного, которая нарушает морфологический принцип, не проверяется сопоставлением с подударным окончанием. Были представлены в тексте безударные окончания прилагательных мужского рода единственного числа в родительном падеже (знакомого лесника). Обычно в учебниках для начальной школы правописанию окончаний родительного падежа уделяется много времени и внимания. Окончание это содержит три орфографические трудности: два безударных гласных и согласный **в**, который обозначается несоответствующей буквой **г**. Представлены в тексте и наиболее трудные окончания прилагательных мужского и среднего рода в творительном и предложном падежах единственного числа (мелким колючим снегом, на темном небе, серебристым инеем, горячим чаем). Взяли мы для сравнения и взаимно смешиваемые окончания прилагательных женского рода единственного числа в винительном и творительном падежах (в зимнюю ночь, холодной зимней ночью, теплой шубой). Окончание **-ой**, кроме того, часто смешивается с окончанием **-ый**, **-ий** мужского рода, что приводит к ошибкам, особенно когда в предложении имеется существительное мужского рода, с которым учащиеся ошибочно и согласуют данное прилагательное. В правописании имен прилагательных множественного числа учащиеся делают меньше ошибок, потому что система склонения прилагательных во множественном числе значительно однообразнее и проще, чем в единственном. Мы взяли только несколько прилагательных множественного числа в именительном падеже, т. к. это одно из наиболее трудных окончаний (наряду с окончаниями творительного и дательного падежей), дающее большое количество ошибок.

Результаты экспериментальной работы представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Вид работы	Число орфограмм	Допущено ошибок	В %
Предупредительный диктант	578	62	10,7%
Списывание со вставкой пропущенных букв	578	27	4,6%

Из таблицы видно, что по сравнению с предупредительным диктантом количество ошибок при списывании со вставкой пропущенных букв значительно сократилось. Это объясняется тем, что при списывании перед взором учащихся находится текст предложения, что облегчает установление связей между словами в предложении, помогает быстрее найти существительное, к которому относится данное конкретное прилагательное, кроме того, роль грамматико-орфографического анализа в диктанте менее значительна, чем при списывании со вставкой пропущенных букв, где для учащихся создаются более благоприятные условия для того, чтобы подумать над орфограммой и над правилом, по которому надо писать окончание, провести структурный, морфологический анализ слова.

Мы разбили все слова, в которых допущены ошибки, на группы, в зависимости от указанных выше особенностей орфограмм. В таблице 4 показан характер и количество ошибок по каждой группе в отдельности.

Таблица 4.

Вид работы	Им. и Р. пад. м. и ср. рода	Тв. и Пр. пад м. и ср. рода	В. и Тв. пад. ж. р.	Множеств. число
Предупред. диктант	6,6%	15,3%	12,5%	7,3%
Списывание со вставкой букв	4,4%	5,8%	4,7%	4,4%

В таблице представлено количество ошибок в процентах по отношению к общему числу орфограмм каждой группы. Как видно из таблицы, наибольшую трудность в диктанте для написания представляют окончания прилагательных мужского и среднего рода единственного числа в творительном и предложном падежах. Это объясняется тем, что сильная редукция гласных в заударных закрытых слогах в окончаниях этих прилагательных ведет за собой смешение их в произношении, затрудняющее определение падежа. Кроме того, в окончаниях творительного падежа прилагательных учащиеся часто ошибались (как выяснилось в беседах с теми, у кого эти ошибки имелись) под влиянием того же падежа существительных, имеющего окончания **-ом**, **-ем**. Трудность написания этой группы слов отмечает и М. В. Ушаков в

статье «Об орфографических ошибках в окончаниях прилагательных», напечатанной в журнале «Русский язык в школе», 1962, № 1. При списании со вставкой пропущенных букв эта группа орфограмм дала ошибок почти в три раза меньше, чем в диктанте, примерно столько же, сколько и другие группы, с очень незначительным перевесом в 1,1%. Аналогичные соотношения в количестве ошибок наблюдаем мы и в группе орфограмм винительного и творительного падежей прилагательных женского рода единственного числа: 4,7% при списывании со вставкой пропущеных букв и 12,5% в диктанте. Следовательно, необходимость подумать над орфограммой, сознательно отнестись к выбору написания, то своеобразное предостережение, которое имеется в наличии пропуска букв в слове, вело к снижению ошибок. В первой группе орфограмм (именительный падеж мужского рода единственного числа и родительный падеж мужского и среднего рода единственного числа) разница в процентном соотношении количества ошибок в диктанте и при списывании со вставкой пропущенных букв незначительна. Постановка задачи в виде пропуска букв не облегчает написания данной орфограммы. Происходит это, по всей вероятности, потому, что первоначальное усвоение слов с данной орфограммой идет частично через усвоение написания их как целостных, нерасчлененных образов слов, без специального вычленения орфографического затруднения. Поэтому в ряде случаев выделение этого орфографического затруднения, сделанного в виде пропуска орфограммы, приводит к увеличению ошибок. Безударное окончание именительного падежа единственного числа мужского рода не поддается проверке ударным окончанием, вопрос «какой?» толкает учащихся к ошибке в этих словах. Нельзя проверить и окончание родительного падежа мужского рода по вопросу «какова?». Их надо просто запомнить как случаи традиционного написания. Окончания родительного падежа у прилагательных мужского и среднего рода **-ого, -его** были еще труднее с точки зрения правописания до реформы орфографии 1917 года, когда вопреки произношению и морфологическому принципу писалось **-аго, -яго.** Трудность написаний безударных окончаний **-аго, -яго** вызывалось тем, что они находились в противоречии с написанием подударного окончания **-ого.** Все это, конечно, не означает, что списывание со вставкой пропущенных букв нельзя использовать при изучении данных орфограмм. Наоборот, надо обратить внимание учащихся

на трудность их написания. Факты говорят лишь о том, что подобные упражнения надо сочетать с показом правильного написания этих слов для запоминания их зрительного образа. Кроме того, необходимо, чтобы учащиеся четко представляли себе структуру слов, содержащих данную орфограмму. Ошибки, допущенные учащимися при списывании со вставкой пропущенных букв и в диктанте различаются по своему отношению к произношению. В диктанте больше «фонетических» ошибок (высоки и деревья, в зимнию ночь, знакомова лесника). Количество «нефонетических» ошибок (горячем чаем, в дальнею деревню) в диктанте и при списывании со вставкой пропущенных букв одинаково. Преобладание ошибок, связанных с произношением, показывает, что неумение применять правило, достаточно осознавать его вызывает в ряде случаев, чаще в диктанте, попытки опереться на фонетические связи, на написание окончаний «по слуху».

Имея в своем распоряжении экспериментальные данные, полученные в работе с 4 и 5 классами при изучении падежных окончаний имен существительных и прилагательных, мы решили провести подобное исследование в 6-х классах при изучении склонения причастий, сознавая, что это одна из труднейших орфографических тем. Усвоение падежных окончаний причастий осложняется тем, что причастия очень часто имеют возвратную частицу, которая затрудняет учащимся выделение окончания. Кроме того, причастия имеют очень разнообразную и сложную систему суффиксов (отдельные из них напоминают окончания прилагательных, например, суффикс страдательных причастий **-ем-**, **-им-**). Причастия чаще, чем прилагательные, имеют при себе пояснительные слова, нередко отделяющие их от существительных, к которым они относятся. Это затрудняет правильное согласование, а правописание окончаний причастий в основном упирается, как и правописание прилагательных, в вопрос о правильном согласовании. Подобно именам прилагательным, причастия часто имеют безударные окончания.

В экспериментальный текст, предназначенный для выяснения сравнительной эффективности списывания со вставкой пропущенных букв и предупредительного диктанта при изучении склонения причастий, мы включили причастия с безударными и взаимно смешиваемыми окончаниями. Методика эксперимента была та же самая. Результаты опыта отражены в таблице 5.

Таблица 5.

Вид работы	Допущено ошибок при одинаковом к-ве орфограмм	В проц.
Предупредительный диктант	48	12,5%
Списывание со вставкой букв	25	4,5%

Из таблицы видно, что сохраняется та же закономерность, что и в предыдущих опытах. Списывание со вставкой пропущенных букв дает лучшие результаты, чем обучающий диктант.[1]

Пропуск орфограммы нарушает зрительный образ слова, но для усвоения окончания, которое является изменяемой частью в слове, зрительный образ целого слова существенной роли, по всей вероятности, не играет. Зато, имея это слово перед глазами при списывании со вставкой пропущенных букв, учащиеся быстрее и легче разбираются в составе слова. Пропуск букв настораживает учащихся, держит в напряжении их волю, побуждает к проверке написанного, положительно влияя на качество письма. При обучающем же диктанте учащийся в ряде случаев совсем не усматривает необходимости задуматься над тем, как надо написать то или иное слово или часть его, не ищет сознательной опоры на правило при письме и чаще допускает ошибки.

Одно из основных положений советской психологии заключается в том, что психические процессы, происходящие в сознании ученика, зависят от задачи и характера деятельности, с которой они связаны. Полученные нами данные показывают, как меняется правильность письма в зависимости от характера орфографической задачи, выполняемой учащимися— сознательное списывание и предупредительный диктант.

Экспериментальная работа показала целесообразность использования списывания со вставкой пропущенных букв для закрепления правописания тех орфограмм, при написании которых можно опереться на правило. Пропуск букв, который вызывает постановку и сознательное решение вопроса, как надо написать в каждом конкретном случае, предполагает сознательное орфографическое действие, которое в процессе выработки орфографического навыка постепенно автоматизируется.

[1] Все экспериментальные работы проводились после первичного закрепления каждой изученной темы.

СОДЕРЖАНИЕ

Ученые записки. Т. XXI. Вып. 3.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ И ВУЗЕ.

Отв. редактор доцент **А. В. Турасова.**

Тех. редактор **В. П. Губернаторов.**

Корректор **Н. С. Афанасьев.**

Сдано в набор 17 февраля 1968 г.

Формат бумаги 60×84$^{1}/_{16}$. Подписано к печати 28-V-1968 г.

Усл. печ. л. 12,5. ЗМ 05166. Заказ 954.

Тираж 1000 экз. Цена 72 коп.

Мелекесская городская типография.